

В номере:

Презентация

Георгий Каюров. **Гордитесь своим поколением** 3

Личности и гении

Сергей Маслоброд. **Сын молдавского господаря** 8

Проза

Александр Чернобровкин. **Столешников переулок** 13

Олег Цуркан. **В ожидании рая** 38

Поэзия

Александр Милях 56

Нелли Зиновьева 58

Александр Курочкин 60

Эд Побужанский 62

Борис Куделин 63

Переводы

Евгений Шторн. **Смех сквозь страх** 65

Андрей Ростовцев. **Пять песен** 95

Пишут читатели

Иван Казачук 97

Литература для детей

Алла Ступина 98

Дневник путешественника

Наталья Синявская. **В Амстердаме даже дома танцуют** 100

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко,
Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Александр Милях, Алексей Дука,
Виктор Хантя, Матвей Левензон, Дмитрий Градинар, Максим Замшев, Иван Дуб,
Анна Малдофа, Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художники-иллюстраторы

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ, Елена ЛЕШКУ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие»

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

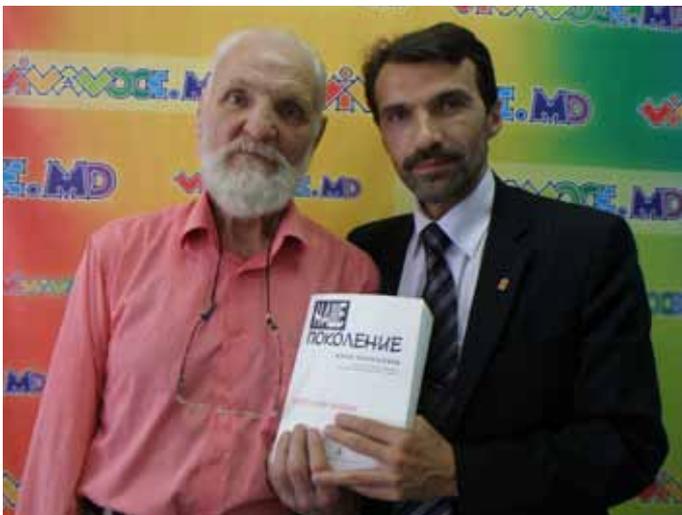
Георгий КАЮРОВ

Гордитесь своим поколением

Представлять книгу, которая стала результатом работы целого коллектива авторитетных специалистов, а главное, знаемых людей в стране, непростое дело. Особенно когда эта книга, ещё до своего появления, находясь в проекте, уже стала прорывом и фантастической целью по своему замыслу. Ещё бы!

Ни к кому не стал обращаться, чтобы представили Хрестоматию в широком публицистическом материале. Почему? Никто не сможет рассказать о внутренней подготовке и текущей работе над этим проектом. Никто кроме меня не знает всех деталей, а дело сделано большое и, как мне кажется, требующее скрупулезного разбора, чтобы осмыслить до конца и мне самому, не только литераторам, учёным, читателям.

Прежде всего хочется поблагодарить компанию «Сибирь S7» и её представителя в Республике Молдова Леонтьева Сергея Владимировича за надёжное партнёрство и предоставленную возможность пригласить в нашу страну известного писателя современности Владимира Николаевича Крупина. Неизменный партнёр и, даже можно смело говорить, друг журнала «Наше поколение» – Национальная библиотека РМ во главе с Алексеем Алексеевичем Рэу, который поддержал замысел по созданию Хрестоматии и

Владимир Крупин и Георгий Каюров

особенно хочу поблагодарить Мельник Раису Николаевну, которая создала все условия для проведения презентации.

Собрать Хрестоматию из произведений писателей-современников – это не столько сложная задача, сколько ответственная. И прежде всего в том, что не каждый решится взять на себя такую ответственность. Тем не менее была проведена

презентация Хрестоматии современной русской литературы для филологических факультетов и лицеев. Это значит – нашлась группа единомышленников, которая не побоялась взять на себя ответственность предложить читателю-книголюбу и читателю-профессионалу произведения писателей-современников. С чего же всё началось?

Приступая к разговору, хочется сказать и о журнале «Наше поколение». Около четырёх лет назад был запущен проект литературного журнала «Наше поколение». Выходящий регулярно журнал стал привлекательной площадкой для пишущего сообщества Республики Молдова, а со временем и для всего мирового литературного сообщества. За три с небольшим года читатели нашей республики увидели на страницах журнала произведения писателей из многих стран: России, Украины, США, Израиля, Болгарии, Польши, Италии, Швейцарии. За это время выросло блестящее поколение писателей Республики Молдова – Олег Цуркан, Николай Винятинский, Юрий Иванов, Виктор Панько, Анна Гросул, Виктор Хантя, Максим Солодкий, Ольга Бедная, Сергей Власов и многие-многие другие, которые стали настоящим источником народоведения, человековедения.

С приходом в нашу жизнь Интернета время стало стремительным, возможности для автора расширились. Авторам уже не нужен издатель. Написал что-либо, открыл свою страницу во всех литературных порталах или вообще собственный сайт, разместил на них свои опусы и обозвался «писателем». В Интернете всегда найдёшь своего читателя, и это «творца» удовлетворено!

Разрыв между литературой XIX века и века XXI стремительно растёт. Большинство молодого поколения уже слабо понимает, что хочет от него учитель, навязывающий произведения классиков, сюжеты произведений которых

черпались в средней полосе (Орловской, Тульской, Калужской) или столицах России. Литература расширила свои границы до самых глухих уголков человеческого обитания. И именно это становится интересным молодому поколению – прочесть о своём крае, о людях, живущих в нём. Увидеть, что и окружающий его мир живёт теми же высокими и низменными переживаниями, о которых писал классик, живший двести лет на-

зад. И самое главное! У современного поколения не должно сформироваться ложное представление о том, что всё написано двести лет назад, а его современники бесплодны и бесталанны. Современник не должен думать, что высокая любовь возможна была только двести лет назад, а сегодня, если ты мечтаешь о современном автомобиле и отдыхе на Канарских островах, то ты уже не можешь быть романтиком и любить высокой любовью. Находясь в таких размышлениях, я и пришёл к решению собрать произведения своих собратьев по перу в один общий сборник и предложить современникам.

Изначально было принято решение не заглядывать, подсматривать у имеющихся уже хрестоматий. Хотелось сделать что-то новое, своё. Спасибо Татьяне Ивановне Нагнибеде-Твердохлеб, замечательный руководитель с современными, прогрессивными взглядами. С её лёгкой руки был предложен коллектив учителей-профессионалов в редакционный совет. Особо хотелось бы подчеркнуть вот что. На всех уровнях Министерства просвещения РМ, я встречал понимание и доброжелательность. Законодательные рамки удержали министерство от более активной поддержки, но так и должно быть – Министерство просвещения и должно стоять на консервативных позициях. А вот тот факт, что это же Министерство просвещения отметило Хрестоматию дипломом и премией на Международном книжном салоне, говорит о том, что наши чиновники – прогрессивно мыслящие личности. И это здорово!

Откликнулись и учёные Академии наук Республики Молдова, и преподаватели вузов. Все их имена вы увидите на титуле Хрестоматии, но это не значит, что этим кругом ограничились сторонники начинаемого большого дела. Собрались люди с прогрессивными взглядами, с творческим профессионализмом. Спасибо огромное всем учителям-практикам, которые откликнулись и поддержали проект советом и просто добрым словом. Много раз повторю – объединились общей идеей профессионалы с большой буквы, и совместная работа это подтвердила. Независимо от места работы учителя – от небольшого села и до столицы – творчество блистало!

Куда проще начитывать материал, написанный учёными и отточенный десятилетиями и с важным видом получать высшие категории. С новым материалом, с произведениями современников надо поработать, надо напрячь мозги, надо анализировать и, может быть, даже проиграть в диспуте молодому поколению.

По какому принципу отбирались авторы и

произведения? Прежде всего по принципу массового распространения произведений посредством журнала «Наше поколение». Выходят и другие издания, но всё карманными тиражами и от случая к случаю. На сегодняшний день журнал «Наше поколение» – самый массовый литературный журнал, который распространяется по всей территории Республики Молдова. И за это хочу персонально поблагодарить «Почту Молдовы» и «Молдпрессу». Благодаря государственному чутью, ответственной гражданской позиции руководителей этих организаций журнал беспрепятственно попадает к читателю в любом уголке нашей страны. Вообще, странное дело! Молдавские руководители – от государственного уровня до коммерсантов – помогают развиваться журналу «Наше поколение», а некоторые чиновники российских диппредставительств интригуют, склочничают, вставляют палки в колёса. Я могу понять молдавских чиновников, как им не просто! Ведь сегодня помогать русскому литературному журналу так же опасно, а то и опаснее, чем в советские времена помогать «самиздату»! Вот дожились до свободы! Но, как говорится: за что боролись, на то и напоролись.

Учителя получили полную подшивку журнала за три года и приступили к отбору. Предстояло прочесть и отобрать лучшие произведения и вложить в объём до шестисот страниц. Почему? Всё упирается в деньги! И потом, всего не wybierешь. Любой сборник – это субъективный вкус составителей, но мы постарались отобрать произведения, которые отображали бы нашу жизнь, соответствовали принципам народоведения, подходили бы под учебную программу (обновлённый курсикулум 2010), поднимали важные темы социальной жизни людей. Думаю, мы справились. Около двух тысяч работ перечитали учителя. К каждому отобранному произведению были составлены вопросы и задания согласно требованиям обновлённого курсикулума (программы). Каждое отобранное произведение должно было соответствовать. Возникали и напряжённые моменты. В основном они касались концепции составления хрестоматии. И тут же следовало предложение: давайте посмотрим, как составляли другие. Вот от этого я отказывался наотрез. Уже позже, когда наша Хрестоматия находилась в типографии, мне попала на глаза хрестоматия, подготовленная в другой стране. Не буду скрывать, с волнением и большим интересом я взял в руки этот сборник. И каков же был мой восторг, когда я пролистал «конкурента»: а мы сделали лучше! Почему я пришёл к такому выводу? Пре-

жде всего хрестоматия, которую я держал в руках, представляла собой обыкновенный сборник, составленный из произведений разных авторов, и всё! Мы же подготовили Хрестоматию не только как сборник произведений разных авторов, но и снабдили каждое произведение вопросами и заданиями. То есть в нашей Хрестоматии есть методический аппарат. Это не значит, что вопросы и задания только такие и никаких больше. Наоборот! Наше предложение, в каком направлении работать преподавателю, всего лишь совет. Любой учитель может предложить свои вопросы и задания. Более того, хорошо, если он направит их в редакцию, чтобы в переиздаваемой хрестоматии учли и его совет и опыт. Хрестоматия, составленная из произведений современников, тем и хороша, что позволяет спорить с автором и, может быть, оспорить авторский взгляд. То, чего мы не имеем, изучая произведения, написанные сто, двести лет назад.

Каждый раздел Хрестоматии начинается обзорной статьёй специалистов. Зачем? Чтобы проследить научно-исследовательское направление в изучении литературного процесса. Где те литературоведы, которые на вопрос автора: «Как?», отвечают: «Не знаю. Вы автор, вам лучше знать».

Произведения отбирались в три раздела: повести и рассказы, очерк, фантастика. Раздел поэзии решено было не включать вот по каким причинам. За последние двести лет в поэзии так много написано, что удивить чем-либо современному стихотворцу очень сложно, включать стихи классиков не входило в условия решаемой задачи. Составляющих рифмы так много развелось, что стихи перестали пользоваться популярностью у читателя, а главное – это такой склочный народец и совершенно не по таланту

амбициозный. Почему же мы всё-таки включили раздел поэзии? Хрестоматия была уже готова, и оставалось получить от учёных обзорные статьи для разделов. Просматривая статью Владимира Никандровича Носова, я несколько раз перечитал коротенький абзац, посвящённый поэзии, и... автор убедил! Так появился раздел, посвящённый поэзии. Стихотворцы и рифмодарители бумаги – благодарите Носова! Статью и подборку авторов подготовил по моей просьбе кандидат филологических наук, поэт Дмитрий Нечаенко – талантливый поэт и блестящий учёный. Считаю, раздел подготовлен профессионально, а Владимиру Никандровичу Носову спасибо за мудрый совет.

Сорок восемь авторов, из которых двадцать четыре из Республики Молдова – это ли не срез современного литературного процесса?

Сегодня, когда я держу в руках готовый том Хрестоматии и перелистываю, то ловлю себя на мысли, что кое-что сделал бы по-другому, что-то бы изменил, что-то можно будет улучшить в переиздаваемом выпуске. Мы много обмениваемся мнениями с коллегами, и каждый из них «болеет» за наше детище. Болеет так, как будто с него единственного спрос. Вот какова была степень ответственности каждого!

Просматривая всю подборку произведений, могу смело сказать: Нашему поколению не будет стыдно перед потомками. Мы, продолжатели традиций, завещанных нам нашими учителями – Карамзиным, Пушкиным, Достоевским, Толстым, Буниным, Маяковским, Есениным и многими, и многими, работаем со словом на пользу общества. Писатели-современники служат своему делу искренно и с честью!

Читайте современников – гордитесь своим поколением!

Владимир Крупин, Александра Стаканова и Георгий Каюров

В гостях у А.С. Пушкина

Отец Николай, Георгий Каюров и Владимир Крупин

Ольга Герлован

Георгий Каюров, Владимир Крупин и Светлана Гайбу

Ирина Шихова

Анна Гросул

Максим Солодкий

Надежда Донцу, Надежда Кара

Георгий Каюров и Владимир Крупин

Олег Цуркан

На презентацию хростоматии собрались единомышленники

Сергей МАСЛОБРОД

Сын молдавского господаря – титан петровского Ренессанса

(по следам 300-летнего юбилея Антиоха Кантемира)

Надо ли разговор о великом человеке прошлого обязательно приурочивать к определённой дате, связанной с его жизнью и творчеством? Разумеется, нет. Деяния великих – достояние всего человечества, его ноосферы. Наше обращение к их именам не только по официальному поводу – насущная необходимость. Благоприятное влияние локомотивов научно-технического, культурного и общественного прогресса, безусловно, простирается за рамки их собственной жизни, более того, этот «запредельный эффект» усиливается со временем, так как он становится все более осознаваемым и осязаемым и духовно, и материально. Слова и дела великих, по сути, становятся классикой, а классика – вечна. Кстати, зачастую сами классики себя тоже хорошо понимают («И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит»). Когда обращаешься к высокому имени не походя и не между прочим, а с чувством и всерьёз, с погружением в мир Личности, то начинаешь невольно ощущать чуть ли не физическое присутствие этой Личности здесь и сейчас. И тогда тебе удаётся уловить хоть какую-то толику её флюидов, несущих духоподъёмную энергетику.

Такая преамбула к разговору об Антиохе Дмитриевиче Кантемире вполне достаточна для объяснения, почему автор обратился к этому имени с «опозданием», ведь 300-летний юбилей Кантемира прошел четыре года тому назад. Но на самом деле, даже с формальной точки зрения, автор не опоздал. Это большого события ещё не утихло. Ещё продолжают находить своих героев награды по случаю юбилея. И в этом, 2012-м году, тоже вручались учреждённые Международной ассоциацией дружбы и сотрудничества (МАДИС) «Молдова-Россия» медали и золотые и серебряные Знаки Почета имени Антиоха Кантемира достойным людям Молдовы, в числе которых был и президент Академии наук РМ. В сентябре 2012 года состоится заседание по поводу очередного дня рождения Антиоха Кантемира. В 2003 году по инициативе Ассоциации

правительство Молдовы подарило Петербургу к 300-летию города бюст Антиоха Кантемира, который установлен в сквере филологического факультета Петербургского госуниверситета. В Бельцах имя Антиоха Кантемира присвоено городской картинной галерее. Кроме того, руководство Москвы в ознаменование 300-летия со дня рождения Антиоха Кантемира устанавливает его бюст на территории бывшего Никольского греческого монастыря, в котором ранее находилась родовая усыпальница Кантемиров

(кстати, решено восстановить и сам монастырь). Напомним, что все отмеченные акции по увековечиванию памяти Антиоха Кантемира инициировались ассоциацией «Молдова-Россия». С 2002 года запущен долговременный грандиозный проект «Кантемириана». А с 2005 года Совет ассоциации учредил периодическое издание «Этномир», где запланирован целый раздел, посвященный Кантемирам. Дело в том, что кроме Антиоха Канте-

мира знамениты также и его прадед, дед, отец, дядя, сестра. «Кантемириана» – это деяния и наша оценка славного рода Кантемиров, просвещённых, энциклопедически образованных людей, унаследовавших и достойно представляющих и высокий титул, и незаурядную одарённость, как в истории Российского государства и Молдавского и Валашского княжеств, так и в общеевропейской истории.

И так: Антиох Дмитриевич Кантемир. Какого масштаба личность! Какая мощь многогранного творчества! Даже сейчас, по прошествии трёх веков со дня его рождения, это поражает воображение. Представьте себе архаичную Россию с дикими нравами, только что разбуженную гением Петра и вставшую на путь просветительства. И тут на целинном поле петровского Ренессанса начинает работать пахарь и сеятель – юноша по возрасту и титан по плодам бесстрашной неутомимой деятельности ума и духа.

Он был современником другого титана – Михаила Васильевича Ломоносова. И если Ломоносов, основатель первого в России университета,

по словам Пушкина, сам был университетом, то без большого преувеличения можно сказать, что для России Антиох Кантемир был академией наук. Он – первый её питомец, и его уже в 18-20-летнем возрасте выдвигали на пост президента Российской Академии наук, а после, к концу жизни, ему вновь предлагали эту высшую научную должность (кстати, ранее эту должность Петр Первый планировал дать его отцу – Дмитрию Кантемиру). Прожил Антиох Кантемир всего 35 лет с небольшим – но как прожил! «Может быть, ни в ком из деятелей того времени, – писал академик Дмитрий Благой, – многосторонность людей Ренессанса не проявилась так ярко, как именно в Кантемире. Кабинетный учёный и смелый политический деятель, поэт, музыкант, художник и математик, дипломат и философ, полиглот-филолог и энтузиаст естественного знания».

В лице Антиоха Кантемира богатая (от слова Бог) наследственность смогла полностью проявиться, поскольку условия среды этому благоприятствовали. Слово «кантемир», означает либо родственник Тимура (предки Кантемира признавали своим родоначальником самого Тамерлана), либо кровь-железо; татарское происхождение фамилии Кантемир несомненно. Действительно, имеются сведения, что род Кантемиров в Молдавии пошёл от богатого татарина, принявшего христианство в 1540 году и поселившегося в этом княжестве, которое уже вошло в состав Османской империи. Этот Кантемир и явился основателем знатного рода, к которому прибавились и молдавские корни.

Во время войны между Польшей и Турцией в 1672 году Константин Кантемир, дед Антиоха, спас гарем султана Магомета IV, который чуть было не захватили поляки. За это он вскоре получил от султана молдавский престол и владел им до конца своей жизни, что, впрочем, не мешало султану держать его сына Дмитрия в качестве заложника.

И об этом заложнике, отце Антиоха Кантемира, вернее, об отношении к нему Петра Великого следует упомянуть, чтобы понять, почему Россия стала для Дмитрия Кантемира второй родиной, а для его сына – настоящей родиной, хотя родился он в Константинополе. Когда Дмитрий Кантемир стал молдавским господарем, он выступил на стороне Петра, надеясь с помощью России избавиться Молдавию от турецкого владычества. Но тогда во время неудачного Прутского похода (1710-1711 годы) сам Петр с трудом спасся от поражения. Однако на требование турецкого визиря выдать Дмитрия Кантемира он ответил: «Я лучше усту-

плю туркам все земли до Курска... ибо остается надежда их отвоевать, нежели выдать князя, пожертвовавшего для меня всем своим состоянием. Потерянное оружием – оружием возвращается, но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести то же самое, что не быть государем» (по Бантыш-Каменскому).

В России Дмитрий Кантемир стал ближайшим сподвижником Петра, членом Правительственного Сената. Будучи энциклопедически образованным человеком, именно в России он написал свои основные труды. Он стал членом Берлинской академии наук, а в Париже в Латинском квартале на здании библиотеки Сент-Женевьев в списке фамилий выдающихся писателей и ученых рядом с Ньютоном и Лейбницем было выбито имя Дмитрия Кантемира. (Добавим, что и в наше время имя Дмитрия Кантемира не предано забвению. В Кишинёве установлен его бюст на Аллее классиков в 1958 году, на Аллее молдавских воевод Минобороны Молдовы в 2004 году и в центральном здании Молдавской Академии наук в 2012 году. АН Молдовы учредила медаль Дмитрия Кантемира – награду за научные заслуги. По предложению ассоциации «Молдова-Россия» в бывшем имени Кантемиров Царицыно в дни Молдавской культуры в России в сентябре 2012 года будет установлен бюст Дмитрия Кантемира).

Его сын Антиох вынес из родительского дома любовь к научному труду, к искусству, просвещенный патриотизм и глубокое религиозное чувство. По матери Кассандре Кантакузен, дочери Валашского господаря, Антиох Кантемир является потомком византийских императоров. Так, говоря словами Полюхова и Максимова, генетическое сплетение молдавских, валашских, татарских и византийских корней в условиях российской действительности проявилось всей мощью в творческой деятельности Антиоха Кантемира, что позволило ему «в просвещении стать с веком наравне».

Антиох Кантемир по натуре был человеком мягким, кротким, совестливым, бескорыстным, характер у него был книжный, тихий, домашний, но когда дело касалось его убеждений, его чести и веры в добро и справедливость – тогда он становился бесстрашным бойцом. Это проявилось у него уже в 20-летнем возрасте. Тогда он пишет свою первую сатиру «На хулящих учение» с подзаголовком «К уму своему», лучшую из всех своих сатир, по мнению Белинского. Появление этой сатиры вызвало восторг «всех честных» и гнев «многих», которым она «колола глаза всеконечно». Кантемир нашел свое призвание, и на мно-

гие вопросы он уже умел дать ответ так же уверенно и смело, как ответил «желающим знать, кто его поставил судьбою».

*«Гордость, леность, богатство – мудрость одолело,
Невежество знание уж местом посело;
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти дворов с ругательством сбита,
Знаться с нею не хотят, бегут её дружбы,
Как страдавши на море, корабельной службы».*

А через год с риском для жизни Антиох выступает на стороне Анны Иоановны против сил церкви и боярской реакции, «верховников», стремящихся резко ограничить власть императрицы. И тут же, не теряя времени на участие в праздновании победы лагеря императрицы (которая так и не отблагодарила преданного слугу отечества), берется за сложнейший перевод на русский язык «богопротивной атеистической книжичищи» Фонтенеля «О множественности миров», где давалось широкое научно-популярное изложение новой научной системы мироздания. Конечно, такой перевод через некоторое время был уничтожен по требованию Синода.

Таким образом, борьбу с невежеством, суеверием и нетерпимостью, борьбу с дурными страстями он ведёт в двух направлениях – через сатиры и через приобщение людей к правильному взгляду на жизнь, знакомя русское общество с лучшими иностранными художественными и научными произведениями. Сами иностранцы были восхищены работами Кантемира как автора и переводчика. Итальянский ученый Франческо Альгаротти, труд которого «Разговор о свете» Кантемир перевёл на русский язык, заявил, что этот перевод «станет Провозвестником Ньютонаства в обширной империи Российской, и благодаря ему это истинное Учение будет в скором времени распространено в новых мирах».

Не менее героическими были и последующие годы его жизни – на посту российского посланника-министра – вначале в Англии (Лондон), а затем – во Франции (Париж). За границу его отправили в 1731 году – уже через год после воцарения Анны Иоановны (такой пугающе «правильный» человек да еще с беспощадно разящим сатирическим пером уж очень был неудобен и новой власти). К счастью, сам «возмутитель спокойствия» был рад почётной ссылке – там он наконец-то мог лично общаться с выдающимися просветителями Европы, без помех работать в уединенном кабинете и «от шума отдален, исследовать всех вещей действия и причины». Ради

творческой свободы он даже отказался на родине от очень выгодной в материальном плане женитьбы.

Кантемир до конца своей жизни доблестно отстаивал честь и достоинство созданной Петром молодой российской государственности. Он заставил Европу уважать Россию и считаться с ней и с её полномочным представителем (его реляции посла до сих пор не изданы в полном виде, причём они могут составить несколько томов). Но правительство России держало его «в чёрном теле» (в смысле финансов), неоднократно грозило уволить. И тем не менее ни одной жалобы не срывалось с его уст. В конце оно поступило ещё более неприглядно: после смерти Кантемира отказалось привезти тело на родину и похоронить за государственный счет (спасибо сестре Марии: ею всё было сделано по-людски). Вот тебе и общество, которое кичится своими «гражданскими» добродетелями и так небрежно относится к памяти того, кто был его настоящим гражданином и кто первым ввёл это слово в общественный лексикон!

В истории российской литературы и культуры Кантемир известен прежде всего как первый и самый яркий сатирик России. Всего он сочинил девять сатир, последние четыре – за границей. В них обличались невежество, ненависть к просвещению, корыстолюбие, взяточничество судей, спесивость аристократов («свинью свиньей, а льва львом просто называю»). В них явственно звучала тоска по золотому петровскому веку, в «коем председательствовала мудрость». Но в них звучали и светлые ноты. Так, например, по мнению Белинского, сатира «О воспитании» «исполнена таких здравых гуманных понятий о воспитании, что стоило и теперь быть напечатанной золотыми буквами».

Его сатиры имели блестящий успех, они распространялись в громадном, по тогдашнему времени, числе рукописных экземпляров. Но были ещё и любовные песни, которые «пошли гулять по всей России» (Белинский), эпиграммы, басни, оды, переводы на русский язык книг выдающихся просветителей Европы, встречи и переписка с ними (с Фонтенелем, Монтескью, Мабли, Мопертюи, Вольтером), систематизация изречений из Псалтыря «Симфония на Псалтырь», «Письма о природе и человеке», «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» и многое другое.

К великому сожалению, в России (но не в Европе) практически все произведения Кантемира не увидели свет при его жизни – настолько они

не устраивали «власть придержащую», но они успели оказать на русскую литературу и культуру мощное созидающее воздействие. Кантемир безоговорочно признан родоначальником российской светской литературы. Он первым стал прививать ей черты высокой нравственности и отчетливо выраженной гражданственности.

В качестве главного оружия в сатирах он выбрал не разящий меч, а смех, по его выражению «смех сквозь слезы»: «смеюсь в стихах, сам о злонравных плачу». Да это же предвосхищение гоголевского «зримого смеха сквозь невидимые миру слёзы»! Разве слова у Кантемира в предисловии к первой сатире («Дурной лицом николи зеркала не любит») выражают не одно и то же, что и слова у Гоголя в эпиграфе к «Ревизору» («На зеркало неча пенять, коли рожа крива»)? И разве умный, честный и благородный Кантемир в своих сатирах – не будущий Грибоедов в «Горе от ума»? Он говорил: «Всё, что пишу, пишу по должности гражданина, отбивая всё то, что согражданам моим вредно быть может», «в общей пользе я собственную чаю».

Кантемир создавал русский литературный и разговорный язык: «Я нарочно прилежал писать сколько можно простее, чтобы всем вразумительно». «Подлинно автор всегда писал простым и народным почти стилем» («покрой брюхо бороною», «врёт околесину», «горохом об стенку»). Не гнушался он и старославянскими словами («бразды», «сребро», «злато», которыми, кстати, мы пользуемся и сейчас в поэтической речи). Обращаясь к образцам зарубежной литературы, он приобщал их к русской речи по принципу «что взял по-гальски, заплатил по-русски,... к нашим обычаям присвоив». Другой путь сведения поэзии с жизнью он видел в освобождении стиха от рифмы. «Если бы извлечь из его сатир все пословицы, получилось бы солидное и самое раннее печатное собрание их», – писал выдающийся филолог, академик Дмитрий Благой. А вот что сказал Белинский: «Этот человек по какой-то счастливой интуиции первым на Руси свел поэзию с жизнью... По крайней мере, для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина; от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться».

Кантемир создавал и русский научный язык своими переводами и обширнейшими комментариями к ним, вернее, «создавал самые основы русского научного языка» (Д.Благой). Именно Антиох Кантемир впервые ввел в русский язык и

в русскую культуру слова с высоким смысловым наполнением, без которых уже не могут обойтись современная философия, политика и наука. Перечислим их: идея, депутат, понятие, начало, наблюдение, плотность, вихри, народ, гражданин, характер, вкус, центр и другие. В этом отношении никто из русских учёных сравниться с ним не может. И из литераторов тоже. Вспоминается, как радовался, как гордился собой Достоевский, когда придумал всего только одно слово «штушеваться». Кроме слов-канцеляритов (по выражению Чуковского), слов, которые мы вынуждены употреблять в официальной речи, в русском литературном и научном языке так и не прижились многие модные словечки различных творцов «новояза».

Отмечая нынешнюю, практически полную востребованность творческого наследия Антиоха Кантемира, большинство лингвистов-филологов всё же считают, что он ошибся в выборе генерального направления русской поэзии. Он пропагандировал в ней силлабическое стихосложение, пришедшее к нам из народного творчества и из Польши, а вот Ломоносов, благодаря своему художественному гению, не ошибся, утвердив в ней стихосложение силлаботоническое. Свое мнение Антиох Кантемир с достаточной полнотой выразил в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1742 год).

Ломоносов, конечно, не ошибся в главном, но, когда «окунаешься» в кантемировские сатиры, так и слышишь в их ритмике некоторые будущие пушкинские, лермонтовские, некрасовские и прочие «мотивы». Так что силлабика еще не сгинула. «Чем выигрывает силлабика перед общепринятой силлаботоникой, так это своей рельефностью, выпуклостью, ощущением каждого слова в стихотворной строке. И, как итог: „замедляется «поэтическое время»“. Это говорит современный «незашоренный» лингвист А.Меник. И добавляет: «Возможно, возрождение силлабической поэзии ещё наступит», поскольку «в современной словесности» с новой силой вспыхнул интерес «к новым выразительным средствам». Вот так: интерес не к старым, а к новым средствам. Таким образом, даже в этой уязвимой для себя грани творчества Кантемир был способен провидеть будущее. Не будь он до конца жизни за границей, еще неизвестно, в какую сторону повернулся бы основной поток российской поэзии.

То же видим и в его трактовке роли рифмы в стихе. «Для украшения речи» они могут быть неполными – «поклон-звон», «вехи-помехи», полными – «одежды-надежды», «многи-ноги»

и даже создаваться одинаковыми словами, но имеющими разное значение – «лук (овощ) – лук (оружие)», «царю (царствую) – царю (царь)». И в то же время, по мнению Кантемира, стиху не повредит совершенное отсутствие рифм при наличии ритма и смысла, т.е. имеют право на жизнь белые стихи. Как видим, здесь уложились все стили последующих русских поэтов. Такая широта взгляда не была свойственна его современникам.

А теперь поговорим насчёт истоков «русскости» в поэзии Антиоха Кантемира. Оказывается, как сообщает филолог Давид Дымко, с самого раннего детства и до 15-летнего возраста у Кантемира был очень хороший учитель – дьячок Данила Скуфейкин, бескорыстный, совершенно лишённый честолюбия человек, русский по происхождению. Он привил своему воспитаннику глубокую религиозность и преданность высшим интересам духа. Он же привил ему великолепное чутье русского языка (как Арина Радионовна Пушкину). Искусный версификатор (стихотворец), он использовал в своих замечательных для своего времени стихах рифмы, первооткрывателями которых вполне могли бы объявить себя наши поэты-бунтари

шестидесятых годов XX века – Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Рождественский («розни-розги», «ритор-Юпитер, «старости-святости»). Более того, ему даже приписывают авторство IX спорной сатиры Кантемира.

Высота устремлений и уверенность в конечном торжестве правды придавали Кантемиру силы, укрепляли волю и оптимизм в борьбе со злонравием. Он беспощадно осмеивал русское общество, но хорошо понимал, во имя чего он это делает и куда хочет вести: идеалы его были ясны и определены без сомнений. Широкое распространение знаний – его идеал, ради него он работает и борется. Он чётко следовал завету отца: «Наука душу растит». Гоголь тоже осмеял своих соотечественников, причём еще злее Кантемира, но идеал, во имя которого он это делал, остался неясным не только для других, но и для него самого.

Деяния Антиоха Кантемира – вне времени, ибо он, по словам Сементковского, был «одарён способностью видеть дальше сугубо временных явлений, предопределять до некоторой степени будущее и понимать, что есть прочного в изменчивом, неясном ходе событий».

Александр ЧЕРНОБРОВКИН

Столешников переулоч

Виртуальный роман

Продолжение. Начало в №7.

**В июльский полдень
облокотится
на землю солнце –
и в любовных посланьях
взорвутся буквы.**

От конечной остановки «двадцатого» троллейбуса к берегу Москва-реки уходила узкая асфальтовая дорожка. Была она извилиста и кочковата – то ли творение пьяных работяг, то ли умелое подражание лесной тропинке, которая вскоре появлялась рядом с ней, в нескольких метрах правее, а затем исчезала. По обе стороны дорожки росли одинокие сосны, высокие, стройные и удивительно самодостаточные. Здесь мегаполис споткнулся. Падая, он перелетел этот островок недобитой природы и приземлился на другом берегу реки, среди домов-башен, напоминающих поставленные на попа доминошки: толкни ближнюю – и попадают, валя друг дружку.

Переход от цивилизации к первобытности совершался постепенно, по мере углубления в Серебряный бор. Сначала попадались детишки в трусиках. Под присмотром одетых мам и бабушек детвора носилась по обе стороны от дорожки и пронзительно радовалась жизни. Затем появлялись взрослые в купальниках. У воды перед первым мостом одетыми оставались только транзитники. Здесь в основном отдыхали семьи с детьми. Первый остров оккупировали дети постарше, которые пришли сюда без родителей. Их привлекал второй мост. Глубина под ним – чуть больше метра, хватает пацаненку нырнуть солдатиком и не утонуть, даже если не умеет плавать. За вторым мостом начинались песчаные пляжи – большие желтые плешины, окаймленные зелеными полосами деревьев с обломанными нижними ветками. Здесь заканчивалась асфальтовая дорожка, можно разуться. Теплая земля приятно прижималась к подошвам, вытягивала из тела угар города.

– А где нудистский пляж? – спросила женщина бальзаковского возраста.

Она уже начала расплываться, особенно лицо, на котором словно обручи полопалась и квашня, подкрашенная персиковым тональным кремом, полезла между разъехавшимися клепками. Выражение на лице – как у детей, подглядывающих за голыми взрослыми. Позади нее стоял лысый мужчина, полностью расплывшийся и с таким же азартом на безвольном лице – классический московский муж-мальчик, муж-слуга.

– Нам сказали, что где-то здесь, – добавил он.

– Вон туда, чуть правее зомби.

– Какого зомби? – не поняла женщина.

– Что из-за деревьев вышел.

Увидев появившегося из-за деревьев голого мужчину, маленькая девочка, которая там копалась в песке, вскрикнула испуганно и побежала к маме, загоравшей неподалеку.

– Ой, точно зомби! – воскликнула расплывающаяся дама, а потом вспомнила, что надо быть цивилизованной, и произнесла тоном воспитательницы детского сада. – Он нудист!

– Нудисты загорают на нудистском пляже, а по обычному голяком кружат зомби.

– Значит, ему это нравится, – сказала она и посмотрела на собеседника с нескрываемым желанием, как когда-то мужчины смотрели на нее.

– Ему – да.

Она повела плечами, собираясь, наверное, выпятить обвисшие груди покруче, поняла, что впечатление не произведет, и резко бросила мужу:

– Пойдем.

Муж молча затрусил следом, покачивая выпирающим, женским, задом.

После нескольких газетных статей нудистский пляж стал самым модным местом в городе. К тому же вход бесплатный. Однако моды придерживаются в основном не Венеры и Аполлоны.

Сразу за нудистским пляжем, где отдыхают только голые, и перед платным, где только одетые, имелась неширокая полоса демократии. Здесь можно быть кем хочешь и в чем хочешь. И еще здесь имелся старый деревянный причальчик, разломанный, из белесо-серых бревен в мелких трещинах и

с двумя ржавыми кнехтами – наверное, единственное место в бору, где можно понырять взрослому.

Желтоватая вода с висящими в ней мириадами «снежинок» – какой-то мелкой речной растительностью – была прозрачна у берега, просматривалось дно, гладкое, словно выровненное катком. Изредка на мелководье мелькали косячки мальков, появляясь из темноты глубокой воды и снова исчезая там. Надо было пройти метра полтора по мелкой воде, а затем по прислоненному бревну взобраться на причальчик. Кнехты сверху отшлифованы задами и ногами и горячи, припекают подошвы. Вода внизу перед причалом темная, зеленовато-коричневая. От кнехта до нее метра полтора, но кажется, что больше. Именно там, а не в тебе самом, прячется страх. Толчок – тело потеряло вес, полетело на затаенном дыхании к воде. Легкий удар о воду – и стремительное скольжение в холодной темноте, парение, радостное, но с отголосками только что покинувшего страха и быстро затухающее, уменьшающееся вместе с запасом воздуха в легких. Выныриваешь, хватаешь ртом свежий воздух и, неспешно удаляясь от прошлой радости и готовясь к новой, плывешь к причальчику.

– Красиво ныряешь! – говорит обнаженная девица с длинными, ниже плеч, вьющимися волосами, плоскими, обвисшими – две олады – грудью и выбритым, словно присыпанным пеплом, лобком.

Она спокойно выдерживает быстрый изучающий взгляд, осматривает и сама. Надо переспать с большим количеством мужчин, чтобы не комплексовать, имея такую грудь.

– Я все делаю красиво.

– И скромно, – говорит она и улыбается мягко, защищаясь, словно подтрунивают над ней.

Сразу возникло чувство близости, будто уже переспал с ней и получил больше, чем ожидал. Этим, наверное, и берет мужчин.

– А у меня не получается, – жалуется она, не шибко огорчаясь.

– Боишься падать головой. В купании, как в любви, надо не бояться сломать шею.

– Этого я не боюсь! – сообщает она и отчаянно бросается с причальчика, перед самой водой инстинктивно откидывает голову и поджимает ноги, раскинув их и показав губастую коричневую промежность.

Брызги подлетают высоко и разбиваются звонко об выныривающие пузыри воздуха. Голова худистки появляется над водой. Лицо спрятано под выпрямившимися волосами. Девушка разводит их руками в стороны, улыбается, щуря глаза и морща нос. Неудача вроде бы не смутила ее, но на причальчик не вернулась, поплыла вдоль берега.

Загорающие на демократической полоске разбились на несколько групп, в центре которых обнаженные девушки, а вокруг лепестками, головой к ним, лежали мужчины. Песок сероватый, будто насыщенный асфальтовой крошкой. Из него, как вены, выпирали коричневые корни деревьев, длинные, тонкие, но очень крепкие. Создавалось впечатление, что они паутиной пролегли под всем пляжем, соединяют деревья по обе стороны его и поддерживают, чтобы не просел под тяжестью человеческих тел. Солнце сильно нагрело песок, босиком не походишь. На юге, у моря, солнце светит томно, делая одолжение, а здесь – яростно, пытаясь уложиться в короткое лето.

На пляж пришла девушка в белом платье. Остановившись в самом центре пляжа, достала из сумки большое розовое пляжное полотенце, расстелила. Выпрямившись, она краешком глаз убедилась, что мужчины смотрят на нее, принялась неторопливо снимать платье через голову. На ней были белые трусики – узкая полоска, разрезающая загорелое тело. На груди платье застряло ненадолго, рывком пошло дальше. Освободившиеся груди, среднего размера, острые и нацеленные вперед, колыхнулись вниз-вверх и чуть разошлись в стороны. Пока голова была закрыта платьем, казалось, что груди – это глаза, немного косые, пупок – нос, а трусики – рот, накрашенный белой помадой. Девушка встала коленями на полотенце, аккуратно сложила платье и небрежно кинула его на сумку. Опять выпрямилась, убедилась во внимании публики и сняла последнюю одежду, грациозно и ни капельки не смущаясь, будто проделывала это по несколько раз на день. А может, так оно и есть? Говорят, во многих коммерческих ресторанах теперь показывают стриптиз. Загар у девушки ровный, значит, все время загорает голая. У тех, кто приобщился только в этом году, задница светлее остального тела. Девушка достала из сумки расческу, раздвинула ноги на ширину плеч, наверное, чтобы лучше была видна на лобке ровная темная полоска сантиметровой ширины, чуть выгнула тело, чтобы груди торчали позадорнее, и принялась расчесывать черные волосы на голове, завязав их потом узлом на затылке. Она делала вид, что не замечает похотливые мужские взгляды. Странно, казалось бы, привыкаешь к женским телам, раскиданным по всему пляжу, не замечаешь их, а эта сумела завести всех. Зарядившись мужским вниманием, она закончила представление, легла ниц на подстилку. Отдыхавшие вокруг нее

мужчины повертели головами, отыскивая что-нибудь такое же увлекательное, потом посмотрели на своих спутниц, вздохнули и пошли купаться. Радиус поражения был метров сто.

Следующим номером программы стал прибрежный от реки мужик лет пятидесяти со всклокоченными, наполовину седыми волосами и, как у всех деревенских жителей, работающих на свежем воздухе, бурой мордой и шеей и белым телом. На нем были черные семейные трусы длиной до колена и выпирающие спереди. Он был пьян, но не до отупения. По вискам струился пот, мужик вытирал его широкой короткопалой рукой, которая была темнее, чем морда. Громко хекая приоткрытым ртом, он перебежал от одной обнаженной женщины к другой, останавливался ненадолго, сверля налитыми глазами, замечал следующую и летел к ней, пропахивая в песке глубокие борозды. Остановившись перед обнаженным женским телом, он вытирал рукой виски и рот, как бы выжимая вытянутые трубочкой губы, и морщил лоб. Наверное, никак не мог понять, почему это нельзя потрогать. Перебежками он добрался до нудистского пляжа и не вернулся. То ли пошел другим путем, то ли здоровая крестьянская психика не выдержала городской извращенности.

Плоскогрудая нудистка больше не появлялась на причальнике. Без нее нырять было скучно. И не потому, что не перед кем было похвастать и некому похвалить. Она относилась к той редкой категории женщин, которые, случайно пройдя через мужскую жизнь, прихватывают кусочек чужой души, оставив взамен долго незаживающее воспоминание о себе.

Обратная дорога кажется короче, потому что, належавшись под ярким солнцем, все остальное воспринимаешь спокойнее, многое не замечаешь. Разве что встретишь знакомого. У второго моста полоскал ноги перед тем, как обуться, однокурсник Вася, москвич. На занятия он ходил с бледным набрякшим лицом и ватой в ушах, постоянно жаловался на болезни и хвастался количеством портвейна, выпитого в подворотнях. Именно портвейн и именно в подворотне – это, по его мнению, любимое занятие истинного студента. Сейчас с облезлым носом и обгоревшим лицом без малейших признаков болезни и похмелья он казался чересчур здоровым. С ним была подружка. Обычно пара и внешне чем-то схожа, а кучеряво-густоволосый, круглолицый, склонный к полноте Василий был абсолютно не похож на худенькую, плоскую подружку с жиденькими волосами, гладко прилизанными к маленькому узкому черепу. Роднили их лишь облупленные носы.

– Какие люди и без охраны! – закричал Вася, запрыгав на правой ноге, а левую, вымытую, держа полусогнутой. Он любил затасканные фразы, и в его устах они звучали еще пошлее, казались покрытыми жирными пятнами от грязных рук. – Ты что здесь делаешь? – Поняв, что ответ и сам знает, задал другой вопрос: – Ты где загорал, почему я тебя не видел?

– У причальника. А ты?

– На нудистском! – с долей обиды, что могли предположить другое, ответил Вася. – Мы же интеллигентные люди!

Интеллигент из подворотни перехватил взгляд, направленный на его подружку, и, наверное, покраснел, потому что его обгоревшая физиономия загорелась ярче. Ревнует или стесняется девушки – не поймешь. Вася всунул помытую ногу в босоножку с отстегнутым ремешком и блестящей никелированной застежкой, отвернулся к воде и забултыхал в ней правую ногу, кинув через плечо: – Ну, ты иди, а то мы еще долго.

– Бывай!

– Ага, – произнес, не оборачиваясь, Вася, а его подружка кивнула, сэкономив слова.

После пляжа полумрак и прохлада комнаты чувствуются острее. Паркетный пол прилипает к босым ступням и вытягивает из них лишнее тепло. Стали заметнее трещины и пятна на стенах. Дом будто специально выпячивает свои недостатки, показывает, какой он дряхлый, как нуждается в капитальном ремонте.

Вместо уходящей в паркет, накопленной за день жары появилось чувство голода. На подоконнике стоит бледная картонная коробка вермишели и яркоэтикеточная банка китайской тушенки, купленная в «торговых рядах» под окном. Там громко гомонят, никакая погода им не помеха. Медная рукоятка двери приятно охладила ладонь, петли коротко пискнули, словно испуганные мышата.

За дверью стояла девушка. В коридоре было темнее, чем в комнате, и поэтому плохо видно, но ошибиться трудно – это та самая, из заветного окна по ту сторону переуллка. Здесь она казалась будничнее, проще, хотя и красивее. Ямочек на щеках не было. От нее исходил порыв, будто прямо сейчас стремительно полетит дальше, и пахло духами, сладковатыми, напоминающими арабскую дешевку, но с горьковатым оттенком и еще чем-то, чем отличаются хорошие. Глаза зеленые, вот-вот

загорятся, как у кошки. Такие глаза – пароль в мужское сердце. Слишком все совпадало с мечтой. Так не бывает. Ладонь надавила на медную рукоятку, собираясь захлопнуть дверь.

– Извините, а где туалет? – исполнила девушка вопрос двумя голосами: первую часть высоким, вторую – низким.

Значит, бывает и так. Уж слишком земной вопрос.

– Напротив.

– Спасибо! – ответила она высоким голосом, развернулась и пошла в туалет.

Немного расклевенная клетчатая юбка почти до коленей, колыхаясь, стряхивала чужой взгляд. Лодыжки тонкие, стройные. Девушка открыла дверь в туалет, щелкнула включателем света. Под высоким потолком загорелась тусклая сорокаваттная лампочка в черном патроне без абажура.

Теперь девушке не нужен свет из комнаты, можно закрыть дверь. И вернуться с вермишелью и тушенкой к окну. Из-за стука сердца не слышен был шум на улице. В окне по ту сторону переулка темно и безжизненно. Там и мухи, наверное, перемерли. Лежат черные, серые, зеленые кверху лапками на подоконнике и между рамами. Сначала все должно было ожить там, и только потом девушка могла появиться здесь. Создавалось впечатление, что обогнал свою мечту, а остановиться или вернуться нельзя.

В коридоре хлопнула, закрываясь, дверь в туалет, неторопливые шаги приблизились к комнате и удалились дальше по коридору. Хлопнула еще одна дверь, скорее всего та, за которой живут Рамиль, Макс и Олег.

Теперь можно выходить и догонять. По аромату духов, который инеем осел на стены. Кто счастливчик: Рамиль или Макс? Впрочем, какая разница, если не ты.

На кухне из кранов привычно капала вода. Холодный сачковал теперь в сравнении с горячим через четыре на пятую каплю. Чайник Антонины Михайловны кипел на малом огне. Стол сплошь покрыт крошками ржаного хлеба. Так беспощадно режут хлеб Рамиль и Олег. Судя по количеству крошек, сегодня поорудовали оба. От духовки несло жаром и изнутри по темному стеклу метались золотистые зайчики. Уже с год ею никто не пользовался, и казалось странным, что духовка вообще работает.

– ...Да ну, ты такое скажешь! – послышался в коридоре голос Жени. Он вышел из Рамилевой комнаты. – Я тебе потом спую, может, поймешь, почему!

Хмурый говорил быстрее, чем обычно, и с радостным захлебом – значит, выпил немного. Рассказывал о своих выступлениях в подземных переходах. Он, забросив каратэ, каждый вечер пел там. И не ради денег, потому что на его скромные потребности с лихвой хватало дворницкой зарплаты и приработка в Столешниковом переулке.

– Один чувак поддатый слушал меня не меньше часа и после каждой песни кидал по купюре. И не мелочевку, – продолжал балаболить Хмурый.

Рассказывал он той самой девушке из заветного окна. В ярком дневном свете она вдруг потеряла очертания, превратилась в подвижное марево с приятным запахом духов.

– Ты куда утром ушел?! – воскликнул Хмурый. – Там такое было! Я бомбу нашел! С часовым механизмом!

– Где?

– У магазина, на подоконнике за решеткой лежала. Смотрю, коробка какая-то. Думаю, посмотрю, может, что-нибудь ценное забыли. Открываю, а там часы, механизм от них. И тикают. До меня не сразу дошло, что бомба. Хотел посмотреть, что там еще, а внутренний голос говорит: «Не трогай!» Телефонная будка рядом, я набираю номер милиции, а сам думаю: «Если рванет, достанет до меня?» Как понаехало милиции, саперов! Оцепили все вокруг. Главный инженер собирался наши участки проверить, а его завернули. Мой так и остался неубранным! – рассказал Женя.

Девушка его не слушала. Она поставила на стол большую сковороду и положила рядом выпотрошенную курицу, жирную, без того синюшного оттенка, которым отличаются магазинные, удавленные из-за недостатка кормов. Осторожно, будто оперировала живую, разрешила тушку на несколько частей. На дно сковородки она высыпала и разровняла почти полпачки соли, крупной, серой. Девушка, высунув кончик языка, с детской старательностью разложила кусочки курицы в сковородке так, чтобы они касались соли только костями. Вдруг оторвалась от этого занятия и посмотрела зелеными глазами внимательно и с непонятным вопросом. Просто не успеваешь понять этот вопрос, потому что дольше мига ее взгляд не выдерживаешь, дыхание перехватывает от сладостного чувства.

– Допрашивали меня часа три. Отпечатки пальцев сняли, – показал Женя пальцы с остатками черной краски на подушечках. – Никак не отмою.

Девушка открыла духовку, поставила туда сковородку с курицей и, разгибаясь, еще раз стрельнула глазами. Насладившись мужским замешательством, резко повернулась, обдав воздушным вихрем, пропитанным сладковато-горькими духами, и выпорхнула из кухни, как-то сразу растворившись в полумраке коридора и озвучив свое передвижение лишь хлопком двери в комнату.

– ...Ты слушаешь меня? – раздраженно спросил Хмурый.

– Да.

– А почему не отвечаешь? По три раза повторять?!

– Если сам не забыл.

– Чего не забыл? – не врубился Женя. – Странный ты сегодня. На голых баб пересмотрелся?

– Не без этого.

– А-а, – догадался он, – Инга понравилась?

– Кто ее привел?

– Макс. Пошел в магазин за куревом и вернулся с ней. Он девок с пол-оборота снимает, – сообщил Женя. – Что вы в ней нашли?! Симпатичная деваха, не больше.

– Разве Яся красивее?

– Сравнил! – Хмурый от возмущения забулькал ртом, будто под водой пускал пузыри, и после продолжительной паузы добавил: – Куда ей до Ярославы?!

Конечно, куда?! Ноги у Инги длиннее, плечи уже, лицо не мужественное и уж совсем не похоже на манерного гомика.

– Пойдем, посидишь с нами, – пригласил Женя в благодарность за то, что не услышал реплик по поводу внешности Яси.

– Неудобно.

– С Максом все удобно! Классный чувак! – похвалил Хмурый и потащил за собой.

Рука у него цепкая, не вырвешься.

– А кто к нам пришел?! – радостно закричал пьяненький Рамиль. – Налейте ему, пусть выпьет с нами, фальян-тугэн!

В комнате появилась вторая кровать. Женя отдал ее Олегу, утверждая, что благодаря гостям привык спать на полу, но все догадывались, что это был способ избавиться от непрошенных гостей, которые, пользуясь неумением Хмурого говорить «нет», постоянно у него ночевали. Обе кровати стояли у правой стены. Возле первой от окна находился письменный стол, который так и не обзавелся ящичками. Сейчас на нем выстроилась батарея бутылок с длинными узкими горлышками и яркими этикетками с надписями на иностранном языке, окруженных гранеными стаканами, наполненными на треть янтарным вином. Терпкий аромат вина заглушал духи Инги. Рамиль сидел на кровати у самого окна, рядом с ним – Олег, следующий – Макс, потом, на углу стола, не боясь, что семь лет не выйдет замуж, – Инга. Остальным места на той кровати не хватило, пришлось сидеть на Олегаевой, сбоку от стола.

– Как это ты компьютер бросил?! – стебался Рамиль. – Смотри, прогул поставит! А три прогула набежит, компьютер обидится и перестанет работать!

– Он на дураков не обижается.

Рамиль заржал громче всех.

– Штрафную ему, фальян-тугэн! – скомандовал Рамиль и сам выполнил, вбулькав в него вина чуть ли не с верхом. – За нового обитателя нашей коммуны! За самого красивого! – провозгласил Рамиль тост, поглядев на Ингу блестящими глазами. Умел он влюбляться мгновенно и по десять раз на день.

Макс посмотрел на Ингу с недоумением: неужели это о ней идет речь?! И улыбнулся: шучу!

– Мне есть, где жить! – весело ответила она высоким голосом, по которому легко можно было догадаться, что ей здесь нравится.

Наверное, она улыбается, но посмотреть боязно. Вдруг опять встретишься с ее взглядом – будто застывает за подсматриванием. Боковым зрением она воспринималась как темный силуэт в золотистом ореоле. Так бывает, когда смотришь против солнца. Иногда из ореола как бы выпадали части ее тела, вполне материальные, разве что очень красивые: нога с серебристым педикюром, обутая в белую босоножку, тонкий ремешок которой вдавился в загорелую, гладенькую кожу и по обе стороны его образовались более светлые полосы; узкая кисть с длинными пальцами и закругленными ногтями с бесцветным маникюром, на безымянном – серебряный перстенок; приоткрытые губы, припадающие к наклоненному граненому стакану и как бы впитывающие в себя янтарный цвет вина, становясь

чуть темнее, приобретая багряный оттенок; прядь волос, загнутая внутрь, густая и с более светлыми, но не седыми, нитками; и очень редко – глаза, точнее, веки с подчеркнутыми ресницами и частичка белка, потому что Инга все время смотрела вправо, на Макса.

– ...Ну, не скажи! Это кому что на роду написано, – говорил он. – Когда я в стройбате служил, у нас случай был. Сдавали объект, высокий, с семиэтажный дом. Надо было леса разобрать – металлические клетки такие. Молодой зацепил страховочный карабин не за нижнюю клетку, а за верхнюю, откинулся, чтобы ею не зацепило, и показывает крановщику: вира! Тот поднял клетку, карабин соскочил, и салага спланировал на землю. Все кости переломал, его можно было, как ковер, в рулон свернуть. Думали, всё, кранты пацану, а его даже не комиссовали, через полгода дослуживать вернулся. Буквально на следующий день черпак красил внутри здания оконные рамы, стоя на табуретке. Поскользнулся на разлитой краске, упал, ударился головой об угол табуретки – и завернул ласты!

– А у нас в Сибири... – начал было Хмурый.

– Да-да, знаем, – перебил Макс. – Вы с бульдозером откуда только не падали. Всё в дребезги, даже бульдозер, а тебе хоть бы хны!

Обычно после таких подковырок Женя нахмурился больше обычного, молчал несколько минут, потом говорил какую-нибудь гадость, не в тему и не тому, кто обидел, и уходил, от души хлопнув дверью, а остатки злости вымещал на самодельном макеваре – метровом бревне, обернутым тонким поролоном и подвешенном на толстой витой веревке в комнате на крюк для люстры. На Макса не обиделся, даже заулыбался иронично, будто сам кого-то грамотно поддел.

– Рамиль, ты знаешь, что сказал губернатор штата Северная Каролина губернатору штата Южная Каролина? – задал вопрос Макс.

– Нет, – ответил Рамиль и напрягся, готовясь услышать откровение.

– «У нас слишком большие промежутки между тостами!» – процитировал Макс.

– Намек понял! – Рамиль налил всем по полстакана, а Инге – две трети. Он прямо светился любовью к ней, как бы компенсируя холодность Макса, кажущуюся или действительную, скорее, первое. – Выпьем за Ингу, самую красивую гостью этой квартиры! Это самое, к нам редко кто заходит и такие все страшные, ну, разве что Ленка Андрюхина, – заметив набыченный взгляд Жени, добавил: – Ну, еще Яся, но она уехала, давно уже, – он запнулся, вспоминая, просто так ли болтает или тост произносит: – Ага! Фалян-тугэн! Выпьем за Ингу, за то, что она такая, такая!.. – он так и не нашел подходящее прилагательное.

– Не врешь? – спросил его Макс и посмотрел на Ингу пытливым, точно хотел разглядеть что-то, что видят другие, а ему не удается.

Она спряталась от его взгляда за поднесенным ко рту стаканом. Пила долго, но когда поставила стакан на стол, оказалось, что вина в нем почти не убавилось. Узкая рука с округлыми ногтями плавно, будто воровала втихаря, скользнула над лакированной темно-коричневой поверхностью стола, отразившись в ней, к красно-белой, открытой пачке, оскалившейся желтыми зубами – фильтрами сигарет. Неумело вытянула одну, повертела, словно не знала, с какой стороны надо прикуривать, поискала взглядом зажигалку. Следом за ней потянулись к пачке Макс, Рамиль, Олег и даже некурящий Женя. Олег выхватил из кармана черную пластмассовую зажигалку, крутанул большим пальцем колесико и поднес вытянутый, похожий на острие копья, синеватый язычок пламени к сигарете девушке, потом дал прикурить Макс. Задув пламя, крутанул колесико еще раз, прикурил сам и дал Рамилю. Женя повертел сигарету у длинного носа, обнюхал и положил на место. Дым выпускали по очереди и против солнца, от Инги к Рамилю, словно соблюдали договор. Над серединой стола все увеличивался сизый сугроб, который напоминал подтаявшего снеговика с бутылками вместо ног. Вскоре Инга спряталась за дымом, не разглядишь. Силуэт ее потерял ореол, она стала похожа на тень. Такой она иногда появлялась на экране монитора во время перезагрузок: на темно-сером фоне проступало более темное лицо, на котором почти не разглядишь глаза, нос и губы.

Ударил в плечо, не больно, однако от неожиданности в груди лопнул шарик страха и осколки стремительно разлетелись, затухая, по телу к похолодевшему темени и кончикам пальцев.

– Что молчишь, как коммунист на партсобрании?! Тебя спрашивают! – прокричал прямо в ухо Хмурый. – Или ты только о компьютерах можешь разговаривать?

– Было бы с кем.

– Можешь со мной! – азартно предложил Женя.

– Бисера жалко.

Пауза продолжалась несколько секунд, словно звуки вязли в клубах табачного дыма и надо было приготовиться, вдохнуть воздуха побольше и дунуть посильнее, чтобы разогнать его, а только потом смеяться. С Максовой кровати выдохнули почти разом и захохотали от души. Сизый снеговик качнулся, припал к столу, будто хотел лечь на горлышки бутылок.

Макс взвизгнул по-пороссячи и задрогал под столом ногами, отчего создалось впечатление, будто небольшая чушка прорывается оттуда к двери. Новые выхлопы хохота окончательно разметали сугробы дыма, от снеговика не осталось и следа.

– Классная у нас тусовка! Макс, Олег, вы... ну, это!.. – здесь надо было уже рвать на груди рубаху, но на Рамиле была майка. Он схватился за бутылку: – Давайте выпьем за это, ну, в общем, чтоб у нас всегда было дружно, весело и это!.. – он захлебнулся от избытка чувств.

– Будут деньги, не соскучимся, – пообещал Макс, – а за ними далеко ходить не надо, – стукнул он каблуком по полу, под которым находился ювелирный магазин. – Вьетнамцы нам помогут!

Макс и Олег по утрам до открытия магазина занимали в него очередь, а потом продавали ее тем, кто спешил вложить обесценивающиеся «деревянные» в золото. В основном их клиентами были вьетнамцы. Эта несложная работенка приносила им больше дохода, чем уборка по вечерам Столешникова переулка. Впрочем, Макс уже забыл, с какой стороны берутся за метлу.

Вино хоть и пахло хорошо, а на самом деле – подкрашенная вода. Только у доньшка появлялся привкус, напоминающий раствор марганцовки. Хотелось соскрести этот привкус зубами с языка и сплунуть, а очистившись, дотронуться затвердевшими, будто сведенными судорогой губами до губ Инги, прорвать вкус помады и обжечься о них.

Она повернула голову и посмотрела потемневшими глазами, похожими на заросший зелеными водорослями волнолом, о который взгляд разбился и обсыпался мириадами брызг.

**This program has performed an illegal operation and will be shut down.
If the problem persists, contact the program vendor.¹**

**Русла подземных переходов
забиты
корягами плоти,
которые ловят
презренью и жалость
на крючки ладоней,
дрожащих с похмелья.**

Зима наступала нерешительно, точно никак не могла поверить, что пришел ее черед. Позавчера шел снег, а сегодня всю ночь поливал дождь. Он посмывал с крыш домов и улиц серые пятна снега, освободил лужи от тонкого, хрусткого льда. Заодно и из людей вымыл остатки летней светлости, шагали по улицам ссутуленные и насупленные, обходя друг друга как можно дальше.

Впереди глухо отбивала такт каблуками черных ботинок с выпушкой поверху стройная девушка в длинной черной кожаной куртке, перетянутой поясом в тонкой талии. Из куртки выстреливались стройные ноги в колготках телесного цвета и более темным узором-змейкой сбоку. Плечи и голову скрывал красный зонт с черными пластмассовыми наконечниками на спицах. Наверное, и личико красивое, как ноги, а может, и нет, может, похоже на зонт – круглое и красное, с набрякшим простуженным носом. Она приостановилась, шаг пошире – и обгонишь, заглянешь в лицо. Правая нога быстро погрузилась в холодную воду, которая полилась в ботинок сверху.

– Осторожней! – отшатнувшись от брызг, возмущенно воскликнула девушка и показала из-под зонтика милое личико с искривленными обидой, тонкими губками, вишневыми, подведенными по контуру темным карандашом, увеличивающим миллиметра на три верхнюю и нижнюю. – Все колготки испачкал!

– Снимай, стираю.

Губки сразу разгладились, а затем приоткрылись в улыбке. Она посмотрела ожидающе. Одно слово – и завяжется знакомство, которое может закончиться как угодно. Поверх ее лица вдруг наложилось Ингино. Шаги девушки какое-то время еще слышались позади, а потом слились с топотом других прохожих.

В прихожей у телефона сидел Макс. Придерживая трубку левым плечом, он что-то записывал в тетрадь, которая лежала на коленях. Не переставая писать, махнул левой рукой: подожди, дело есть.

¹ Программа выполнила недопустимую операцию и будет закрыта. При возникновении ошибок, обращайтесь к разработчику программы (англ.)

– Цена? – спросил он в трубку и повторил услышанное: – Сорок пять центов. Есть. Еще что?.. Тогда все, жди звонка.

Последние две недели Макс и Олег висели на телефоне с утра до поздней ночи. Даже Антонина Михайловна не могла позвонить. По вечерам она стояла у двери своей комнаты и со скорбным видом человека, у которого болят зубы, прислушивалась к чужим телефонным разговорам. Макс и Олег решили навариться на посредничестве. В Москве образовалась длинная цепочка телефонизированных халявщиков, которые передавали друг другу сведения о товаре, накручивая свою надбавку. Макс утверждал, что кто-то когда-то на этом сорвал солидный куш. Интересно, какой дурак будет переплачивать, если может послать всех посредников – что они ему сделают, даже не зная, кто он такой?! Макс и сам сомневался, но, по его словам, уж больно азартным был процесс. Да и других легких заработков не было: Столешников опять стал просто переулком, а в ювелирном золота теперь больше, чем покупателей, потому что инфляция сделала всех одинаково бедными.

Макс закрыл тетрадь, заложив страницу ручкой.

– Слушай, тут такое дело, – начал он, массируя левое плечо, – Рамиль позвонил, просит, чтоб подвезли товар, уже почти все продали. А я не могу, с Ингой договорился, скоро подъедет. – Он гадался, что ему не верят, и знал, что не откажут. – Нельзя, чтобы дама ждала.

Она почти каждый вечер томится в его комнате, ожидая, пока Макс наиграется в посредники. Но отказать ему – отказать ей.

– Груз не тяжелый, помазки бритвенные, – продолжил Макс. – Подожди, оденусь, сходим за товаром к вьетнамцам.

Несмотря на пьянки и любовь к красивым жестам, Макс обзавелся темно-коричневой курткой из тонкой кожи с массивной желтой молнией. Впрочем, куртка – тоже красивый жест. Олег, который до сих пор ходит в одолженной у Рамиля болоньевой курточке, долго бухтел по поводу такой расточительности: деньги-то зарабатывал в основном он.

На улице повстречалась еще одна девушка в черной куртке и с красным зонтом. Казалось, что это та самая, ходит туда-сюда, ожидая, когда ей обрызгают колготки еще раз. Женщины с одинаковым усердием твердят о своей неповторимости и строго следуют моде, чтобы не отличаться от других. Нет, оказалась не та, поплосе личиком.

В переходе под Пушкинской площадью торговали цветами и газетами и журналами. Новых изданий в продаже появилось столько, что на каждого читателя хватит по одному. По обе стороны тоннеля стояли столики, на которых были разложены журналы, в основном зарубежные. Женщины интересовались модами, мужчины – голыми девицами. Цены на журналах были указаны двойные: купить и посмотреть. На смотрины кое-кто раскошеливался, а покупали редко. Примерно через каждые десять метров столики с печатной продукцией разрубали на отрезки торговцы цветами. Женщины обходили их как можно дальше, цепляя бедрами столики на противоположной стороне. Как бы уравновешивая красоту, неподалеку от цветов обязательно стоял или чаще сидел прямо на полу нищий, мужчина или женщина, с обязательной грязной картонкой, на которой четко, крупными буквами и на удивление безграмотно был нацарапан удар по состраданию: «Люди добрые, помогите Христа ради...» Дальше сообщалось, из какой горячей точки сбежал нищий. Вспыхивал где-нибудь новый конфликт – и все московские нищие оказывались беженцами оттуда.

У входа в «Макдоналдс» выстроилась очередь. Все с головы до ног – от кепки до ботинок – в натуральной коже. Доперестроечное богатство пахло джинсовкой, нынешнее – натуральной кожей. Даже нищий здесь был в кожаной куртке, надетой поверх нового камуфляжного костюма нараспашку, чтобы видна была медаль «За боевые заслуги», – одноногий молодой парень. Он опирался на красновато-коричневые костыли и выставлял вперед холеную белую руку с голубым десантным беретом и уполовиненную ногу с подколотой булавкой пятнистой штаниной. Во взгляде была не просьба, а требование. Выходящие из ресторана подавали ему щедро. Наверное, за то, что не раздражает взор лохмотьями и язвами. Неподалеку от нищего стояли мужчина и две женщины с плакатами, протестующими против повышения цен в американском ресторане. Судя по ухоженным лицам без отпечатка злобной совковости, все трое были иностранцами. Да и какой русский додумается до такой глупости?! В «Макдоналдс» ходят те, кому деньги некуда девать, а таким чем дороже, тем престижнее.

Макс привел во двор старого дома. Здесь давно не убирали, бумажки успели посереть. У входа в подъезд валялся дырявый, с вмятиной, желто-зеленый резиновый мяч. Во вмятине накопилась вода.

Макс кинул в нее недокуренную сигарету. Она, пшикнув, выпрыгнула из впадинки и медленно поползла вниз по мокрому боку мяча.

– Подожди здесь, – сказал Макс.

На дереве, под которым стояли два серых мусорных контейнера, наполненных с верхом, закаркала ворона. Ее было трудно разглядеть – сливалась с потемневшим, мокрым стволом дерева. Птица слетела на землю, опустилась рядом с остатками песочницы, напоминающей пятно размытой, бледно-желтой краски. От песочницы к контейнерам перебежала толстая крыса с длинными розовыми сосками. Ворона догнала ее, схватила за хвост. Крыса обернулась, встала на задние лапы, согнув передние у груди, отчего стала похожа на каратэиста. Роста она оказалась почти такого же, как птица. Ворона отпустила хвост и отпрыгнула, а когда крыса побежала дальше, догнала и тормознула вновь. Крыса опять приняла боевую стойку и была отпущена. Так продолжалось до тех пор, пока крыса не спряталась под мусорный контейнер. Ворона села на контейнер сверху, на самый край, принялась рыться клювом в мусоре, но время от времени поглядывала вниз, поджидая крысу.

Макс вышел из подъезда с двумя большими сумками из синтетического волокна, сине-белой и красно-белой. Обе были натрамбованы от души.

– На, – протянул он красно-белую, которую нес в левой руке. – До метро помогу, а дальше сам потащишь. Схему не потерял?

Перед выходом из дома он дал лист бумаги, вырванный из тетрадки в косую линейку, таких сейчас и не найдешь уже, на которой была нарисована схема рынка в Лужниках и обозначены места, где торгуют Рамиль и Олег.

– Шустрые ребята – вьетнамцы. Такая мелкота, а дела заворачивают... – сказал Макс. – Жил у нас в соседнем дворе такой же мелкий, только кореец, кажется. Играли мы в футбол и выставили окно на первом этаже. Мяч разбил первое стекло вверх, упал между рамами. Подоконник был высоко, вот корейца, как самого мелкого, и подсадили, чтобы мяч достал. Залез он, переклонился через разбитое стекло – а оно посередине пикой торчало, – не достает. Он на цыпочки привстал, тянется – никак. Вдруг ноги соскользнули и он накололся на пику. Орет, дергается и опускается все ниже. Кровища ручьем по стеклу. Пока взрослых позвали... – он присвистнул и перехватил сумку другой рукой.

Ноша была не очень тяжелой, но неудобной, об ногу билась. У входа в метро Макс отдал вторую сумку и сунул в карман деньги на входной билет на рынок.

– С рук не бери, в кассах сейчас очереди уже нет, – сказал он. – Передашь ребятам, что вьетнамцы подняли цену на червонец.

Макс швырнул несколько мелких купюр нищенке, одетой в рваный и грязный болоньевый плащ и обутой в дырявые тапочки со стоптанными задниками. Голые ноги ее покрывали синие узлы вен.

С двумя сумками идти было удобнее, хоть и тяжелее. И постоянно стучаешься ими об такие же сумки в руках других людей. Такое впечатление, что вся страна кинулась в торговлю. Синтетические сумки стали символом эпохи «купи-продай».

В вагонах орудовали другие нищие – «говорящие». На «Чеховской» вошла цыганка с выводком мал-мала-меньше. С тем неповторимым цыганским произношением – акцент не акцент, а будто преднамеренное коверканье слов, – оттарабанила речь и пошла по вагону, собирая деньги и останавливаясь перед теми, кому надо было особое напоминание. Почти все ее остановки оправдывались. Обобранные люди, видимо, еле сводящие концы с концами, кривились, точно сами забрали у кого-то последнее. Дети терроризировали неохваченных мамашей: подойдут к женщине или мужчине и молча дергают за одежду, глядя прямо в глаза. Работали неспешно, но за перегон прочесали весь вагон.

В переходе с «Боровицкой» на «Библиотеку Ленина» трудились старушки. Одна, сухонькая, подвижная, шла навстречу потоку и требовательно протягивала руку. Получив купюру, быстро прятала внутрь своих черных одежек, которых было много, наверное, весь свой гардероб напялила. Другая, тоже худая, сидела на раскладном стульчике у стены и держала на коленях картонную коробку из-под обуви с двумя крошечными котятками и картонкой с довольно грамотной просьбой подать на корм животным. Котяткам на неделю хватило бы пакета молока. Почти у эскалатора, мешая пройти, стояла толстая тетка с раздутой, сырой физиономией, будто всю ночь пила воду. Эта просила на лечение. Конечно, прстоишь в такой толчее и духоте несколько часов – никакого здоровья не останется.

На «Спортивной» по центру зала стояли перекупщики, предлагали входные билеты на рынок «почти задаром и без очереди». Кое-кто покупал у них. Рынок, можно сказать, начинался прямо от выхода из метро. Слева и справа выстроились в изломанные шеренги сручники и чего только не предлагали. Нищих было столько, что перестаеть их замечать.

В кассах, действительно, не было очереди. Работало их несколько, обслуживали быстро. Билеты рвали мордovorоты с синими выписками из уголовного кодекса на здоровых лапищах. От них несло свежим перегаром, но на ногах стояли твердо. Между высоченным забором из металлических прутьев и началом торговых рядов было свободное пространство шириной метров в десять, словно для разгона. Разбежался и вклинился в поток, который сдавливает со всех сторон и несет за собой, успевая только ноги переставлять, иначе затопчут.

Сначала глаза выхватывают товары, разложенные на прилавках и развешенные на веревках и шестах в несколько ярусов, а уши – зазывные крики продавцов, но вскоре предметы и звуки сливаются во что-то одно, не поддающееся описанию и обозначению, которое является частью потока. Вдруг видишь что-то яркое – кофточку, полотенце, мягкую детскую игрушку, – оно, гудя, приближается, как бы падает на тебя, потом резко отшатывается и исчезает, сменяясь другой вещью. У высокого круга стадиона толпа разделилась на несколько ручьев, выкинув на отмель прихваченный по пути мусор. Предметы и звуки разъединились и немного померкли. Теперь можно потряхнуть головой, возвращая ее в нормальное, дорынковое состояние и посмотреть на схему, нарисованную Максом. Картограф из него никудышный. Впрочем, здесь и по сверхточной военной карте не сориентируешься. Оставалось понадеяться на удачу.

В этой части рынка людей было меньше. Начинаешь замечать, что шмотки, новые, не растерявшие фабричные запахи, повторяются, что в их смене есть закономерность. Как бы в муфтах из товаров стояли продавцы, мужчины и женщины всех возрастов и национальностей, даже негр один попался. Какие-то они все были одинаково блеклые. Казалось, что лицо определяет товар, которым торгуют: женщина-майка, мужчина-джинсы, старуха-шампунь...

– Новое слово в чистке обуви! Всего одно движение – и ботинки новые! – прокричал над ухом парень, стоявший в проходе, наклонился и провел чем-то по ботинкам. Жест был удивительно холуйский. Ботинки действительно заблестели, как новые. Парень разогнулся и сунул под нос что-то в темно-коричневом пластмассовом футляре. – Понравилось? Покупай!

Ровесник и, может быть, студент. Хотя нет, интеллекта на лице не хватает даже на троечника из технического вуза. Здоровый, голодом явно не изнурен. Парень потупился, и большие, оттопыренные уши польхнули. Казалось, сейчас швырнет новое слово в чистке обуви об землю, выматерится и уйдет с рынка раз и навсегда, выбрав между деньгами и гордостью последнее.

– Всего одно движение!.. – слышался сзади голос парня, постепенно набирающий былую силу, звонкость.

Дальше посреди прохода играли в так называемую беспроигрышную лотерею. На столике были разложены картонки с номерами, стоял прибор, похожий на переносной телевизор, – мышеловка, а чуть в стороне – японская магнитола – кусок сыра. В газетах все время писали, что это мошенники, что еще никто никогда не выиграл, но народу возле лохотрона толпилось порядочно, и не разберешь, кто из них «свои», а кто будущие жертвы.

– Эй, парень, на билет, забесплатно, я выиграла, ухожу, – девица с толстым слоем черной туши на ресницах совала карточку с цифрой «7». – Счастливый номер, и ты выиграешь!

– Не смей меня.

– Я что, похожа на клоуна?! – искренне возмутилась она.

Глаза ее, карие с желтыми стрелками, смотрели, не выражая ничего. Им было не до этого, пытались удержать тяжесть ресниц, на которых тушь лежала толстым слоем, как раствор на кирпичной кладке.

– А я на лоха?

Девица в ответ моргнула, верхние ресницы рухнули на нижние, раствор на раствор, и на щеки полетели брызги – несколько черных тонких частичек.

Метрах в трех от лохотрона стоял голубой вагончик, рядом с которым переминались с ноги на ногу четверо качков с извилиной на лбу: пытались что-то вспомнить, а что – уже забыли. Они пили пиво из бутылок. Рядом с ними, но как бы сами по себе, пили такое же пиво два милиционера, похожие на качков как фигурами, так и тупыми рядами, полными презрения и беспредела. И те, и другие следили за порядком, который был у них общий.

Сзади схватили за рукав, сильно дернули, и раздался веселый голос Рамиля:

– Эй, ты куда?!

– Не заметил тебя. Тут такая толкотня...

– Я сначала тоже не мог врубиться. Пока место свое найду, час проплутаю, фальян-тугэн, – признался Рамиль, забирая сумки.

Он хотел еще что-то сказать, но, как всегда, захлебнулся в чувствах и молча протиснулся в узкий проход между фанерными столиками, на одном из которых стояли открытые коробки с помазками для бритья, а на другом лежали пляжные сумки – прямоугольные кусочки лета. За вторым столиком торговала женщина в возрасте немного за сорок с рыжими, крашеными хной, волосами и с тем выражением лица, которое между женщинами считается умным.

– Друган притащил еще две сумки, будет чем торговать! – сообщил Рамиль рыжей соседке и сразу повернулся к ней спиной. – Одну сумку надо отнести Олегу. У него место получше, я ему свое уступил, он уже все распродал. Сам отнесу. Ты пока найдешь, рынок закроется. Поторгуйешь вместо меня. Вот цены, – показал он картонку, на которой через кривую линию были написаны розничная и оптовая цена. – Будут покупать больше десяти коробок, можешь скинуть немного.

– Чуть не забыл, Макс передал, что вьетнамцы подняли цену на десятку.

– Чурки узкоплечные! – беззлобно ругнулся Рамиль, который, как и большинство нерусских, любил обзывать более нерусских. – Алла, дай ручку, – обратился он к соседке. Повысив цену на помазки, он вернул ручку и попросил женщину: – Поможешь ему, если что. За мной не заржавеет!

– Да?! – кокетливо молвила она и сразу помолодела лет на пять.

– Конечно, фальян-тугэн! – пообещал он и вклинился с сине-белой сумкой в толпу покупателей.

– Учитесь вместе? – спросила Алла, проводив Рамиля добрым, материнским взглядом.

– Да.

– Легкий человек. С таким хорошо преодолевать трудности, – сказала она.

– Но выбираем мы тех, с кем хорошо преодолевать радости.

Алла улыбнулась, но ничего не сказала, потому что к ее столику подошли две женщины, толстые и кургузые, казалось, при ходьбе цепляющие задницами землю. Они долго рассматривали сумки, мяли, дергали, терли, разве что не нюхали, а купили по помазку. Они уже собрались идти дальше, но появилась третья, такая же кургузая, коротко поторговалась, сбив цену, и забрала два десятка сумок. Первые две и сами купили по сумке.

– Интересно, зачем им зимой летние сумки?

– А вдруг до лета исчезнут?! – иронично произнесла Алла. – Привыкли про запас брать. Мало ли что?! Вдруг завтра начнем в обратную сторону перестраиваться?! В нашей стране... – она не закончила, показала рукой на толпу неподалеку от лотерейщиков. – Последи за той цыганочкой.

Девочке был лет семь-восемь. Одета в грязную, длинной до земли, красную юбку в желтую косую полоску, сиреневую кофту до коленей и с закатанными рукавами, наверное, материнскую, и блестящую косынку, из-под которой торчали назад и вбок две короткие косички с серебристыми грязными ленточками. Она шла рядом с женщиной, которая тащила баул. Женщина остановилась, пережидая, когда впереди рассосется пробка. Цыганочка прилипла к ней на несколько мгновений и отошла, пряча под кофту что-то в прозрачном пакете, кажется, мужскую рубашку.

– Разрезала сумку и стащила, – прокомментировала ее действия Алла. – Их тут две промышляют, вторая чуть старше. А туда дальше, – махнула она в ту сторону, куда ушла цыганочка, – мальчишки орудуют, их братья. Там же и взрослые цыгане торгуют, заодно перепродают украденное.

– Круговорот вещей на рынке.

– И не только вещей. Видишь, милиционеры отходят от вагончика? – продолжила она. – Чтобы не мешать. Сейчас там будут разбираться с должником, вон тем, в черной куртке.

В черную куртку был одет мужчина лет тридцати двух, хилый и суетливый. Он, размахивая руками, пытался что-то объяснить мордovorотам. Они слушали и кивали головами: понимаем, мужик, какие базары?! Из вагончика выглянул еще один мордovorот, что-то приказал. Братки допили пиво, отдали бутылки появившемуся неведомо откуда бомжу, затем, трижды махнув кулаком, выбросили пальцы, сложили и посчитали, на кого выпал жребий. Счастливчик обнял хилого мужчину за плечи, как лучшего друга, и повел за вагончик. Через несколько минут вернулся один. Еще минут через десять появился мужчина. Лицо его превратилось в красное месиво, а куртка была в серых следах от башмаков, словно по нему протоптался десяток покупателей. Он прошел мимо братков и вернувшихся к вагончику милиционеров, которые не хотели его замечать. У всех шестерых появились в руках бутылки пива. Пили как бы врозь: милиционеры чуть в стороне.

И Рамиль принес пиво, точно такое же.

– На, – протянул он бутылку, уже открытую. – Мы с Олегом коньячка по полтинничку приняли. Будут здесь проносить, и тебе возьму.

– Не надо.

– Наше дело предложить, ваше дело отказаться, фальян-тугэн! – радостно выдал Рамиль и спросил: – Отсюда сразу домой?

– Да.

– Камиль звонил, обещал приехать сегодня. Будьте кто-нибудь дома, ты или Макс, – попросил Рамиль.

– Хорошо. А чем Камиль сейчас занимается?

– Торгует, фирму открыл. Уже раскрутился, сюда на фуре двадцатитонной приедет за товаром, – ответил он. – А начинал с сахара. Купил три тонны на заводе и повез продавать по деревням. Конеч лета, самый сезон – размели влет, фальян-тугэн. Не то, что мы – по мелочевке клюем! – радостно пожаловался он и предложил: – Сходим, посмотрим, как торгуют Хмурый с Сашей?

– Тоже помазками?

– Они поднялись, обувью торгуют. Раньше нас ведь начали. Сначала Саша, потом Хмурый к нему присоединился. Он и вывел Сашу на обувь. С Хмурым в секции занимался фирмач, дает им на реализацию, – рассказал Рамиль и наконец-то посмотрел на свой товар. – Много продал?

– Не считал.

– Две коробки и восемь штук в розницу, – сообщила Алла.

– Глазастая, все замечает! – похвалил Рамиль. – Кандидат наук!

– Seriously?

– Иногда мне кажется, что в шутку, – ответила она.

– У нас здесь не какие-нибудь хухры-мухры торгуют, – сказал Рамиль. – С одной стороны кандидат, с другой доктор наук. Сегодня у него институтский день. Послушал бы, какие они темы обсуждают! Одна тетка минут двадцать пыталась врубиться, потом спрашивает: «Родненькие, вы русские или как?» – «Или как, родненькая!» – отвечает ей доктор. Она покачала головой и выдала: «И чего только Господь не сотворит!»

– Сейчас наукой занимаются не те, кто хочет, а те, кто может, – как бы оправдываясь, произнесла Алла, посуровев лицом и постарев на несколько лет.

– Довели страну, сволочи! – кинул Рамиль. – А я их защищал у Белого дома!

Участвовать в любимом народном хобби – ругать правительство – желания не было.

– Пойду я, ноги замерзли.

– А-а, ты же без валенок, – разглядел Рамиль. – В ботиночках тут долго не простоишь. Ну, иди. Спасибо, что привез, за мной не заржавеет!

– Да?! – произнесла, улыбнувшись, Алла.

– Ага, – буднично, не поняв намека, произнес Рамиль и принялся выкладывать из сумки на столик коробки с помазками.

Лохотронщики зацепили двух женщин лет сорока, блондинку и брюнетку. Судя по румянцу во всю щеку и непрошибаемой самоуверенности, обе провинциалки. Москвичам тоже не занимать самоуверенности, но какая-то она у них недоношенная, построенная на презрении не только к другим, но и к себе. Играла блондинка, а брюнетка с азартом наблюдала.

– Эй, а ну отойди! – прикрикнула брюнетка, заметив, как пытаются «подкормить» противника ее подруги, члена шайки. – Не надейся, не сунешь ему деньги!

– Играешь дальше? – напала блондинка. – Ставь деньги или я забираю!

Подставному нечего было ставить. Видимо, провинциалки прикинулись дурочками, чтобы обуть мошенников. И у них получилось.

– Так-то! Знай наших! – произнесла блондинка и сгребла деньги со стола, хлестким ударом сбив с них руку крупье.

Пачка была толстая, купюры торчали в разные стороны. Блондинка принялась складывать их в стопку, пересчитывая. Брюнетка зорко следила за ней, ведь добычу договорились поделить поровну, а подружке не доверяет. Обе не обратили внимания на девицу с толстым слоем туши на ресницах. Она хапнула деньги и растворилась в толпе. Провинциалки несколько мгновений смотрели на обрывки купюр в руках блондинки, а когда поняли, взвизгнули в один голос:

– Ограбили! Держите ее!

Народ оглядывался, не понимая, кого держать. Воровки и след простыл, а остальные члены шайки сноровисто собирали карточки и складывали стол.

– Верни наши деньги! – напала блондинка на крупье.

– А я у тебя их брал?! – возмутился он.

– Я сейчас милицию позову! – пригрозила она.

– Зови! – ответил он и заржал вместе с сообщниками.

Женщины заревели в один голос. По их лицам было видно, что больше расстроились не из-за потерянных денег, а из-за того, что не удалось кинуть мошенников.

На обратном пути в вагон метро через заднюю дверь зашел старик с аккуратно подстриженными седыми усиками, лицом, покрытым густой сетью красных жилок, и протезом на правой ноге, грубом, самодельным, с набойкой из толстой резины. Сделав на месте несколько шажков и громко постучав по полу протезом, он зычно произнес:

– Уважаемые товарищи! Я не буду рассказывать, что я беженец или что мне надо на операцию! Нет! Я скажу честно: подайте инвалиду на рюмку!

Он уложился в короткий промежуток времени до отправления поезда, и все услышали его. Улыбаясь его честности, народ дружно скинулся инвалиду на бутылку.

Макс опять сидел у телефона.

– Есть, – кинул он в трубку, прижимаемую к уху левым плечом, и передвинул правую руку с ручкой на строчку ниже в тетради. – Минуточку, – он прикрыл микрофон рукой и спросил, скосив глаза вверх, отчего нижний, левый, как бы лишился зрачка и радужной оболочки, занырнувших под переносицу: – Отвез?

– Да.

– Они что-нибудь передали? – спросил он.

– Нет.

Макс перевел взгляд на тетрадь, нашел строчку, на которой остановился, и бросил в трубку:

– Дальше.

Инга не приходила, иначе бы в коридоре сохранился аромат ее духов. Этот аромат заводил всех жильцов квартиры, даже Антонина Михайловна выглядывала их своей комнаты поздороваться. Только на Хмурого он не действовал и, может быть, на Макса.

Компьютер казался пожухшим, скукоженным, будто и до него добрались ночные заморозки. Включившись, он загудел усердно и подвоспрял. В комнате сразу стало теплее, уютнее. Сохраненная игра включилась на изображении городского советника, который сообщил:

We need a marketplace.²

**Кряхтят усердно
колокола,
глухих сзывая
немых послушать
о том,
что видели слепые.**

В комнате Макса и Олега надрывался телевизор. То ли хвастались им, то ли делились со всей квартирой звуком. Только непонятно зачем, ведь у Рамиля и Жени были точно такие же, марки «Funai», а у Антонины Михайловны, по ее словам, появился черно-белый, подруга подарила, который, опять же по ее словам, такой старый, что должен вот-вот взорваться. Соседи утешали ее, что взрываются только новые, которые на гарантии, она взрыв и гарантирует. Макс лежал на кровати, курил американскую сигарету польского производства и безучастно смотрел на экран. Инга сидела у него в ногах. На ней был темный костюм, именно темный, разглядеть цвет не удавалось, потому что Инга опять была в ореоле, через который можно было разглядеть лишь расплывчатый контур. Хотелось подкрутить ручку контрастности, навести резкость. Оставалось выяснить, на ком находится эта ручка. Еще на Инге была светлая рубашка. Благодаря одежде, похожей на школьную форму, и сложенным на коленях рукам она напоминала прилежную ученицу. Не хватало пионерского галстука или комсомольского значка. На гвозде, вбитом в дверь изнутри, висел ее черный плащ. Олег сидел на своей кровати, в метре от телевизора, и делал вид, что смотрит в него, а когда случайно встречался взглядом с Ингой, резко отворачивался.

² Мы нуждаемся в рынке (англ.)

– Присаживайся, – предложил Макс и выпустил толстое кольцо дыма, которое зависло над его лицом, покачиваясь, когда он говорил. – Юру подождем. Позвонил, что скоро будет.

Юра Невский, земляк Андрея, появился в квартире с подачи последнего. Однажды Андрей позвонил и поставил в известность Женю, что в его комнате какое-то время поживет Юра, чтобы Хмурый не удивлялся, когда обнаружит у себя чужого человека. Хмурый не удивился и даже купил для гостя кровать. Никто не знал, фамилия это или кличка – Невский. Спрашивать, а тем более требовать паспорт, было не принято. Порекомендовал друг, соседям не мешает, значит, пусть живет, нет проблем. Юра сообщил, что по профессии художник. Красок и холстов при нем не было, и ни разу не порывался нарисовать что-нибудь. Профессиональные навыки проявлял, надписывая ценники. Раньше это делали каждый себе, а теперь поручали Невскому. Не скажешь, что его ценники были намного красивее, допустим, Рамиловых, разве что не такие пьяные. Юра помогал Жене убирать участок и еще торговал вместе с ребятами в Лужниках. Деньгами, товаром и советами снабдил его Хмурый.

– Что ж ты щеку не добрил, – упрекнул Макс Олега. Непонятно было, как он разглядел на таком расстоянии да еще через Ингу. – И на шею пучок топорщится. Перед зеркалом надо бриться.

Олег вскочил с кровати, метнулся к висевшему на стене зеркалу, большому, овальному и в золотистой резной раме «с рюшечками», по выражению Макса. Купил зеркало Олег, и как ни зайдет в комнату, обязательно посмотрится, пригладит волосы. Он приблизил лицо вплотную к зеркалу, пригляделся внимательно. Послюнявив пальцы, потер обе щеки, будто щетину можно стереть, подобно грязи.

– А шея! – продолжал стебаться Макс. – Как с такой можно ходить?! Тебя ни одна баба к себе не подпустит!

Инга, сперва принимавшая его всерьез, заулыбалась, глядя на Макса зачарованно, словно слышала не глупые подколки, а что-то необыкновенно красивое или умное, что, впрочем, для женщин одно и то же.

Олег резко обернулся, вывернул голову, пытаясь увидеть шею. Шея, лицо, лоб и даже затылки покраснели. Казалось, Олег сейчас заплачет от огорчения.

– Он шутит, – попыталась Инга успокоить Олега.

– Какие там шутки! – возмутился Макс и спокойно, точно это делал другой человек, выпустил очередное кольцо дыма и забычковал сигарету. – Вот у нас на заводе были шутники – это да! Сел один кореш на ограждение, из прутьев такое, а его кенты решили подшутить. Один подкрался сзади и приставил к его очку шланг, по которому шел сжатый воздух к турбинкам, а второй открыл вентиль на полную. У бедолаги кишки изо рта выскочили. Вместе с зубами.

Олег заржал, то ли оценив шутку, то ли обрадовавшись, что его оставили в покое, а Ингу передернуло, будто на нее попали ошметки кишок. Она собиралась что-то сказать, но в комнату ввалились Хмурый и Невский. Они были одного роста и чем-то неуловимо похожи, будто Сибирь пометила своих, чтобы не перепутать. Юра был старше лет на семь, носил широкие усы, черные и с зеленцой, будто в них застряла сопля. Лицо у него было бурякового цвета, как у пропойц или людей, работающих на морозе, но после выпивки и на морозе бледнело до нормального. Под расстегнутой, серой, совковой, зимней курткой на нем была джинсовая безрукавка со множеством карманов. Создавалось впечатление, что это карманы сшили вместе в форме безрукавки.

– Я сейчас, вещи заброшу, – сказал Юра и вышел.

– Держи, Макс, – Женя отдал вынутый из-за пояса газовый пистолет, похожий на ТТ. Перемычка в стволе была снята, так что оружие газовым было только по названию. Макс купил пистолет на рынке с рук за пятьдесят долларов. – Он сегодня меня выручил. Я как чувствовал, когда просил его. Пока мы с Саней пересчитывали «кожу» (они поднялись еще выше – торговали теперь кожаными куртками), пока сдавали в камеру хранения, уже совсем стемнело. Идем к метро, а к нам подваливают двое. Я сначала не врубился, думал, закурить попросят. Саня тоже так подумал. А они достают ножи, длинные такие. «Деньги», – говорит один и тянется к моей сумке. Я отпрыгнул. Выхватываю пистолет. «Стой, – говорю, – или стрелять буду!» Они смотрят на меня, ждут чего-то, – рассказывал Хмурый взахлеб, точно его все еще колотило в нервном припадке, как бывает после подобных ситуаций.

– Очканули пацаны. Тут кто наглее, кто буром прет, того и верх, – сказал Макс, закулив поновой. – С тебя бутылка.

– Обязательно! – воскликнул Хмурый, словно бутылку поставят ему, а не наоборот. – Завтра куплю. Только дай пистолет и на завтра, нет, выходной, на послезавтра.

– Обязательно, – пообещал Макс, – ченченем не глядя.

– А Юрку сегодня кинули, – сообщил Хмурый. – На всю дневную выручку.

Невский оказался легким на помине. Он услышал, что сказал Женя, и покривил рот, пошевелив усами.

– Расскажи им, – предложил ему Хмурый.

– Да очень просто, – неохотно начал Невский, но постепенно разошелся, даже в лицах изобразил. – Прохожу мимо остановки, там как раз автобус отходит. Мимо мужик пробежал, запрыгнул на ходу. Смотрю, он бумажник обронил. Поднимаю, а там пачка долларовых. Ну, думаю, подвалило счастье! Тут подходит ко мне другой мужик, кавказец, солидный такой, при галстукке. Я видел, говорит, как ты поднял чужой бумажник, надо вернуть хозяину или поделись. Я пытался отбрыкнуться от него – ни в какую! Сунул ему всю дневную выручку. Думаю, в бумажнике все равно намного больше. Бегом с остановки, дворами, нашел укромное местечко, достаю баксы из бумажника, чтобы выкинуть его, а доллары оказались фальшивыми, – он протянул одну зеленую купюру для осмотра.

– На бугая взяли, – сказал Макс, не проявив к фальшивке никакого интереса.

И Олега она не заинтересовала.

Взяла Инга, потерла пальцем цифры и костюм на портрете и уверенно произнесла:

– Фальшивка.

Не просто фальшивка, а довольно примитивная, выполненная на ксероксе на обычной бумаге, скользковатая на ощупь, без тиснения.

– Ну, что, поехали? – произнес Макс, похлопав Ингу по заду, чтобы встала и дала ему подняться.

– Рамиля будить? – спросил Олег.

– Деревня, он же мусульманин! – сказал Макс, обуваясь.

Инга повязала голову темным платком и превратилась из школьницы в зрелую даму. Казалось, сейчас из коридора прибегут, громко крича, ее детишки, схватят за руки и, перебивая друг друга, примутся делиться самыми последними впечатлениями.

– А ты едешь, Хмурый? – спросил Олег.

– Деревня, я же католик! – ответил Женя. – У нас Пасха уже была.

Макс помог Инге надеть плащ, натянул на себя кожаную куртку. Точно такая же теперь была и у Олега, но, хоть и куплена позже, казалась старше и шибало от нее бражкой, словно недавно замачивали в пиве.

– В нашу пойдем? – спросил Юра, подразумевая церковь «Космы и Домиана в Шубине», расположенную на Столешниковом. – Там народищу!

– Поедем подальше от центра и поближе к ее родителям, – кивнув на Ингу, ответил Макс.

– Там церковь недавно открыли, еще не закончили реставрацию, людей будет мало, – сообщила Инга.

– Лови тачку, Олег, – приказал Макс, когда вышли на улицу.

– Впятером не поместимся.

– На метро поедем, – предложила Инга. – Все равно еще рано, ждать придется.

Несмотря на поздний час, людей в метро было много. Вдоль стен в переходах, прорезанные ниши, стояли сручники, торговали чем попало, от студенческих проездных и бланков дипломов до породистых щенков. Кому Пасха, куличи и крашеные яйца, а кому на кусок хлеба надо заработать. Стояли плечом к плечу, не втиснешься между ними. Отойдешь – сразу займут место, несколько человек топчутся, ожидая, в начале платформы. Бросалась в глаза анемичная женщина в очках – типичная библиотекарьша. Она держала на ладони левой руки с тонким обручальным кольцом на указательном пальце маленькую зеленую черепашку. Во взгляде женщины, устремленном сквозь проходящих мимо людей, было даже не отчаяние, а тоскливое равнодушие, за которым идет самоубийство. Скорее всего, черепашку забрала у сына, потому что больше нечего продать, а с протянутой рукой пока ходить не умеет. Обручалка – память о муже – будет следующей после безмолвного друга.

И Макс обратил на нее внимание. Он походя взял черепашку и оставил на ладони деньги.

Сручница какое-то время стояла с протянутой рукой, а, сообразив, что произошло, выпала из строя, погналась за Максом. Ее место тут же заняли.

– Подождите, здесь много! – сказала она Максусу.

Он посмотрел на нее сверху вниз и произнес иронично:

– Будем торговаться?

Угадал правильно: для нее торговать было зазорно, а уж торговаться...

– Чем кормить ее, знаете? – спросила она, чтобы справиться со смущением.

– Конечно! – ответил Макс. – У меня когда-то была целая ферма черепах!

Женщина улыбнулась и отстала от него.

– Держи, летчица, – отдал Макс черепашку Инге. – Будет твоим талисманом в полетах.

Инга училась в авиационном институте по наземной специальности, но уже привыкла к «летчице», не поправляла, как раньше.

– Спасибо! – поблагодарила она, взяв черепашку в две руки и внимательно посмотрев ей в нмигающие глаза. – Ее ничем не проймешь.

– Это хорошо, – сказал Макс. – Когда решишь поругать меня, выскажешь всё ей.

– Уверен, что выдержит?! – подначила в ответ Инга.

– Конечно. Она таких слов не знает, – отпассовал Макс.

– С тобой пообщается, узнает, – парировала Инга.

Макс ничего больше не сказал. Видимо, посчитал, что победа за ним, и разрешил проигравшей утешиться последним словом.

Почти все в вагоне с куличами в пакетах или сумках восторженно ехали на праздник. Предвкушение праздника является его составной, если не главной, частью. Многие жевали жвачку. Она – первая ласточка капитализма. Такое впечатление, что люди утоляют голод самым дешевым способом: заплатил гроши – и двигай челюстями хоть целый день.

В тоннеле на выходе из метро спали три дворняжки. Они лежали лапами друг к другу. Одна дернулась во сне, задела соседок, и те тоже заперебирали лапами, будто убежали от кого-то.

Церковь с двух сторон была в лесах. Они как бы поддерживали ее, чтобы не завалилась на бок. Зевак собралось раза в два больше, чем верующих. В основном молодежь. Денег на дискотеку нет, пришли сюда бесплатно развлечься. Милиции было много, как в доперестроечные времена. Тогда оберегали народ от церкви, а теперь кого от кого?

Макс остановился у ворот, сказал Инге:

– Я здесь подожду. Бери Олега, будешь ему молитвы подсказывать, а то он так верит, что ни одной не помнит.

Олег что-то буркнул, наверное, отбилась от навета, и провел рукой по голове, проверяя, закрывают ли волосы залысины.

– Я сама плохо знаю, – призналась Инга.

– Могу подсказать.

– А ты откуда знаешь? – удивился Макс. – Ты же атеист.

– Атеист, но крещеный. Бабушка меня во младенчестве крестила втихаря от родителей. А когда подрос, водила в церковь, молиться учила. Это была наша с ней тайна. Мои родители ведь были коммунистами.

– В те времена за такие дела могли их погнать из партии и с работы, – сказал Макс.

– Совсем-совсем не веришь в бога? – спросила Инга.

– Нет. Существует многое, чего мы пока не понимаем, что наука еще не трепанировала. Непознанное страшит, и люди загораживаются от него, чем умеют. И новые знания рожают новых богов. Недаром в последнее время столько сект развелось.

– Променяем старых богов на компьютерных! – предложил Макс.

– Почему бы и нет?! В виртуальном мире не меньше неизведанного, чем в обычном, и хватит места спрятаться всем, кому неуютно в этом. К тому же, хоть компьютер туп беспробудно, иногда откалывает такое, что только диву даешься.

– Прямо как женщины! – заявил Макс.

Инга не обиделась. Не трудно было догадаться, что считает себя умнее Макса и именно потому, что он считает ее дурой. Инга протянула ему черепашку:

– Подержи, а то неудобно с ней.

Макс небрежно сунул черепашку в карман.

Инга с Олегом и Юрой протолкались через толпу к паперти, неумело перекрестилась. Олег повторил еще хуже, точно передразнивал ее. Только у Юры получилось более-менее. Затем, пропуская вперед Ингу не столько из вежливости, сколько от нерешительности, вошли в церковь.

– Ну вот, теперь можно заняться чем-нибудь серьезным, – сказал Макс, зорко оглядев окрестность.

Неподалеку стояли две девушки, жевали жвачку и громко обменивались впечатлениями. Обе в мини-юбках. Одной шло, а у второй ноги были такие худющие и с полуметровым разлетом, что без крайней надобности показывать их не стоило. Впрочем, весна – уважительная причина.

- Клевые телки, – оценил их Макс. – Снимем?
- Не хочу.
- Дело хозяйское. А мы попробуем, – сказал он и направился к девушкам.

Уже через минуту они смеялись втроем. Такое впечатление, что знакомы давно – выросли в одном дворе, не меньше. Макс что-то втирал, наверное, очередную страшилку, а телки внимали, мерно двигая челюстями.

У церкви народ зароптал, заволновался, смещаясь вправо-влево, будто объявили, что сейчас будут давать дефицит, но не уточнили где. Милиционеры стряхнули с себя сонную расслабленность, подтянулись к ограде. Толпа погудела и стихла, никто так и не понял, из-за чего сыр-бор. Пока это все происходило, Макс исчез вместе с девушками. Их не было с полчаса, а когда вернулись, то говорили громче. Девушка с худющими ногами вцепилась рукой в прут ограды и не отпускала его, точно боялась, что не устоит без опоры. Ограду недавно выкрасили в зеленый цвет, еще не успела насытиться пылью, потемнеть.

На колокольне затрезвонили. Удары лихорадочные, словно били набат. Не то, что мелодию, даже какую-нибудь организованность в колокольном звоне уловить было невозможно. Новые церкви появлялись так быстро, что не успевали обучать звонарей. Зеваки подтянулись поближе к ограде, чтобы посмотреть крестный ход. Протиснуться между ними смог бы только Макс, но он и так стоял у ограды. Оставалось наблюдать поверх голов более шустрых. Верующие шагали медленно, однако беспорядочный перезвон создавал впечатление нервозности. Казалось, сейчас перейдут на бег и примутся крушить все на своем пути.

Инга после службы была размягченной, словно долго лежала в ванне, наполненной горячей водой. Движения наполнились материнской нежностью: все вокруг – ее дети. Плавно повернув голову, повязанную темной косынкой, она посмотрела в ту сторону, где стоял Макс с девицами. Она не могла видеть их – закрывали люди, вышедшие из церкви, – наверное, интуиция подсказала.

- Христос воскрес!

Инга хотела услышать эти слова от другого, даже не попыталась скрыть разочарование.

- Воистину воскресе, – ответила она.

Губы ее были теплы и мягки, а щеки – холодны и упруги, как бы отталкивали. Аромата духов не слышно, будто Инга сняла его перед входом в церковь и пока не надела.

- Так-так-так! – раздался рядом насмешливый голос Макса. – Прелюбодействуем?!

– Прекрати, Макс, – тихо произнесла Инга с материнскими нотками в голосе, точно усмиряла не в меру расшалившегося малыша. Она поправила косынку, как бы подоткнула ее, чтобы щека открылась побольше. – Христос воскресе!

– Воистину! – ответил Макс, уже пьяненький, взял ее руками за голову, приложился губами к правой щеке, левой, а потом поцеловал в губы, в засос, кощунственно.

Инга ждала этого и хотела.

Люди торопливо расходились по домам. Побыли хорошими – пора и честь знать.

**Стрижи шлифуют
вечернее небо,
чтобы ночь
опускалась
быстрей.**

Аромат ее духов заполнял квартиру осторожно, словно двигался по неизведанной территории. Сперва залетало маленькое облачко-разведчик, убеждалось, что опасности нет, и исчезало. Затем аромат протискивался под дверью плоским щупальцем, расширял лазейку и врвался всей своей мощью – Инга пришла. Казалось, что даже игровое пространство внутри монитора пропитывалось запахом ее духов. По крайней мере, изредка оттуда выплескивалась насыщенная этим запахом волна воздуха, словно кто-то невидимый нажимал там на пульверизатор пустого пузырька из-под духов. Может быть, это происходило тогда, когда Инга проходила мимо комнаты, но скорее всего выражал всплеск эмоций девушки, потому-то постучала в дверь как раз в промежутке между двумя волнами.

- Заходи, Инга!

Дверь отворилась в два приема – сперва чуть, а затем до половины. Инга протиснулась в комнату, держась рукой за торец двери, точно боялась, что дверь сейчас захлопнут. На ней были джинсы,

новые, но с горизонтальной, намеренно разбахромленной прорехой на правом колене, и белая футболка навывпуск, великоватая в плечах, через которую еле-еле просматривались темные полукружья и соски. Когда Инга двигалась, груди колыхались не в такт, немного с запозданием, и набрякшие соски чертили футболку изнутри. В этой одежде она казалась доступнее, похожей на тех пустышек, на которых частенько западал Макс. Теперь и к ней липло слово «вертихвостка». Впрочем, даже в этой одежде она не была похожа ни на одну другую девушку, оставалась самой красивой, хоть и по-другому, не так, как в своей обычной одежде.

– Привет! – произнесла она и закрыла дверь осторожно, точно боялась хлопнуть и разбудить спящих.

– Здравствуй!

– Не помешаю? – спросила она, улыбнувшись виновато.

– Конечно, нет! Я рад, что ты пришла!

– Договорились с Максом, а он где-то шляется, – пожаловалась она. – Я посижу у тебя.

– Сколько хочешь.

Она подошла к журнальному столику, поглядела на экран монитора без того напряжения, с которым обычно пялятся люди, не умеющие обращаться компьютером, причем бояться не столько его, сколько сломать в нем что-нибудь по неосторожности.

– Чертей гоняешь? – задала Инга вопрос и объяснила: – Так у нас в институте называют компьютерные игры.

– Хочешь поиграть?

– Нет, – отказалась она. – Что вы в них интересного находите?! У нас весь институт на играх с ума посходил. Только и разговоров, кто сколько уровней прошел.

Инга села на стул у стола, боком к компьютеру. Верхние ресницы у нее были подведены черной тушью и загнуты кверху кончиками, а нижние не разглядишь, словно их и нет вовсе.

– Приятные у тебя духи.

– Да?! – произнесла она со смесью иронии, удивления и радости. – А Макс заявил: «Сладковатый запах, как от покойника». Я не поняла, нравятся ему духи или нет?

– Нравятся. Это он так шутит.

– Он умеет так шутить, – согласилась она.

– Иначе бы попросил поменять.

– Он не умеет просить, – с ноткой гордости за него сообщила Инга, – только требовать.

– Но он и не потребовал.

– Нет. И я не знаю, хорошо это или нет, – произнесла она, глядя в стену перед собой, будто там, под старыми обоями, и находился собеседник. Складывалось впечатление, что она разговаривает сама с собой вслух. – Наверное, плохо. Я стала ему безразлична.

– Тебе показалось. Просто у него своеобразная манера общения: чем лучше относится, тем хуже обращается.

– Ты думаешь... – она запнулась, подбирая слова, – ...я ему нравлюсь?

– Ты не можешь не нравиться.

Она улыбнулась и оторвала взгляд от стены. Глаза посветлели, наполнились изумрудной сочностью.

– Не утешай, – сказала она. – Макс охладел ко мне.

– Нет.

– Да, – произнесла она, снова улыбнувшись.

– Нет.

– Он завел какую-то малолетку. Я видела из окна, как он провожал ее, – сообщила Инга.

Интересно, какую из дюжины Макссовых малолеток она видела?

– Может, это он подружку Рамиля провожал до метро? Она приехала, а Рамиль с Олегом за товаром пошли и заодно напились, вернулись за полночь.

– Какая она из себя – подружка Рамиля? – спросила Инга.

– Обычная финтифлюшка.

– Тогда она! – радостно молвила Инга, но заметно было, что не очень этому верит. – Может, он и сегодня ее провожает?

– Не думаю. Они собирались с Рамилем попить пива.

– У нас на углу? – спросила она.

- Вряд ли. Они там недавно подрались с кем-то, чуть в милицию не попали.
- А мне он ничего не рассказывал, – произнесла Инга.
- Видимо, похвастать нечем было.
- Это он любит! – Она повернулась к окну. – Вечер сегодня чудный. Не хочешь погулять?
- А если Макса встретим?
- Думаешь, приревнует? Это чувство ему не знакомо, – молвила она.

Вечер действительно был чудесный. Кожу, нежно касаясь, обдувал ветерок, легкий и теплый, будто рядом кто-то невидимый выдыхал открытым ртом. В чистом небе скользили стрижи, вскрикивая пронзительно, жалобно. Может быть, горевали о потерянном жилье – разрушенном доме на углу с Петровкой. Темно-серый двухметровый забор, уже почти весь разрисованный и расписанный молодежью, ограждал развалины. С восьми утра и до шести вечера самосвалы вывозили оттуда строительный мусор. Колеса машин накатали бледно-коричневые колеи на асфальте. Торцы соседнего дома – когда-то общая стена с разрушенным – был светлее фасада. На гладкой, без окон и дверей, серо-желтой стене висел на уровне третьего этажа темно-синий радиатор.

– Декорация для театра абсурда.

– Ты о чем? – спросила Инга, проследила за его взглядом и заулыбалась. – Ой, точно! А я два раза сегодня проходила здесь и не заметила!

На Петровке выстроились «плечом к плечу» с десяток киосков. Забиты были одинаковым товаром – импортные сигареты, спиртное и жвачка, а за всю Россию отдувалась водка, – но у каждого киоска было по несколько покупателей. Отоваривались с лихой безрассудностью, словно тратили не свои деньги, а были подсадными, заманивали покупателей.

На скамейках у Большого театра сидели парни с женственными или слишком мужественными лицами. Как ни странно, на Ингу они смотрели заинтересованно.

– По вечерам здесь собираются... – она замолчала, подбирая выражение.

– ...«машки» на «Голубой огонек».

– Не знала, что это так называется! – улыбнулась она. – Они сейчас в моде.

– И зря. Не стоит хвастаться болезнью.

– Считаешь, что это болезнь? – спросила Инга, и по тону не трудно было догадаться, что и сама придерживается того же мнения.

– Сифилис души. Между мужчиной и женщиной непреодолимая пропасть.

– А трансвеститы?! – не согласилась она.

– Это прыжок в пропасть, а не через нее.

– Многие гении болели этим, – произнесла она без эмоций, повторяя чьи-то слова.

– И обычным сифилисом тоже. А еще больше было тех, кто болел одной из них или обеими сразу, но гением не являлся. Вели бы себя скромнее, как, допустим, туберкулезники, не дразнили стадо.

Инга посмотрела по-другому, словно обнаружила, что ей подменили попутчика:

– Странно, я почему-то думала, что ты молчун. Обычно сидишь в углу, слова из тебя не вытянешь.

– Не умею говорить громче всех. А если бы и умел, ты бы все равно слушала не меня.

– Ты так думаешь?! – низким голосом произнесла она, посмотрела кокетливо и сразу стушевалась, будто попыталась соблазнить подростка и одернула себя.

– Рядом с тобой думать не получается.

– Спасибо за комплимент, – высоким голосом произнесла она привычно.

– Это не комплимент, а констатация факта.

– Пойдем в Александровский сад, – быстро сказала Инга, меняя тему разговора. Наверное, испугалась, что сейчас услышит объяснение в любви.

Дальше шли молча. Инга все время вырывалась вперед, наверное, давая понять всем, что с ней просто знакомый. Только у спуска в подземный переход чуть отстала, да и то потому, что навстречу по лестнице поднимались с десяток кавказцев, скорее всего, чеченцев. Все они были в шелковых турецких разноцветных рубашках и черных брюках, широких в бедрах, и лакированных остроносых туфлях. Одеколоном, сладким, пряным, от них прямо шибало. От всех одинаково, видимо, из одного ведра поливались. Взгляды наглые, уверенные в безнаказанности. Увидев Ингу, чеченцы дружно оскалились, заблестели золотыми зубами. Разминувшись с ней, громко заржали.

Инга догнала, цепко схватилась за руку у локтя и потянула вперед. Лицо ее было напряжено.

– Пойдем быстрее, – упредила она вопрос. Когда в переходе повернули за угол, отпустила руку и произнесла тихо: – Как я их ненавижу! Спустились с гор, дикари!

– Они тебя оскорбили?

Инга не ответила.

– Почему ты мне не сказала?

– И что бы ты им сделала?! – оглянувшись, раздраженно бросила она.

– Не знаю, но что-нибудь...

– А потом они с тобой, – резонно заметила она. – Был бы Макс...

– И его не побоялись бы. Они сейчас козырные, потому что в Москве хасбулатовщина.

– Да, – согласилась Инга, – как тараканы: один завелся, сразу другие наползут. – Она сделала несколько шагов со склоненной головой и произнесла более спокойно, даже с нотками вины: – Это, наверно, плохо, что я такая шовинистка, но ничего не могу с собой поделать.

– Ты не шовинистка. Все недолголюбивают другие национальности. Они не такие, чужие, вызывают настороженность и, следовательно, – враждебность. Срабатывает инстинкт самосохранения нации. Отдельного человека можем принять, весь народ – нет. Только дураки или подлецы заявляют, что любят всех. А шовинист – это тот, кто от чувств переходит к действию. Как эти, вспрыснутые. С чеченкой они бы себя так не вели. Чем и хорош виртуальный мир, что там нет ни наций, ни рас, ни религий; там все одной виртуальности, ты и я.

– Все, хватит о них, давай о чем-нибудь приятном, – произнесла Инга.

– О тебе?

– Можно обо мне, – улыбнувшись, согласилась она. – Когда я была маленькой, родители часто подкидывали меня к бабуле и мы с ней шли гулять сюда, в Александровский сад.

– Ты в ее комнате сейчас живешь?

– Да. Она прописала меня к себе и когда умерла, я перебралась в Столешников, – рассказала Инга.

Все скамейки в саду были заняты молодежью. Несколько пар расположились прямо на газоне, и милиционер, старший лейтенант в кургузом сером кителе, старательно делал вид, что не замечает их. Раньше такую вольность разрешали только иностранцам. Урны были переполнены светлыми обертками от мороженого и напоминали шапки пены над пивными бокалами.

– Наверное, старею, – кокетливо произнесла Инга, – потому что с каждым разом Александровский кажется мне все меньше и хуже, запущеннее. И милиционеры раньше стояли через каждые двадцать метров.

– Мусоров было больше, а мусора меньше.

– Не любишь милицию? – спросила Инга.

– Это святая обязанность русского интеллигента. Но я не имею на нее право, потому что мой отец был милиционером, начальником уголовного розыска, и по должности, и по жизни.

– Он погиб? – спросила она.

– Да... Его убил я.

– Ты так спокойно говоришь, что можно поверить, – произнесла она и улыбнулась виновато, как бы предлагая свести все к шутке.

– Он заболел. Терял сознание на несколько дней и... не контролировал себя. Ему было очень стыдно. Это я уже потом понял, а он никогда не жаловался. Он был очень сильный. Настолько сильный, что не умел быть слабым. И считал, что остальные должны быть такими. Даже дети... За неделю до летних каникул я зашел после школы в больницу. Он был в сознании, обрадовался мне. У него отросли длинные волосы, совсем седые, стал похож на хиппи, которых жутко ненавидел. Он спрашивал меня об оценках, а потом говорит: »Хочешь научу разбирать пистолет?» Мог бы и не спрашивать. Он рассказал, где спрятан ключ от сейфа, и я сбежал домой за оружием. Когда нес его по городу, чувствовал себя подпольщиком, героем-пионером. Отец разобрал пистолет, рассказал, какая деталь как называется. Ему вдруг стало плохо. Глаза закрыл, а по выбритой, сизой щеке течет слеза. Руки задрожали, детальку уронил. Они были худые-худые и землистые. «Давай помогу», – предложил я. А он, не открывая глаз, говорит: «Иди домой, иди, иди...» – и подталкивает меня. Рука слабая, я еще подумал, что легко бы поборол ее. До вечера я играл в футбол на школьной спортплощадке. Прихожу домой, а мама сидит в кресле в темной комнате и говорит мне тихо, будто подсказывает: «Это ты убил его».

Рядом, со скамейки, слышался дружный веселый смех. Там сидели несколько пар, девушки на коленях у юношей, пили пиво из двухлитровой пластиковой бутылки, пуская ее по кругу. Наверное, студенты из расположенного неподалеку корпуса МГУ.

Инга взяла под руку, мягко, будто нуждалась в поддержке, но боялась, что оттолкнут.

– Любишь футбол? – спросила она низким голосом.

– Не очень. Поиграть – могу, а смотреть – нет: ногтей на руках только на полтайма хватает.

Инга о чем-то задумалась, очень важным, потому что перестала «регистрировать» восхищенные мужские взгляды.

– У меня такое впечатление, что только сегодня познакомилась с тобой, – молвила она высоким голосом.

– А у меня – что знаю тебя всю жизнь и что...

Инга не дала договорить, опять ловко перевела стрелки:

– Знаешь, как мы познакомились с Максом? – не дожидаясь ответа, продолжила: – Я к подружке шла. Прохожу мимо винного магазина, вдруг какой-то тип перегораживает дорогу и говорит: «Здравствуй, лапочка!» Я даже не глянула на него: мало ли пристает всяких?! Пытаюсь обойти, а он не дает, говорит: «Были бы у меня такие красивые глаза, я бы тоже ни с кем не здоровался!»

– Они у тебя не просто красивые. Зеленый цвет – цвет чар, колдовства.

– Ага! – с отголоском прежней боли произнесла она. – Меня из-за них в школе ведьмой дразнили! Знал бы ты, сколько я из-за них ревела!

– Завидовали.

– Мне и мама так говорила. Ее тоже в детстве дразнили, – сообщила она. – Не знаю, откуда Макс узнал – я ему не рассказывала, – но когда злится на меня, называет ведьмой.

По мере произнесения этой фразы голос Инги с высокого вдруг изменился на низкий. В момент перехода было такое ощущение, будто упал в воздушную яму.

– Пойдем домой, – произнесла она устало.

**Серо-багровые тени
врезает в чужие сетчатки
стальное перо,
которое, морщась, маваю
в пепел сердца.**

Хмурый, как всегда, вломился без стука. Видимо, считал, что и все остальные обладают способностью угадывать приход гостей. Лицо его кажется более заостренным, чем обычно. Так бывает, когда он рвется к намеченной цели, уже видимой, вот-вот достигнет. На скрытые за горизонтом у него не хватает дыхалки.

– Пойдем со мной, – приказным тоном произнес Женя и притопнул ногой, обутой в кроссовку цвета детской неожиданности. Такое впечатление, что именно сейчас и вляпался в нее, испачкав обувь.

– Куда?

– К Белому дому, – ответил он, сморщившись, будто еще и учуял вонь того, во что вляпался.

– Не хочу. Мне не нравятся обе стороны баррикад.

– Тебя и не зовут на баррикады, – отрезал Хмурый. – Надо ребятам хавку отнести.

Рамиль, Макс и Олег, по инициативе первого, оказались в Белом доме с того дня, как Руцкого накрыла мания величия. В Рамиле сработал основной российский инстинкт – противиться законной власти любым способом, а Макс и Олег нашли повод увильнуть от рынка и уборки своего – бывшего Камилевого – двора, который был их платой за проживание в квартире. И Хмурому рынок уже порядком надоел, но так хотелось стать богатым! Тем более что каждый день мог потрогать руками приближение к цели.

– Сам не донесешь?

– Донесу. Но вдруг надо будет мусоров отвлечь, что в оцеплении?! – ответил он и добавил обиженно: – Друг ты или нет?!

Задающие такой вопрос знают ответ, но уверены, что услышат противоположный. Для этого и задают его.

На Пушкинской улице напротив продуктового магазина была баррикада из домостроительных плит, опор. Создавалось впечатление, что где-то неподалеку разобрали недостроенный дом, может быть, тот, что на углу Петровки. Около мэрии толпился народ. Голоса людей сливались в негромкий монотонный гул, напоминая гудение пчелиного роя. Неподалеку от Дмитрия Донского горел костер.

Слишком высокий, чтобы греться около него, скорее, должен был символизировать боевой дух собравшихся, но больше походил на прощальный пионерский костер. Пламя иногда поднималось выше постамента, и в некоторых ракурсах чудилось, что оно поджаривает коня вместе со всадником и у князя чадят сапоги.

– Дерьмократы! – обругал толпу Женя.

– Здесь те, кто надеется поиметь от новой власти, а в Белом доме – кто имел от старой.

– Так ты ельцинист?! – возмущенно произнес Хмурый.

– Мне обе банды не нравятся.

– Точно – бандиты! – Женя злобно посмотрел на людей у мэрии и бросил не без зависти: – Понахапали, сволочи!

– Нахапавшие наблюдают за всем этим по телику из-за бугра.

– Так оно и есть! – согласился Хмурый, который всегда принимал чужое мнение, когда не имел собственного. – Сбежали, крысы!

Была баррикада и на улице Горького. По ней лазила детвора, играла в войнушку. Одна из самых оживленных и порочных улиц города превратилась в детскую площадку, на которой мальчишки и девочки играли в то же, во что их папы и мамы, и с не меньшей серьезностью и драматизмом.

Оцепление вокруг Белого дома сняли. Вдоль баррикад, окружавших широкое, как бы крылатое здание, прогуливались два милицейских патруля и всем своим видом показывали, что не собираются вмешиваться в политику. Три киоска с разбитыми окнами валялись на боку, асфальт вокруг них был усыпан битым стеклом и фигурными импортными макаронами. Ближе к лестнице и на ней самой чернели несколько пепелищ, больших, у таких костров не греются, а справляются со страхом. Один костер, средних размеров, еще дымил. Две сизые струйки дыма поднимались на полметра и, словно упершись в невидимую крышку, растекались в стороны, исчезая.

У центрального входа стояли несколько человек в камуфляже и с автоматами, говорили о чем-то веселом и размахивали руками. Жене они почему-то не понравились, он нахмурился больше обычного и произнес сквозь зубы:

– Пойдем через служебный вход.

Обойдя здание слева, он повел в открытую дверь. Охраны здесь не было, заходи кто хочет. Наверх вела лестница, заваленная затоптанными листовками, скомканной оберточной бумагой, обрывками картонных коробок и окурками. Последних было так много, будто их сносили сюда со всего здания. На площадке между этажами стояли в углу пустая бутылка из-под дорогой импортной водки и два тонкостенных стакана с золотой каемкой, а рядом на листе чистой писчей бумаги лежал огрызок батона. Алкаши-интеллигенты даванули по-быстрому пузырь – и разбежались по рабочим местам.

Хмурый повернул с лестницы в коридор, длинный и полутемный. По коридору неспешно перемещались несколько штатских без оружия и настороженно смотрели на вошедших. Самым агрессивным выглядел высокий темно-русый парень в длинном черном кожаном пальто, из-под которого торчали голые ноги, обутые в красные тапочки в виде большеглазых медвежьих морд. Такое впечатление, что парень спростонья накинул, что попало под руку, и побежал спасать Белый дом, а зол потому, что разбудили не вовремя. Самым миролюбивым был пожилой мужчина в камуфляже и с короткоствольным автоматом Калашникова. Мужчина улыбался всем и словно бы рад был отдать кому-нибудь оружие, чтобы не оттягивало плечо.

Женя остановился посреди коридора, завертел головой, вспоминая, куда дальше идти. Дорогу он всегда запоминал плохо, а спрашивать стеснялся. Он уже собирался торкнуться в ближнюю дверь справа, но отворилась дверь слева и из нее вышел Олег в новом джинсовом костюме с подвернутыми снизу штанинами и с электрочайником в руке. Черный штепсель на черно-белом шнуре волокся по полу.

– О, привет! – бросился Хмурый к Олегу.

Олег что-то буркнул в ответ, пожал руки, здороваясь, и пошел дальше по коридору.

Мебель в кабинете как бы составляла одно целое, темно-коричневое, приросшее к стенам и полу, лишь стол позволял себе немного вырваться вперед, да и то, наверное, потому, что на нем сидел Макс, обутый в новые кроссовки, очень дорогие, и болтал по телефону, прижимая трубку к уху плечом.

– ...Отбили атаку, дай, думаю, тебе звякну. Вдруг следующий бой будет последним?! – плел он трагичным голосом, а на лице играла лукавая улыбка. Заметив вошедших, сказал в трубку: – Подожди, Светик, тут подкрепление подошло, надо развести по позициям, позже перезвоню. – Положив

трубку и поздоровавшись за руку, спросил Женю: – Водку принес? – и, поняв ответ по выражению лица Хмурого, произнес: – Ну, класс!

– Как тут дела? – спросил Женя.

– Переходим в наступление. Массы двинулись брать Останкино, – ответил Макс, спрыгнул со стола и достал из ящичка четыре стакана, такие же, какие стояли на лестничной площадке, и початую банку с консервированными болгарскими огурцами. – А хлеба нет.

– Я принес, – сообщил Женя, доставая из полиэтиленового пакета два батона, которые положил рядом с выставленными ранее тремя бутылками водки «Столичная» кристалловского завода и тремя банками тушенки «Великая стена».

Макс свернул пробку с водочной бутылки, разлил на троих, а заметив вернувшегося Олега, плеснул и в четвертый стакан.

– А Рамиль где?

– В штабе, наверно. Он же командир батальона. Близорукий командир безоружного батальона, – сообщил Макс. – Говорят, будете брать оружие у убитых. Ха-ха!

– Чего тут смешного? – нахмурился Женя.

– Да всё, – ответил Макс легкомысленно. – Вообще-то мне здесь нравится. Особенно классно было в первые дни, когда бомбили киоски в округе. Бухала и хавки было – от пуза! И Олега заодно приодели. Да, братан?!

Олег побурчал в ответ.

– Что это у тебя? – присмотревшись к его голове, спросил удивленно Макс. – Седина, что ли?

– Где? – испуганно произнес Олег и задергал головой, будто хотел стряхнуть с нее паука или гусеницу. Достав из кармана овальное зеркальце в пластмассовом бело-золотом корпусе, бросился к окну, на свет, и вывернул голову так, как и гусь не сумеет.

– Да это мне показалось, – успокоил его Макс, которому надоело держать наполненный стакан. – Бери, выпьем за победу.

– За чью?

– Какая разница! – ответил Макс. – Лишь бы не скоро наступила!

– Это ты зря, – недовольно произнес Женя, но выпил со всеми.

Водка казалась теплой и не обжигала горло, а как бы мягко протирала. Вялый огурец без упругости и хруста расползался под зубами и сразу терял непривычный, немного сладковатый привкус.

Макс собрался разлить поновой, но Хмурый отодвинул свой стакан:

– Мы не будем. Поедем в Останкино.

– Нам больше достанется, – сказал Макс и налил себе и Олегу по четверти стакана.

Чокнувшись о стакан друга, Макс быстро выпил, загрызнул батонком и застучал указательным пальцем с длинным ногтем по черным кнопкам телефонного аппарата, набирая номер.

Хмурый насуплено последил за его пальцем, будто ждал, что случится что-нибудь необычное – сработает где-нибудь неподалеку радиоуправляемое взрывное устройство или что-то вроде этого, а не дождавшись, гмыкнул и сказал:

– Ну, мы пошли.

Макс кивнул ему и произнес в трубку:

– Привет, Натаха!.. Все еще воюем! Русские не сдаются!..

В коридоре Хмурый еще раз гмыкнул и вымолвил не без восхищения:

– Умеет лапшу вешать! И чего эти дуры ему верят?!

– Ответ в вопросе.

Женя посмотрел раздраженно, будто проехали по его провинциальности:

– Дурацкая у тебя привычка подкалывать!

Вокруг Белого дома было пусто, как после взрыва нейтронной бомбы, даже птицы не летали. Обочина для политических пикников. Дымящий костерок – эпицентр взрыва. Впечатление это усиливалось метрах в трехстах от здания, где вдруг начиналась обычная жизнь, где люди шли и ехали по своим делам, одни быстро, другие медленно, однако ни те, ни другие как бы не знали о том, что происходит неподалеку, лишь кое-кто поглядывал на высокое белое здание, удивляясь, почему оно кажется таким спокойным, мирным.

Хмурый принялся ловить попутку. Махал рукой так, точно срубывал головы. Притормозила белая «волга». Женя склонился к приоткрытому на самую малость окну:

– В Останкино.

«Волга» издала звук, похожий на дребезжание жестянки по булыжникам, и поехала дальше. Отказались везти и два «жигуленка», старый «мерседес» горчичного цвета и синий «уазик» какой-то городской службы. Желтое такси-«москвич» нырнуло к тротуару со второго ряда, подрезав автобус. Хмурый договаривался с таксистом минут пять. Тройная оплата помогла жадности одолеть трусость. Женя так обрадовался, что чуть не уехал один. Он плюхнулся на переднее сиденье и, когда машина тронулась, потребовал остановиться, и зло крикнул, приоткрыв дверцу:

– Чего телишься?!

В салоне стоял легкий запах бензина и крепкий – приятного сигаретного дыма, напоминающего анашу. Может быть, в машине недавно ехала компания токсикоманов и наркоманов. У таксиста были широкие усы, отчего напоминал нового контр-президента (бывшего вице-).

– Странно, я думал, молодежь против коммунистов, – молвил таксист. Судя по легкому оканью, был он родом с Волги.

– Молодежь считает, что коммунист всегда должен быть на самом видном месте – висеть на фонаре.

– Молодежь разная, – отрезал Хмурый и наехал на таксиста: – А ты за кого?

– За себя, – ответил таксист и сбил с Жени воинственный пыл требованием расплатиться сейчас:

– Мало ли, что там будет...

Женя, громко засопев, отдал ему деньги и, обиженный таким недоверием, отвернулся к боковому окну.

Дорога от Белого дома к Останкино оказалась еще и дорогой из вечерних сумерек в ночную темноту, которая упала внезапно, будто солнце из последних сил держалось за край земли, подсвечивая небо, а потом устало и разжало руки, ухнувшись под нее. Зажглись уличные фонари, и заметнее стали разноцветные огни реклам, в основном иностранных. В искусственном освещении прохожие стали казаться более реальными.

Большая часть погромщиков была не возле телевышки, как почему-то предполагалось, а у расположенных неподалеку зданий. Таксист остановился метрах в двухстах от толпы. Это разозлило Хмурого еще больше. Выйдя из машины, он хряснул дверцей так, что она должна была не только отвалиться, но и рассыпаться на куски, и выпалил злобно:

– Трус!

Женя пошел к толпе почти строевым шагом. Так молодые в учебке ходят в столовую, если им разрешают проделать это вне строя. Скорее всего, солдафонство в нем появилось от вида бронетранспортеров. Первый стоял, окруженный людьми, посреди дороги и казался диковинным, но не страшным, зато второй, устроившийся на газоне, натужно взревел, выпустив клубы черного дыма, и застрочил по Останкинской телевышке. Некоторые пули были трассирующие и ярко-оранжевыми тонкими нитками протягивались от бэтэра до как бы рассекшей башню летающей тарелки, в которой располагался ресторан «Седьмое небо». Видимо, стрелявший никогда там не был, денег жалел, а теперь вымещал злость и зависть. Отведя душу, перестал стрелять и повернул пулемет в сторону ближнего здания.

Там полыхнуло пламя и сразу опало. Наверное, кинули бутылку с бензином. В ответ прозвучала короткая автоматная очередь, которая в сравнении с громкой пулеметной показалась абсолютно неопасной. Поэтому странно было слышать зов: «Врача!», покотившийся по толпе от здания

– Штурмовать надо! Время уходит! – произнес, выхлопнув перегар, седой мужчина с лицом чело-века, привыкшего, что ему подчиняются беспрекословно, и требовательно посмотрел на Женю.

Хмурый стушевался под этим взглядом, прошептал:

– Пойдем вперед.

Чем ближе к зданиям, тем толпа становилась плотнее и как бы сливалась в одно целое, нервно-дерганное и вязкое одновременно. Люди теряли черты лица и тембр голоса и даже сильный запах пота был везде одинаковый и нейтральный, не вызывающий никаких чувств или ассоциаций. Женя пропал, растворившись в этой безликости. Хоть толпа и гудела агрессивно, как бы подталкивая себя в атаку, но с места не двигалась. Правда, возникало впечатление, что перемещается влево-вправо, раскачиваясь.

У ближнего здания опять полыхнуло и опало пламя, выстрелили в ответ и по толпе прокатилось: «Врача!». По мере удаления от здания зов становился все требовательнее, истеричнее. Добрался ли врач до раненого и нужен ли он был вообще – не разглядишь.

Толпа вдруг затихла, замерла. Рев двигателей, мощных, может быть, танковых, как бы спрессовался из ее негромкого, но широко растекшегося гула.

– Бронетранспортеры. Целая колонна, – пронеслось по толпе ни тревожно, ни радостно, а скорее вопросительно.

Со всех сторон слышались выкрики:

– Наши!.. Помощь пришла!.. На штурм!..

Толпа заколыхалась резче и малость подалась вперед, но не в атаку, а любопытствуя. И замерла, прислушиваясь к притихшему гудению двигателей бронетранспортеров.

Наверное, пули летели со свистом, а может, показалось, потому что в кино они обязательно свистят, пролетая над головой героев.

– Ложись! – пронеслось по толпе, которая, не послушав саму себя, развернулась и побежала.

Впереди оказались деревья, которые расчленили толпу на группы, потом на группки, потом на отдельных людей. Деревья рывками смещались влево-вправо. Левая нога зацепилась за что-то – и инстинктивно выброшенные вперед руки ударились о землю, поросшую высокой, жесткой травой. Среди темной, зеленой травы выделялось пятно светлой, пожелтевшей. Стук крови в голове заглушал все остальные звуки, не поймешь, стреляют ли, гонятся ли.

Продолжение следует.

Олег ЦУРКАН

В ожидании рая

Рассказ

Руководитель Делегации Европейского Союза в Кишинёве Дирк Шубель заявил, что непринятие Закона о борьбе с дискриминацией воспрепятствует подписанию Соглашения об углублённой и всеобъемлющей свободной торговле Молдовы с ЕС.

По материалам Pan.md

Каждая страна, которая приняла Закон о борьбе с дискриминацией на основе сексуальной ориентации, пострадала. Начались гомосексуальные парады, усыновление детей гомосексуалистами, браки между геями, обучение детей гомосексуальной пропаганде и многое другое. Кроме этого, я вам гарантирую, что, если парламент Республики Молдова проголосует за принятие этого закона, у вас будет

гей-парад этим же летом, и он будет охраняем полицией, и граждане будут не вправе сделать что-либо, чтобы его запретить. И это только начало.

Доктор Скотт Лайвли. Президент Ассоциации «Abiding Truth Ministries» – американской христианской консервативной организации, пропагандирующей семейные ценности.

По материалам Информационно-аналитического портала «Материк»

Правительство Республики Молдова начало преследования за распространение в Молдове литературы, осуждающей лесбиянство и гомосексуализм. После того как в Бельцах прошли беспрецедентные обыски в двух церквах, где полиция искала литературу, пропагандирующую традиционную сексуальную ориентацию и осуждающую гомосексуализм и лесбиянство, начались обыски и аресты в Кишинёве.

По материалам Газета.md

Где просвет, где прогал – не видать ни рожна!
В.С. Высоцкий

Обратиться в Русский Драматический театр Михаилу посоветовала соседка Алина Валерьевна. Михаил чинил ей кран на кухне и за разговором обмолвился, что ищет возможность подзаработать на стороне. На заводе работы почти не стало, всех перевели на четырёхчасовой рабочий день, народ увольняется, уезжает кто куда, а Михаилу, из-за взятого кредита, уволиться никак нельзя. Поэтому Михаил подумывал подыскать в городе место, где не потребуются его постоянное присутствие и он сможет работать несколько часов после своей основной работы. У него отец так трудоустроился плотником в школе, и Михаил и себе искал подобную работу. Тогда-то Алина Валерьевна и вспомнила, что её сын, давным-давно, ещё при советской власти, будучи студентом, подрабатывал в театре рабочим сцены. Как она поняла, работа у сына была – не бей лежачего: бери побольше, неси подалее. И времени много не отнимала. А если что, если гастроли какие-нибудь, то ещё и командировочные платили. Сын за счёт театра мир посмотрел. В Болгарии, например, был. «Так что обратиться в театр, – порекомендовала Алина Валерьевна. – Авось стрельнет. Ты же парень мастеровой, руки у тебя золотые, вдруг получится».

На следующий день после работы Михаил подъехал к центральному входу театра. Ему повезло. Только он вошёл в театральный холл, как зарядил холодный мартовский дождик. «Это я вовремя успел», – радостно подумал Михаил. Не имея зонта, он воспринял удачный приход в театр добрым знаком. «Значит, дело выгорит», – бодро подумал Михаил и огляделся. В левой части вестибюля располагалась ведущая на второй этаж лестница. Её перегородили цепью в красном бархатном чехле. На цепи висела табличка с надписью «Проход запрещён». Под лестницей скромно приютились театральные кассы, в этот час неработающие. Рядом с кассами на боковых лакированных панелях пестрели объявления с расписанием работы театра, датами и временем начала спектаклей, театральные афиши с изображением сцен из спектаклей и фамилиями занятых в постановках актёров. Дальше по всему периметру вестибюля разместились торговые столы, с которых продавали бижутерию, парфюмерию, женское бельё и косметику. Справа от входа за баррикадой столов с нижним женским бельём располагался небольшой книжный магазинчик.

Михаил внимательно изучил все афиши в надежде найти среди них объявление о приёме на работу. Не обнаружив никаких предложений, он критическим взглядом осмотрел торговые столы и направился к книжному магазину, полагая, что о театральных делах следует осведомляться не у рядовых торговцев, а у представителей интеллигенции, к которым он интуитивно отнёс продавщицу книжного ларька.

В магазине, рассеянно оглядев заставленные книгами стеллажи, он тихо, чтобы шумом не привлечь к себе внимания двух задумчивых покупателей, поинтересовался у продавщицы, не знает ли она, как пройти в театральный отдел кадров. Не отрывая глаз от рук покупателей, трогающих корешки книг, продавщица скороговоркой объяснила Михаилу, что ему надо обойти театр с тыла и там, под большой лестницей, он увидит кирпичного цвета будку. Так вот это и есть проходная. Но его всё равно не пропустят, потому что прежде нужно созвониться с кем-нибудь из руководства, чтобы те позвонили охране и предупредили, что такой-то и такой-то должен пройти туда-то и туда-то. А без предварительного звонка нечего и соваться на проходную, тем более что сегодня смена Ривы Моисеевны, а мимо неё и мышшь не проскочит. Всегда надо созваниваться, советовала Михаилу продавщица, телефон для того и существует, чтобы не переть на рожон, а интеллигентно, никому не досаждая расспросами, решать свои дела. Он, например, мог бы позвонить в справочную и узнать координаты театрального отдела кадров. Правда, она, продавщица, звонить в справочную не советует, потому что, во-первых, услуга эта платная и неизвестно, сколько ещё с Михаила возьмут за доступ к коммерческой информации, а во-вторых, наверняка нахамят, если Михаилу станет что-то не ясно и он попросит уточнения. Поэтому, чтобы не морочить никому голову, продавщица предложила Михаилу купить у неё замечательный телефонный справочник с красивыми иллюстрациями, интересными сканвордами и познавательной информацией об архитектурных достопримечательностях города и городских предприятиях. А если Михаил к справочнику купит ещё и карту города, то в подарок он получит симпатичный канцелярский пенал из натурального, экологически чистого полиэтилена, и тогда уже авторучки к пеналу продавщица сможет продать Михаилу со значительной скидкой.

Немного опешив от обрушившейся на него информации, Михаил поблагодарил продавщицу за любезность и отвернулся, задумавшись.

Никуда звонить он не собирался. Устраиваясь на новое предприятие, Михаил предпочитал своими глазами видеть и работодателя, и будущее место работы. Правда, такая тактика относилась только к тем местам, где его ждали. В театре же он собирался появиться незванным гостем, произведя, что называется, «разведку боем». И как же ему сейчас попасть в отдел кадров, если на проходной стоит неприступная Рива Моисеевна? Вот задача. Понятно, что если Михаил прямо скажет ей, куда и зачем он идёт, она никуда его не пропустит, а начнёт созваниваться с различными начальниками, поднимет шумиху вокруг трудоустройства Михаила, особенно ненужную, если окажется, что никаких вакансий в театре нет и Михаил зря только отвлекает людей от творческого процесса. Но и отступать не солоно хлебавши тоже не хотелось, поэтому Михаил решил хоть посмотреть, где находится проходная, с тем, чтобы в следующий раз, отважившись на трудоустройство в театре, уже не плутать.

Втянув голову в плечи, чтобы меньше пострадать от дождя, Михаил, как и советовала продавщица книжного магазина, скоренько оббежал театр с тыльной стороны и под лестницей в прозрачной тени, разросшейся здесь вековой ивы, увидел выкрашенную в коричневый цвет будку, на распахнутых дверях которой белела надпись: «Проходная». Справа и слева от будки возвышался забор из проволочной сетки, а сама будка состояла из двух частей: коридорчика, перегороденного покосившейся вертушкой-турникетом, и крохотной комнатухи, в которой сидела грузная пожилая женщина и, уставясь перед собой в одну точку, пила чай с печеньем. Предположив, что женщина и есть грозная Рива Моисеевна, Михаил встал под лестницей так, чтобы и от дождя укрыться, и строгой вахтёрше до поры до времени не попадаться на глаза. Раздумывая, как же преодолеть неприступную охранницу, Михаил обратил внимание на остановившуюся неподалёку от проходной дорогу иномарку. Из машины резво выскочил солидного вида мужчина в чёрном, ладно скроенном костюме. Быстро поправив стянувший шею галстук, мужчина вытащил из рукавов пиджака манжеты белоснежной рубашки, нырнул обратно в салон, достал чёрный непрозрачный кулёк, в котором угадывалось что-то продолговато-круглое, видимо, бутылка, и длинное, прямоугольное – книга? коробка конфет? – резким движением вынул из кармана брюк заигравший мобильный телефон, захлопнул дверь машины и включил сигнализацию.

– Да! Да, я скоро буду! – закричал в телефонную трубку мужчина, уверенно и скоро направляясь к проходной. – Я на секунду к Борису Исааковичу и сразу обратно!

Мужчина вбежал в коридорчик проходной, крикнул Риве Моисеевне:

– Целую ручки, тётя Рива! Я к Борису Исааковичу! – и, не останавливаясь, помчался в глубь театрального двора. После его стремительной пробежки выведенная из равновесия вертушка перекошено закрутилась, словно хромым инвалид, припадая на одну сторону и через раз издавая пронзительно-жалобный скрип.

«Вперёд!» – отважился вдруг Михаил. Быстрой, решительной походкой он подошёл к вращающемуся турникету, как старой знакомой приветливо кивнул прихлёбывающей чай Риве Моисеевне, громко и твёрдо произнёс: «Я к Борису Исааковичу!» и проскочил через проходную. Стремительно пересекая дворик театра, он ожидал услышать сзади окрик с требованием остановиться и предъявить документы, но никто вслед ему не кричал, лишь вертушка сорванным голосом заезженной карусели скрипела о нелёгкой своей судьбе.

Не сбавляя скорости, Михаил зашагал по асфальтовой тропинке, протянувшейся от проходной до дальнего корпуса театра. Всего, как мог с первого взгляда определить Михаил, театр состоял из двух корпусов, которые на уровне третьего этажа соединялись застеклённым переходом. Между корпусами располагалась древняя покосившаяся беседка с куполообразной крышей. Беседку выкрасили в белый и голубой цвет, но так давно, что краска во многих местах облупилась и, отставая от гниющего дерева, космами бездомной побирušки неряшливо топорщилась в разные стороны. В беседке сейчас сидели и курили несколько человек. За спиной курильщиков виднелась белая стеклянная дверь ближнего к проходной корпуса. Чтобы добраться до этой двери, нужно было сойти с асфальтовой дорожки и ковылять по размытой дождём грунтовой тропинке в обход беседки. Михаил сходить не стал, по отсутствию асфальта предположив, что столь пренебрежительного отношения заслуживает лишь тот корпус, в котором не сидит администрация. Вообще на театральном дворе было грязновато. Видимо, когда-то давно здесь собирались класть асфальт и потому рассыпали по всей территории щебень, но заасфальтировать хватило духу лишь узкую дорожку от проходной до дальнего театрального корпуса. Остальная территория так и не дождалась радостного преображения. Под действием осадков щебень со временем увяз в грунте, зарос бурьяном. И если ближе к тропинкам и беседке бурьян ещё вытаптывали, то у подножия корпусов он разросся полноправным хозяином, так что даже скромно приютившийся у стены одного из корпусов старый театральный грузовичок, казалось, совсем стуселся перед нагло обступившим его сорняком.

Дойдя до конца асфальтовой дорожки, Михаил через обшарпанную, с облупившейся голубой краской дверь вошёл во второй корпус театра.

Он очутился на широкой тёмной лестнице. Здесь было тихо и нелюдино. Дневной свет проникал сюда с верхних этажей, но процеженный мраком и пылью, терял свою силу и глож. В слабом сумеречном свете по обе стороны лестничной площадки в глубоких стенных нишах прятались от людского глаза старые двери. Запертые на большие, ржавые висячие замки, двери мрачными сторожами охраняли тишину и покой.

Михаил поднялся на второй этаж.

Двери здесь хоть по мрачности и обшарпанности не уступали дверям с первого этажа, однако, свободные от плена замков, скрывали не тишину, а неведомую Михаилу жизнь. За левой дверью слышалась человеческая речь, но почему-то очень далёкая, разбавленная гулким эхом, как будто за дверью находился не кабинет, а спортивный зал. За второй дверью неразборчиво бубнили и с грохотом и скрежетом двигали что-то тяжёлое, громоздкое. Поняв, что ни один из услышанных им звуков нельзя отнести к работе отдела кадров, Михаил развернулся и, стараясь не нарушать окружающее его безмолвие, стал подниматься вверх.

Третий этаж встретил его тусклым мартовским светом, но всё равно слишком ярким по сравнению с царящим на первых двух этажах полумраком. В первые секунды у Михаила даже возникло ощущение, что он выбрался из подвала на улицу. Источником света служил длинный узкий переход между корпусами театра. Левая стена перехода во всю его длину от потолка до пола представляла собой огромное стеклянное окно. Вид из окна застили голые в эту пору ветви разросшихся на театральном дворе деревьев. Сквозь хаотичное переплетение веток внизу проступали бело-голубые стены кривоугой беседки, которая косиной своей стыдливо жалась ближе к деревьям, словно пыталась скрыть в их редкой тени некрашеную, прохудившуюся в нескольких местах плешь купола. В конце перехода виднелся маленький предбанник, в котором лицом к Михаилу стояло старое, сохранившееся, видимо, ещё с советских времён кресло. Прямо перед креслом кто-то вытянул в проход обутое в валенки с обрезанными голенищами ноги. Грубым мужским басом неизвестный громко проклинал в невидимую Михаилу телефонную трубку некую Розу Ароновну, которая своей бережливостью «загонит в могилу не только весь Русский Драматический театр, но и всю русскую культуру вместе с Чеховым, Толстым и иже с ними».

Опасаясь разоблачения, Михаил не рискнул двигаться навстречу грозному басу, а повернул назад и стал спускаться по лестнице, намереваясь незаметно для охраны пробраться в беседку и порасспрашивать курящих об отделе кадров и возможных вакансиях.

Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как правая дверь второго этажа резко распахнулась и, пятась задом в коридор, из неё вышел давешний знакомый Михаила по проходной.

– Нет, нет, нет! – громко отнекивался знакомый. – Увольте, Борис Исаакович, увольте! В жизни ничего тяжелее кошелька не поднимаю! Это принцип! На том стою и стоять буду, пока не положат!

Из глубины комнаты старческим, слабым голосом попросили с надрывом: «Ну, Лёва! Ну, пожалуйста!» и дальше, неразборчиво забубнив, снова заскрипели и загрохотали чем-то неподъёмно тяжёлым.

– Нет, и не уговаривайте! – Лёва оставался непреклонен. – И коньяком меня не соблазняйте! Я вам его не для того принёс! Пейте, расширяйте сосуды, будьте здоровы! Это, Борис Исаакович, моя маленькая вам благодарность! А я побежал! Всё! Бегу, бегу!

Не закрывая двери комнаты, Лёва прощально помахал рукой и торопливо сбежал по ступеням. Хлопнула входная дверь, и на лестнице снова воцарилась былая тишина.

Михаил заглянул в комнату. У самой двери поперёк прохода он увидел массивный стол, к железным ножкам которого мощными скобами крепился большой, тяжёлый даже на вид мотор. Посреди стола, в отверстии столешницы, помещалась головка промышленной швейной машины, древней, с облезшей на округлых боках краской. Возле стола, спиной к окну, на самом крае ветхого стула, сгорбившись и зажав между острых коленок ладони, сидел маленький, необычайно худой старик. Если бы не седые, белее белого волосы его на опущенной к груди голове да бесконечная усталость, сковавшая его согбенную фигуру, старика можно было принять за прикорнувшего на краешке стула мальчика. И чрезвычайная худоба старика, и его усталость так сильно бросались в глаза, что даже белая накрахмаленная сорочка, мешковато сидящая на нём, даже она, лёгкая и прозрачная, казалась слишком тяжёлой для его тощих плеч. На сером фоне окна сорочка просвечивалась, и под ней не угадывалось человеческой плоти, будто старик, уподобившись зыбкому призраку, постепенно растворялся в сумеречном комнатном свете.

– Простите, – оставаясь в дверном проёме, чуть слышно сказал Михаил. Старик вздрогнул и, подняв голову, рассеянно посмотрел на Михаила. – Простите, – повторил Михаил. – Вы не подскажете, где здесь отдел кадров?

Не проронив ни слова, старик тяжело поднялся со скрипнувшего стула, шаркая слабыми ногами, подошёл к столу с машинкой и опёрся на него обеими руками.

– А вас, простите, как величать? – делая длинные паузы между словами, спросил он. Михаил представился. – А я – Борис Исаакович, – старик кивнул в сторону боковой двери, которую Михаил в сумерках и не заметил. – Портняжу тут... А отдел кадров находится на этаж выше... Я сейчас объясню, – старик передохнул, потом поднял дрожащую руку и, указывая на лестницу, продолжил: – Поднимаетесь на третий этаж... Увидите переход в другой корпус... В конце перехода кабинет Олеси Богдановны... Это завхоз наш, вы её сразу узнаете... по валенкам... Вам туда не надо... А надо вам в дверь на нашей лестничной площадке у самого перехода... Её с лестницы сразу и не заметишь... Открываете, видите длинный коридор, последняя дверь справа ваша... Не знаю, правда, Дойна Ионовна есть сейчас... или уже ушла.

Старик бессильно опустил руку, словно длинная речь утомила его сверх меры. Михаил поблагодарил и сделал движение уходить, но Борис Исаакович слабым движением руки остановил его.

– Вы не можете мне машинку в декораторскую отнести? – тихо, почти шёпотом, попросил старик. – У девочек их машинка сломалась. А наладчика начальство не вызывает. Экономят. А у меня на одного три машинки... Поделюсь, с меня не убудет.

Михаил пожал плечами, сказав, что ему не трудно, хлопнул по столешнице стоящей перед ним швейной машины: «Эту?», ухватился за край стола и, легко приподняв его, коротко спросил: «Куда?» Борис Исаакович кивнул за спину Михаила, указывая на соседнюю дверь. Михаил потянул стол, тот страшно заскрипел железными ножками по бетонному полу, машина подалась, но вскоре, упёршись задними ножками в планку дверного порога, встала. Борис Исаакович, как и Михаил, ухватившись за край стола, попытался приподнять машину, чтобы перенести её через порог, но руки не слушались его. Он двигал худым корпусом, поднимал костлявые плечи, дрожал от напряжения, но машина оставалась неподвижной. Тогда Михаил, протиснувшись в дверном проёме между столом и косяком,

встал на место Бориса Исааковича, поднял стол и, толкнув его бёдрами, перенёс задние ножки через порог. Потом вернулся на своё место, поднял машину и с тем же страшным скрежетом дотянул её до соседней двери. Приближаясь нетвёрдой походкой, Борис Исаакович сказал с отдышкой:

– Я сейчас... Сейчас... Дверь придержу.

Но Михаил не стал дожидаться помощи старика, а сам открыл дверь и, утягивая за собой машину, попятился внутрь комнаты.

– Сюда её ставьте! Сюда! – услышал он за спиной требовательный голос. Обернувшись, он увидел старуху, замотанную во множество одежд, в вязанных дырявых перчатках и войлочных стёганных полусапожках на резиновой подошве, носящих в народе звучное название «прощай, молодость». Михаил дотянул машину до указанного места, развернул её к свету, как попросила старуха, отряхнул руки и огляделся.

Декораторская оказалась огромным просторным помещением. Необыкновенно высокий потолок и стены исполосовали стянутые мощными лебёдками стальные тросы. Огромные деревянные щиты лежали на полу, стояли у стен. Изображённые на них дворцовые колонны, арки, подставки с вазами в полукруглых декоративных нишах по размерам ничуть не уступали настоящим. За щитами возвышались непонятные Михаилу инженерные конструкции, состоящие из множества стальных блоков и перекладин. Все конструкции имели колёса и могли передвигаться по утопленным в пол стальным рельсам. В дальнем углу декораторской двое рабочих, копошась среди перекладин, о чём-то угрюмо переругивались, но о чём, разобрать не представлялось возможным, потому что шаловливое театральное эхо, озорничая, мешало звуку по своему усмотрению, превращая дальний разговор в неразборчивый гомон.

Разогретый тасканием тяжёлой машины, Михаил расстегнул молнию курточки, за что его тотчас отчитала вторая старуха, возившаяся неподалёку с огромной пыльной занавеской:

– Не расстёгивайтесь, околеете! У нас тут одно название что топят... Экономщики... Да и сквозняки.... Вмиг простудитесь!

– Вот, девочки, – появляясь в дверях декораторской, сказал Борис Исаакович. – Принесли вам машинку. Как вы и просили. Ну что, нормально установили?

«Девочки», давешние старухи, проверили, чтобы стол не шатался, и, пока Михаил осматривал декораторскую, подключили машину и проверили её вращение. К их разочарованию машина крутилась в другую сторону, и старухи тут же запричитали о том, что напрасно потревожили Бориса Исааковича, ведь машина не работает как положено и, значит, они опять будут стоять, опять день потеряны. Не дожидаясь, пока к нему обратятся за помощью, Михаил осмотрел мотор швейной машины, электрическую вилку, потом попросил отвёртку и, когда получил её, быстро разобрался с вращением машины. Старухи тут же принялись хвалить Михаила, но их похвалы интонационно не отличались от предыдущих причитаний, так что Михаил так и не понял, остались старухи довольны или нет. Застегнув курточку, он собрался уходить, но Борис Исаакович вцепился ему в рукав и ни за что не хотел отпускать, пока Михаил не зайдёт к нему в ателье.

Небольшой размер комнатки, в которой работал Борис Исаакович, совсем не удивил Михаила. Старое ателье обжитым уютом и теснотой напоминало цветочный горшок доживающего свой век некогда прекрасного цветка. Вместо обоев стены украшали пожелтевшие от старости театральные афиши, карандашные эскизы одежд различных исторических эпох, выгоревшие от времени цветные и чёрно-белые фотографии актёров в театральных костюмах. У входа за портьерой красного бархата пряталась примерочная кабинка с большим зеркалом по центру. В правом нижнем углу зеркало треснуло, отколотый кусок кое-как приладили на место, закрепив для надёжности клеейкой лентой. Стоптаный, с неразличимым узором коврик в примерочной кабине, боясь обратить на себя внимание, стыдливо жался к портьеру. По левую сторону от входа в ателье два крохотных давно невымытых оконца в деревянных перекошенных рамах слабо пропускали дневной свет. Борясь со сквозняками, щели в оконцах забились тряпками, обрезками пальтовой ткани, а поверх тряпок наклеили полоски бумаги и широкий скотч. Клеили неаккуратно, абы как, и покрасили также неаккуратно прямо по клееному, да столько раз, что покоробленные краской бумага со скотчем образовали множество твёрдых, глубоких складок, словно морщинами вокруг глаз пожилого человека, усеяв рамы старых окон. Прямо под окнами стояли две промышленные швейные машины, с исцарапанными столешницами, потёртые, неопределённого цвета. Пожелтевшими от старости, безвольно провисшими электрическими проводами, машины соединялись с вываливающимися из стен розетками, отчего машины походили

на две приставленные к стенам понурые клячи. Большую часть ателье занимал высокий, самодельный, истыканный по краям частоколом разноцветных булавок, закройный стол. Стол оббили синим дерматином, в некоторых местах дерматин лопнул, его заштопали, но со временем разрезы ссохлись, разошлись и из них, как из рваной плюшевой игрушки, торчал жёсткий ворс уложенного под дерматином войлока. На полках закройного стола вперемешку лежали картонные лекала и лекала, вырезанные из газетных листов. Стопки связанных бечёвкой картонных лекал висели и на вбитых в стену гвоздях. Над столом, с жёлто-серого, давно не белёного потолка, на стальных тросах свисали два длинных, выдавших виды светильника. Когда Михаил с Борисом Исааковичем вошли в ателье и портной щёлкнул тумблером древнего выключателя, в светильниках из четырёх люминесцентных ламп загорелись только две.

– Экономим, – пояснил Борис Исаакович и предложил Михаилу проходить.

Пока Михаил выбирал из трёх находившихся в ателье шатких стульев наиболее крепкий, Борис Исаакович разложил на закройном столе конфеты и бутылку коньяка. Вынув из лежащей на подоконнике коробки две крохотные хрустальные рюмочки, он протёр их тряпочкой, осторожно установил на закройном столе, откупорил бутылку и наполнил рюмки до краёв.

– Прошу к столу! – предложил он Михаилу, указав на коньяк и конфеты.

Михаил осторожно, чтобы от резкого движения ветхий стул под ним не развалился, поднялся на ноги и, беря рюмочку, неуверенно произнёс:

– Мне вообще-то нельзя. Я бы хотел ещё в отдел кадров попасть.

Борис Исаакович возразил, что тридцать граммов коньяка ещё никому карьеры не испортили, чокнулся с Михаилом и маленькими глоточками выцедил свой коньяк. Не дожидаясь повторного приглашения, Михаил залпом, в один глоток, опрокинул в себя содержимое рюмки.

– Ну как? – причмокивая и прислушиваясь к ощущениям, спросил Борис Исаакович.

Михаил неопределённо пожал плечами:

– Водка с чаем.

– Да? – удивился Борис Исаакович. – Значит, продешевил Лёва?

Борис Исаакович тяжело вздохнул, взял в слабые дрожащие руки бутылку и, близоруко щурясь, поглядел на этикетку. – А написано, что хороший коньяк. Три года выдержки.

– Мало ли что написано, – усмехнулся Михаил, закусывая конфетой. – Не верьте. У меня на сарае матерное слово из трёх букв написано, но внутри-то дрова.

– Дрова, да, – вчитываясь в этикетку и явно пропустив мимо ушей известную поговорку, согласился Борис Исаакович. – А я вот ничего не чувствую. Что вкусно, что не вкусно – ничего не разбираю. Вкус маминых пирожков помню. Яблок, что в детстве в саду рвал, тоже. А что сейчас ем – ничего не чувствую, – он снова почмокал губами. – Впрочем, и неудивительно. Восемьдесят два года поди не шутка.

– Восемьдесят два? – переспросил Михаил и нарочито восхищённо присвистнул. – Вот это да!

– Да-да, – улыбнулся Борис Исаакович восторгу Михаила и потянулся наливать по второй.

Михаил запротестовал, что больше не будет, что с него довольно, но Борис Исаакович, не слушая, разлил коньяк по рюмкам и поинтересовался, зачем Михаилу в отдел кадров. Михаил рассказал про четырёхчасовой рабочий день на заводе, поиск подработки и про совет обратиться в театр.

– А-а, – слабо усмехнулся портной. – Тогда пейте спокойно. У нас вам ничего не светит, – Борис Исаакович поднял рюмку, сказал: «Будем!» и, не дожидаясь Михаила, снова выцедил свой коньяк.

Алкоголь взбодрил старика. На его впалых белёсых щеках заиграл бледный румянец. Во влажных глазках заблестел живой огонёк. Сонливость и усталая обречённость уже не тяжелили взор. И говорил Борис Исаакович твёрже. Сизые, с фиолетовой тонкой каёмочкой губы его больше не шамкали, а произносили слова чётко и ясно. Кивнув Михаилу, чтобы тот опустошил свою рюмку, Борис Исаакович охотно рассказал ему о положении дел в театре.

– Плохо у нас, – горько усмехнувшись, пожаловался портной. – Как Советский Союз развалился и культуру перестало подпитывать государство, так с театром и начались нелады. Зарплаты, коммунальные расходы, костюмы, декорации – это же всё денег требует. А откуда их взять, если население нищает? Вот и перебиваемся с хлеба на воду. Не живём, а выживаем. Кое-какие помещения театр сдаёт в аренду, плюс спонсоры помогают, из поклонников театра. А так, государство про нас забыло. Молодёжь не идёт, театр в основном на стариках держится. Всех, кого можно, сократили, театр опустел. Зарплата у актёров, знаете какая? – Борис Исаакович назвал цифру, которая заставила Михаила поморщиться. Работая на заводе, он получал больше самого заслуженного театрального артиста.

– А как же они живут? – сомневаясь в существовании столь низких зарплат, недоверчиво спросил Михаил.

– А вот так и живут, – Борис Исаакович взял из коробки конфету, откусил маленький кусочек и, жуя по-крысиному передними зубами, объяснил Михаилу. – Если в театре служит актриса, значит, её содержит муж. Если актёр, значит, его содержит жена. Плюс актёры по корпоративам ходят, свадьбы ведут, крестины. У некоторых, правда, и свой бизнес есть, а театр остался так, для души. Вот Лёва, например. Тот, что коньяк принёс. У него сейчас своё рекламное агентство. Плюс в столицу ездит, в Кишинёв, в рекламе снимается. Видели, небось, по телевизору? Ну и в театре играет. – Борис Исаакович разлил коньяк по рюмкам и горестно вздохнул. – В общем, крутится народ. Вертится во все стороны. И Богу угодить и Мамоне поклониться. Не то, что при Союзе было. Актёры только об искусстве думали. Новыми театральными постановками жили... Поднимайте, – кивнул он Михаилу и сам взялся за рюмку. – Ваше здоровье!

– И вам не хворать, – ответил Михаил и выпил. – А что, Борис Исаакович, при Союзе у актёров зарплаты высокими были?

– По тем временам зарплаты были приличные, – Борис Исаакович откусил от конфеты. – Да разве только в зарплатах дело? Мироощущение было другим. Не чувствовалось безнадёги. А сейчас живёшь так, словно тебя на край пропасти вытолкнули и ты идёшь, а впереди невесть что. Каждый шаг может стать последним. Ступишь и пропадёшь.

Слушая старого портного, Михаил вполне соглашался со стариком в отношении теперешнего отношения к жизни. Действительно, в мутном потоке современного лихолетья грядущего не разобрать. Подлое, коварное настоящее било под дых, сшибало с ног и, не давая поднять головы, заставляло думать только над тем, как вывернуться и глотнуть хоть немного воздуха, протянуть, перетерпеть до следующего удара. Безнадёжность, апокалиптичность нынешнего бытия пронзила все слои человеческого общества. И этот общий настрой, это общее ощущение шаткости современного мироустройства расслоило социум, подвигая одних на забвение в работе и развлечениях, других к глухой нищете и алкогольному самоотречению.

Михаил поставил рюмку на закройный стол и вдруг подумал, что неплохо бы сейчас взять бутылку и, хорошо приложившись к горлышку, в один присест высосать остатки коньяка! Все как есть! До последней капли! До самого доньшка! Только так, резким, отчаянным поступком он мог бы выразить протест унылому своему существованию и залить тлеющие угли ненависти ко всем парламентариям, президентам, нуворишам, банкирам, чинушам. Всем казнокрадам, рвачам, хапугам, дельцам, ворам, которые, несмотря ни на что, богатеют, а он, Михаил, молодой, сильный, не алкаш какой-нибудь, вынужден влачить жалкое существование презираемого модой пролетария.

Однако грубости Михаил позволить себе не мог, поэтому, подвинув рюмку ближе к Борису Исааковичу, лишь с ухмылкой сказал:

– Наливайте, что ли. А то у вас дозы, как в детском саду. Ещё бы пипеткой на язык капали.

– Да вы берите, берите, – живо спохватился старик. – Наливайте себе. Мне-то хватит. Я и так уже пьяненький.

Михаил взял бутылку, налил до краёв свою рюмку и залпом осушил её. На заводе он привык с мужиками глушить водку двухсотграммовыми стаканами, поэтому коньячные дозы Бориса Исааковича не приносили Михаилу морального и вкусового удовлетворения. Опьянение наступало слишком медленно, что порождало в груди неуправляемое, нарастающее помимо воли Михаила раздражение.

А Борис Исаакович тем временем, безвольно положив белые прозрачные руки на вылинявшее полотно дерматина, продолжал вспоминать:

– Видели бы вы, что у нас в театре при советской власти делалось. Спектакли – ежедневно! По несколько спектаклей в день. Со всех сёл собрали крестьян – и в театр. С рабочими то же. Заводами, фабриками к культуре приобщали.

– К советской культуре! – раздражённо поправил портного Михаил.

– Какая разница, – отмахнулся Борис Исаакович, не поняв выходки Михаила. – У любой культуры цель одна – возделывание человеческой души. Вот при советской власти и возделывали, раздвигали горизонты сознания.

– В нужном власти направлении, – язвительно уточнил Михаил.

– Это само собой, – охотно согласился Борис Исаакович. – На то она и власть. А что, современная-то власть лучше? Что она предлагает человеку? Какие культурные мероприятия? Гей-парады? Вы

сравните культурный уровень советского человека и современного гомосапиенса. Это же небо и земля. Что может предложить будущему ваше, воспитанное на детективных сериалах да на примитивных ток-шоу поколение?

Михаил презрительно скривился.

– Не знаю, кто, как, – сказал он, – а я в будущее не заглядываю. Мне бы в настоящем семью прокормить.

– Как это вы в будущее не заглядываете? – удивился Борис Исаакович. – А дети у вас есть?

– Есть. Сын.

– Ну вот. Вот вам и будущее. Ваш сын и есть будущее. И вы же наверняка не хотите, чтобы он стал рабом для новых правителей. Вот и боритесь за него, за своего сына.

– Поборешься тут, – снова скривился Михаил и с тоской посмотрел на початую бутылку коньяка. – Будут у него деньги, тогда он сам кого хочешь под себя подомнёт. В деньгах сила! Они правят миром!

– А вот в этом вы ошибаетесь, – тихо, но твёрдо возразил Борис Исаакович. – Миром правят люди. А деньги – лишь средство управления. В руках хорошего человека деньги – благо.

– Где же вы, папаша, видели, чтобы в нашей стране хороший человек да при деньгах был? – нервно осклабился Михаил. – У нас не бывает такого. У нас либо ты хороший человек, либо – ты при деньгах. Мы – не заграница. Это у них там все богатые и благостные. Видел я. По телевизору показывали, как там люди живут. Спокойные там все. Холёные. У всех машины, дома свои. По миру путешествуют, жизнью наслаждаются.

– И я смотрел про жизнь на Западе, – иронично улыбнулся Борис Исаакович. – Показывали передачу про Голландию. У них там, в одном городе живёт парочка садомазохистов. Так эти садомазохисты друг друга два раза в день на поводке гулять выводят. Выгуливают другу дружку как собаку. А окружающие, соседи только смеются, и никто протестующего слова не скажет... Свобода. А по мне, какая же это свобода? Это же распущенность. Получается, что европейцы одобряют оскотинивание человека. Вот вам достижение европейской цивилизации! Вместо стремления человека к звёздам, ему предлагают поводок со стразами и миску с собачьим кормом!

– Нет, ну когда пожрать предлагают, что ж в этом плохого? – Михаил с грустью оглядел каморку портного в поисках стакана. Но нигде подходящей посуды он не нашёл. Лишь на подоконнике лежала коробочка из-под крема, полная тонкими пластинками портняжного мыла. – Из наших рвачей кто вам чего предложит? Все только для себя хапают. Воруют гады, а ты не знаешь, как до полочки дотянуть.

– И, поверьте, дальше будет только хуже, – грустно подхватил Борис Исаакович.

– Ну, что будет дальше, никто не знает, – раздражённо возразил Михаил. – Наши правители обещают, что вот, дескать, примем законы, как в Европе, будем поступать, как европейцы, и наступит у нас в одночасье всеобщее благоденствие. Рай нам обещают в европейской обёртке. – Михаил саркастически ухмыльнулся. – Тут главное, чтобы пока мы до Европы добираемся, слюной с голодухи не захлебнуться. Или с ума не сойти, задумываясь о жизни нашей гадской. На меня, к примеру, иной раз так накатит, что хоть в петлю лезь. Работы нет, денег нет, цены растут как на дрожжах. Телевизор врубишь, а там всё о счастливом европейском будущем талдычат. Как будто вокруг ни грязи, ни воров, ни безработицы не существует. Я, чтоб мозгами не свихнуться, телевизор почти не смотрю. Ну их всех к чертям собачьим! Лучше ни о чём не думать! Чтоб болячки не нажить на нервной почве.

– А вот тут позвольте с вами не согласиться, – тихо возразил Борис Исаакович. – Думать надо. И говорить, и выражать своё мнение тоже обязательно надо. Потому что, отмахиваясь от настоящего, вы добровольно отказываетесь от построения будущего своими руками. И значит, его построят без вас. Скажут, не хотели своими руками строить, тогда получите то, что есть. А есть у нас венчание в церквях гомосексуалистов, гей-парады и уважение прав любого ничтожного извращенца.

– Ну, это у них там, на Западе, о педиках переживают, – снисходительно усмехнулся Михаил. – От пресыщенности. А у нас заботы важнее есть. Нам о желудках нужно думать, а не о задницах.

– Напрасно вы так легкомысленны, – Борис Исаакович строго посмотрел Михаилу в глаза. – Если во всеобщем равнодушном молчании будут слышны лишь требования гомосексуалистов, то власти будут думать, что эротико-протестующие постанывания сексменьшинств и есть глас народа.

– Ой, Борис Исаакович, ну что вы завелись? – попытался остановить старика Михаил. – Что нам-то до педрил? Тут не знаешь, как прокормиться, а вы всё об извращенцах твердите. Что мне о них заморачиваться? Они у меня работу не отбирают.

– Что ж вы всё только о хлебе-то насущном думаете? А о слове Божьем? Нельзя же быть аморфной

массой, – возмутился Борис Исаакович, но тихо, словно извиняясь за свою несдержанность. – Человечество – это лик Божий, поэтому надо высоко держать планку человечности. А если пропагандировать порок, твердить, что извращения – это нормальное проявление человеческой психики, то и расплодится извращенцев, и образ человеческий ещё дальше отойдёт от образа Божия. Впрочем, – грустно продолжил портной, – меня не покидает ощущение, что современная европейская мораль стремится искоренить в человеке любую религиозность, установить религию в разряд пережитка, экзотического увлечения, с тем, чтобы со временем и вовсе веру в Бога выкорчевать из сознания человека. Не зря же европейские парламентарии требуют принятия у нас в стране таких законов, которые идут вразрез с вековыми национальными традициями и верованиями. Взять хотя бы навязываемый нам Европой Закон о борьбе с дискриминацией сексуальных меньшинств. Я понять не могу, почему люди, ведущие порочный образ жизни, требуют к себе особых привилегий и утверждают, что гомосексуализм – норма человеческой жизни. С какой стати?

– Ну, они говорят, что непризнание гомосексуализма пороком – это мировая тенденция, – неуверенно ответил Михаил. Тема разговора ему не нравилась. Однако благодарность за угощение и ожидание окончательного опустошения бутылки вынуждали Михаила терпеть рассуждения портного и поддерживать беседу.

– Оставьте вы, – недовольно поморщился Борис Исаакович. – Один педераст сказал, двое других подхватили – вот вам и «мировая тенденция».

– Да уж, – не удержался от презрительной усмешки Михаил. – Сильны, конечно, извращенцы воню своей. С другой стороны, не морды же им бить. Всё равно не поможет. Гомосексуализм – это же болячка, мутация, генетический сбой. У гомосеков же в мозгах вавочки. Им зелёнку пей, не пей – не поможет.

– Я и не призываю к насилию против гомосексуалистов, – мягко возразил Борис Исаакович. – Но я против сексуальной распущенности, против потакания порочным наклонностям и пропаганды этих наклонностей как нормального явления. Мне совершенно непонятно, с какого перепугу Запад пришёл к выводу об абсолютной естественности аморальных явлений?

– А вы разве не слышали? – искренне удивился Михаил незнанию Бориса Исааковича. – Европейские интеллектуалы утверждают, что раз педики существуют испокон веков, то и бесполезно с ними бороться. И раз гомосексуализм столько времени существует, то и не стоит закрывать на это явление глаза. Надо, дескать, признать его свершившимся фактом... этой, как её? – Михаил пощёлкал пальцами, призывая Бориса Исааковича помочь ему вспомнить заезженное теле- и радиожурналистами словосочетание. – Вот! – наконец вспомнил он. – Сексуальной мультиполярности человека!

– Да, но ведь и воровство и убийства тоже существуют испокон веков. Получается, что с ними тоже бесполезно бороться. И что же теперь, тюрьмы отменить? – недоумевая, спросил Борис Исаакович. – Пусть воры тоже выходят на свои парады. Тем более что в некоторых странах сложились вековые воровские традиции, своеобразная субкультура: мафия в Италии, якудза в Японии, «законные воры» в России. Давайте всем вора姆 аплодировать и признавать их право на существование.

– Нет, ну, вы палку-то не перегибайте, – нехотя возразил Михаил. Он томился ожиданием, когда же Борис Исаакович снова предложит разлить коньяк. К тому же его раздражала сложившаяся ситуация, когда, возражая Борису Исааковичу, он вроде бы противопоставлял себя портному, отчего получалось, что в споре со стариком Михаил принимал сторону гомосексуалистов, чего делать вовсе не собирался. – Воры и убийцы житья никому не дадут. Они же закон преступают. Наши права нарушают.

– Хорошо, – живо согласился Борис Исаакович. – Онанисты, калоеды и ещё чёртова дюжина тихих извращенцев – чьи права они ущемляют? Ничьи. Так давайте аплодировать парадам калоедов. Гомосексуалисты требуют, чтобы им разрешили свободно проявлять свою гомосексуальность. В притонах им скучно. Они хотят и в общественных местах вести себя, как заборорассудится. Тогда давайте и калоедам, и онанистам разрешим вольничать в общественных местах. Избегая дискриминации, давайте усадим калоедов за общий стол и разделим с ними общую трапезу.

– Фу, мля! – Михаил брезгливо передёрнуло. Отплёвываясь, он рубанул воздух рукой и громко сказал:

– Борис Исаакович, перестаньте! Неужели двум нормальным мужикам за бутылкой коньяка больше поговорить не о чем? Мы пьём или педрил обсуждаем?

– Наливайте, наливайте, – спохватился Борис Исаакович. – Не стесняйтесь. Но только себе. Я не буду. Мне хватит.

– Как угодно, – не стал спорить Михаил и плеснул себе коньяка. – Ваше здоровье!

Михаил выпил и сразу, не церемонясь, налил себе следующую и залпом опрокинул её в себя.

– Вы на меня не обижайтесь, – примирительно заговорил Борис Исаакович. – Старческая болтливость. Только на неё силы и остаются. Просто я так воспитан. Привык, знаете ли, за Родину переживать.

– Какая к чертям Родина, – кисло скривился Михаил. – Забудьте. Это в вас говорит ваше советское воспитание. Вас приучали думать в первую очередь о «нас», об обществе, о государстве. Прошли те времена. Сейчас во главу угла поставлен личный интерес. Нужно только о себе думать – это закон природы.

– Ваша правда, – не стал спорить Борис Исаакович. – Я всё время забываю, что сейчас каждый сам за себя, что наступила эра правового эгоизма. И по телевизору сейчас показывают то же. Везде супермены, герои-одиночки. И всё кровь, кровь. Разве можно было себе такое представить раньше? Нет, конечно, – портной тяжело вздохнул. – К нам вся эта чернуха пришла вместе с новой западной моралью. А нам вместо того, чтобы слепо перенимать её каноны, следовало бы стать крайне осторожными. Потому что современная западная мораль всеми силами стремится уйти от сакральности, богоподобия человека, объявив его низменные устремления равноправными возвышенным. А, уходя от святости, будешь исповедовать порок. Чем собственно европейская мораль и занимается. Взять хотя бы тех же садомазохистов, о которых я вам говорил. Объясните мне, чем садистское удовольствие разнится от удовольствия от убийства? И как растолковать педофилу, что его желание аморально, если при этом два голых извращенца публично стегают друг друга собачьими поводками?

– Ну, вы сравнили, – благодушно после выпитого возразил Михаил. – Эти-то двое по согласию друг друга стегают, а педофилы – насильники.

Разрешение Бориса Исааковича самому себе наливать заметно притупило раздражение Михаила. Он почувствовал себя свободным в любой момент прекратить беседу, разом осушив содержимое бутылки. Поэтому и Борису Исааковичу он уже возражал легко, играючи, словно перебрасывался не словами, а послушными руке мячиками.

– Ну да, – повысил тон Борис Исаакович. – Соблазни ребёнка всякой ерундой – вот тебе и «по согласию»!

– Тогда не знаю, – отмахнулся Михаил. – Но как-то же отличают европейцы законное получение удовольствия от противозаконного.

– Конечно, различают, – неожиданно легко согласился Борис Исаакович с Михаилом. – По степени порочности. Но ведь степень эта со временем уменьшается, и что раньше казалось совершенно неприемлемым, сегодня – обычное дело. О чём я вам и толкую. Сначала европейцы привыкнули к тому, что гомосексуалисты венчаются в храмах, потом что детей усыновляют, а там иди, знай, ещё до чего додумается человек. Вон, я в Интернете читал, в Америке пара лесбиянок, воспитавшая усыновлённого мальчика, решили сделать ему пластическую операцию по изменению пола. Двенадцатилетний мальчик, дескать, с рождения ощущает себя девочкой. По их мнению, это так мило помочь ребёнку определиться с сексуальной ориентацией. А чтоб мальчик в кругу прогрессивных родительниц-лесбиянок не передумал, они его пичкают гормональными препаратами. Понимаете, что происходит?

– Жиру бесятса твари? – пытаюсь предугадать выводы портного, осторожно спросил Михаил.

– Границы порока размываются, – поправил Михаила Борис Исаакович. – Люди не ориентируются, что хорошо, а что плохо.

– Погодите, Борис Исаакович, а закон? Существуют же какие-то правила, нормы, в конце концов. Как-то же европейцы должны себя защищать, иначе давно бы уже жили в таком же бедламе, как у нас. Они, однако, процветают. Культурно у них там, да и вообще, сытно и комфортно. И голова ни у кого не болит, как прокормить семью на грошовую зарплату. У них там работающий человек ни в чём нужду не испытывает. А у нас? Хоть на десяти работах вкалывай – всё равно, чтобы нормально жить, никаких денег не хватит. Потому что зарплаты не повышают, а цены поднимают ежедневно! И какие бы демократичные правительства у нас ни были, всякий раз они выдумают что-нибудь такое, чтобы пострадали карманы простых людей. Не страна, а полный отстой! Вот вы, к примеру, Борис Исаакович, на свою пенсию по земному шару путешествовать можете? Туризмом заниматься? Нет? То-то же! А на Западе любой старик, выходя на пенсию, живёт себе припеваючи. Не мучается. У них там выход на пенсию – праздник. А у нас – приговор, свержение в нищету. Вы, Борис Исаакович, если бы жили сейчас в Европе, то с вашим трудовым стажем имели бы столь высокую пенсию, что над

всякими каверзными вопросами не мучались, а купили бы себе ведро афродизиаков, сняли бы двух шлюх побезотказнее и зажили с ними на старости лет по-человечески. А то я смотрю, вы худющий, аж просвечиваетесь. Недоедаете в нашей-то глухомани?

– Я? – удивился Борис Исаакович. – Где же вы, молодой человек, видели, чтобы портные нищенствовали? Нет, – Борис Исаакович слегка махнул слабой рукой, – с пропитанием у меня всё в порядке. Да и много ли мне надо?! Во мне и так, как говорится, два мосла и кружка крови. Я не телесно голодаю, а духовно. Пусто мне, а нет большего ужаса для человека, чем пустота вокруг. До чего мыслью не дотронусь, всё трухлявое, зыбкое, наносное. Раньше всё как-то основательнее было. Была советская Родина, был враг – Запад, которому противостояли всеми силами, была семья – ячейка советского государства, культура была...

– Культура, физкультура, – саркастически хмыкнул Михаил, потянулся за бутылкой и налил себе коньяка.

– Да и физическая культура, – не понял издёвки Борис Исаакович. – А сейчас, где вы видели, чтобы пропагандировали здоровый образ жизни? Нет этого. Зато рекламы лекарств по телевизору – не счесть. Лечитесь! Платите! Везде барыш, везде мысли только о наживе! В кино, в сериалах герои только преуспевающие бизнесмены. А куда простой человек подевался? Исчез он с экранов. Не интересен. Зато гомосексуалисты в собачьих ошейниках – это интересно. Это развивает духовный уровень граждан. А ещё можно запустить на улицы селевой поток гей-парадов, пусть он затопит города и сёла.

– Что ж вас так переключило на педиках-то? – снова не удержался от ухмылки Михаил. – Что в этих парадах страшного? Ну, пройдутся педерасты, да и разойдутся. Что их парад изменит? Сытнее что ли станет? Или работы у народа прибавится? Поверьте мне, ничего не изменится. Народу глубоко плевать на всё. Своих забот хватает.

– Мне не плевать, понимаете? – устало сказал Борис Исаакович. Михаилу показалось, что разговор изматывал портного. И, словно в подтверждение догадки Михаила, Борис Исаакович подвинул свою рюмку ближе к Михаилу и попросил: – Плесните-ка, милейший, каплю эликсира. Чуть-чуть, не больше половины рюмки.

Михаил с явной неохотой потянулся наливать портному, но не успел дотронуться горлышком бутылки до края рюмки, как тут же был остановлен Борисом Исааковичем: «Хватит!» Старик, как и в первый раз, слегка пригубил коньяк, почмокал губами и продолжил:

– А не плевать мне, потому что я знаю, к чему эти гей-парады приводят. Вот раньше, при советской власти, пропагандировали самоотверженность, героизм, и поэтому была страна героев. Войну выиграли. А пропагандируйте вы гомосексуализм, и будет вам страна гомосексуалистов. Что возмущает, так это то, что наши молдавские правители, как дешёвые проститутки, в любой позе под Европой прогнутся, лишь бы кредиты заполучить. Любой закон примут, лишь бы благосклонность Европы не потерять. За деньги готовы свою страну превратить в какой-нибудь Таиланд, в экзотическую страну Педерастию, куда за извращениями будет приезжать цивилизованная Европа. Вот тогда-то и зачерпнём мы полные пригоршни европейского счастья. Мало не покажется.

– Ну почему обязательно за извращениями? – недовольно скривился Михаил. – А бизнес? Инвестиции?

– Знаем мы европейский бизнес. Проходили уже, – печально вздохнул Борис Исаакович. – Вы вспомните, европейцы, куда ни приходили: в Византию ли, в Индию, Африку или Америку – всегда их приход объяснялся примитивным желанием ограбить. А сейчас? Войны за нефть в Ираке, Ливии, Сирии – это ли не грабёж цивилизованным Западом Ближнего Востока? И с чего вы взяли, что с нами Европа поступит иначе?

– Вот вы загнули, – с сожалением глядя на остатки коньяка, сказал Михаил. – Нужны мы европейцам, как зайцу стоп-сигнал! У них своих проблем хватает. Да и что страшного в приходе европейцев? Может, как раз они-то и научат нас уму-разуму. А то наши дерьмократы только набиванием собственных карманов занимаются.

– Конечно, придут. И, конечно, научат, – тихо сказал Борис Исаакович. – Только чему? Сегодня, например, из каждой европейской щели только и слышится, что СССР был преступным государством и, значит, все мы, бывшие его граждане, преступники. Что мы с нашим мировоззрением чуть ли не дикари, варвары. Молодёжи всё равно, но я возмущён. С соседями спорю. С режиссёрами нашими, Гариком Акопяном и Расулом Фашадовым. У них, что не спектакль о прошлом, то непременно аресты и рас-

стрелы. А я им прямо говорю, что всё их лицедейство – враньё. Что потакают они западным хапугам, всем этим всемирным банкам, фондам и прочей бумажно-денежной шушере, которым выгодно деморализовать нас, разобщить, чтобы, ослабив, сначала купить по дешёвке, а потом продать втридорога. Но я не желаю этого. И вам, Михаил, говорю. Вот вы пролетарий. Так объединитесь с такими же, как вы, рабочими и стальным кулаком пролетариата противопоставьте себя бумажной душонке ростовщика.

– У-у, какая знакомая песня, – улыбнулся Михаил и с иронией в голосе процитировал лозунг советской эпохи. – Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить. И вас ещё не уволили из театра?

Но Борис Исаакович не собирался шутить. К разговору он относился очень серьёзно.

– Уволили, если бы на мою обглоданную зарплату нашлись желающие. Но таковых нет, поэтому меня пока терпят. А я их терпение регулярно испытываю. Хочу проверить, как далеко оно распространяется. Ведь и дня не проходит, чтобы современные либеральные демократы не ругали тоталитаризм за ущемление свободы слова. Но сами либералы этой свободы боятся. Потому-то и направляют мыслительную деятельность людей на мечты о наживе, сексуальных утехах и комфорте. Тем же, кто задумывается над иным предназначением человека, кто понимает, что людям навязывают мироустройство, в основе которого лежат корысть, алчность, стяжательство и сластолюбие, тем немедленно в лечебно-демократических целях прописывают лоботомию европейской толерантностью и перчёную клизму содомии.

– Мрачновато вы на жизнь смотрите, Борис Исаакович, – улыбнувшись словесным вывертам портного, примирительно сказал Михаил. – Сомневаюсь я, что всё население Земли одновременно вдруг превратилось в злодеев. Чёртова куча европейцев, американцы... кто там ещё? – запнулся Михаил. – Канадцы, австралийцы, Латинская Америка, Азия. Миллиарды людей ни с того ни с сего свихнулись мозгами? Вас послушать, так получается, что чуть ли не большая часть планеты – сплошь тупые извращенцы, озабоченные идеей, как бы побольше урвать от жизни, да нас под себя подмять.

– А вы думаете, нет? – искренно удивился Борис Исаакович. – Я в Интернете документальный фильм смотрел, как в одной африканской стране, не помню уж название, американцы добывают какой-то материал, который является основным элементом для изготовления каких-то там деталей компьютеров. Так уже тридцать лет американцы сознательно держат эту страну в бедности, поддерживают всяких их племенных вождей, чтобы не прекращалась гражданская война и африканцы думать не могли про объединение и национализацию своих природных ресурсов. Ещё пример. Американский президент возмутился той, дескать, несправедливостью, что США потребляет двадцать процентов мировых запасов нефти, а принадлежит Америке всего два процента. Вот американцы с англичанами и вторгаются на Ближний Восток, всё подгребают под себя, всё хапают. Чужую нефть. Чужую землю. И при этом совершенно искренне считают себя правыми. Творят мировое зло, но при этом убеждены и утверждают, что они – посланцы добра и мира.

– Что ж тут поделаешь, – довольно равнодушно изрёк Михаил. Слова Бориса Исааковича не произвели на него впечатления. Обилие негативной информации, захлестнувшее молдавское информационное пространство, и собственные тяжёлые условия жизни притупили всякую чувствительность к постороннему злу настолько, что его существование воспринималось Михаилом как делом само собой разумеющимся. – Такова человеческая натура. Всегда человек найдёт себе оправдание и даже самый распоследний подонок никогда не признает свою жизнь неправильной или преступной.

– Вот-вот, – неожиданно согласился с Михаилом портной. – А откуда, скажите мне, в человеке эта удивительная способность всё вывернуть так, чтобы в собственных глазах выглядеть положительной личностью? Откуда в нём сидит неискоренимое стремление к самооправданию? Не с тех ли времён оно тянется, когда человека, опороченного великим Грехом, вытолкали взащей из рая? И чтобы вернуться в рай, человек должен был искоренить в себе порок, а он вместо этого научился оправдываться. Вот и европейская мораль предлагает нам не бороться с пороком в себе, а потакать своей порочности, увязать в грехе и ещё утверждать при этом, что так оно и надо, что цивилизованность – это терпимость к греху, своему или чужому. Мол, раз ты не замечаешь бревна в своём глазу, то нечего пенять на щепку в чужом. Но ведь Христос завещал вырвать бревно греха из глаза своего. Значит, бороться с грехом в себе. Современная же европейская мораль, потакая пороку, исполняет роль искушающего сатаны, который, предлагая запретный плод, говорит человеку: «Бери и ешь!» Тем самым она, сквозь дышло толерантности, протягивает в будущее чудовищную нить порока, которая и так с момента Изгнания пронзила все тысячелетия человеческой истории, связывая человека, парализуя его дух и волю.

– Ничего себе «парализуя», – возмутился Михаил. – Борис Исаакович, отбросьте ваши религиозные сказки в сторону! Взгляните на мир трезвым взглядом! Европа с Америкой какое десятилетие уже в раю живут! У них там уровень жизни – высочайший! Ни о чём думать не надо! Не то, что у нас – не жизнь, а болото! Живёшь и дыхание смерти чувствуешь! И пусть они голые в ошейниках ходят или задницы себе в экстазе рвут, но если бы я жил там и у меня достатка была полная чаша, да я бы плевал с высокой колокольни и на извращенцев и на их подпевал!

– Я, когда говорил о пороке, не только извращенцев имел в виду, а всю совокупность омерзительных человеческих качеств, – пояснил Борис Исаакович. – А то, что Запад живёт сытнее нашего, так ведь сытость безнравственности не исключает. Поэтому пусть живут они сытнее, но вот нравственнее ли?

– Нормально живут, – огрызнулся Михаил, который уже порядком подустал от рассуждений портного. – Если бы там было плохо, народ бы в Европу и Америку, как дурной, не ломился. А так все, у кого есть возможность, только туда и уезжают. Живут себе там и не жалуются. Да и чего ныть, когда ни в чём недостатка не испытываешь? Вы там о рае что-то говорили, так вот вам пример, как люди своими руками рай на земле создали. И нам до их благодати слюной ещё не одно поколение истекать.

– Благодать в собачьем ошейнике? – Борис Исаакович задумчиво повертел свою рюмку. – Что ж это за рай такой? – он устало опустил на стул, так что над высокой крышкой закрытого стола виднелась только его седая голова, которую он при каждом слове опускал вниз, от чего у Михаила создавалось впечатление, что старик говорит не с ним, а с самим собой. Усталость портного наводила на радостную мысль о скором прекращении неприятного разговора, и Михаил невольно стал поглядывать на жалкие остатки коньяка в бутылке, чтобы по первому знаку Бориса Исааковича поблагодарить за угощение и откланяться.

– Знаете, – медленно выговаривая слова, продолжил Борис Исаакович, – благодаря профессии я никогда нужду в деньгах не испытывал и даже в небогатые советские годы имел всё необходимое для нормального существования. Может, поэтому мне и в голову никогда не приходило мерить благодать достатком. Всё равно ведь в рай со скарбом не войдёшь. А для человеческой души скарб – пороки. Ими человек душу отягощает. Но, вместо того чтобы сбросить этот омерзительный груз, человек всё лукавит перед Богом, всё хитрит перед Ним. Пытается не освободиться от порока, а выдать его за добродетель. – Борис Исаакович тяжело вздохнул и замотал головой. – Кого обмануть хочет? Ведь в каком бы благовидном облиции порок ни множился в обществе, суть его от перелицовки не меняется. И значит, никому из исповедующих пороки: ни американцам, ни европейцам, ни нам с вами, стремящимся походить на Европу – настоящего рая никогда не достичь. Потому что как ни крути, а рай порока не приемлет. И, значит, вечный удел человечества – изгнание и смерть. Европа же с сатанинской изворотливостью всё вдалбливает нам, что порок, если не нарушает ничьих прав, – не порок. Вводит степень порочности, когда за один порок можно уголовно наказать, а другому, наоборот, следует публично аплодировать. Но ведь у апостола Павла как сказано? «Кто сказал «не убий», Тот же сказал и «не прелюбодействуй»». Я эту фразу всегда понимал как равнозначность любого преступления перед лицом Бога. Что прелюбодеяние – грех ничуть не меньший, чем убийство. Что на свете существуют всего две крайности – Закон и Беззаконие. Среднего не дано. А бесконечному числу сатанинских ужимок: всем этим ошибкам, нарушениям, злоупотреблениям, проступкам, провинностям, имя одно – легион. И место им не в человеческом обществе, а в пропасти, куда низверглось, отягчённое людскими пороками стадо свиней. И если человечество добровольно принимает оскотинивающую его мораль, то и ему место в пропасти. Понимаете?

– Ой, Борис Исаакович, «пропасть», «стадо свиней»... Когда всё это было написано? И сколько можно на пророков ссылаться? Сколько же ещё нужно лет, чтобы разувериться в не оправдавшем себя учении Христа? Человечеству давно пора выдумать себе новую религию. И, может, европейская толерантность – это как раз предтеча великой волны нового учения!

– Предтеча? – задумчиво переспросил Борис Исаакович и отрицательно замотал головой. – Вряд ли. Европейская мораль скорее напоминает потрёпанную шлюху, которая дело своё, конечно, знает, но вскружить голову никому уже не сможет. А то, что она потакает извращенцам, так это потому, что она с извращенцами одного поля ягоды. Что по ней же потом и ударит. Жизнь-то всё ухудшается и ухудшается. Народ звереет. Вот при обилии извращенцев у людей и появится, кого ненавидеть. Сегодняшняя терпимость к геем как рванёт в один день такой ненавистью к ним, выльется в такое кровопролитие, такое безумие, что огненным смерчем сметёт педераствующую Европу в Атлантический океан. И нас заодно с ней. Да что там Европу. Взрыв человеческой ненависти будет сродни атомному взрыву. Ударив по геем, он обратной тягой пройдёт и по остальным людям, тугой петлёй Апокалипсиса захлестнувшись на шее человечества.

– Опять ваши сказки, – насмешливо сказал Михаил. – Борис Исаакович, ну нельзя же всю жизнь прятаться за пещерным мировоззрением двухтысячелетней давности? Сколько раз цивилизации угрожало исчезновение – ничего, выкарабкались. Так и сейчас европейцы что-нибудь придумают. Будьте спокойны, цивилизация просто так не сдаётся.

– Ну да, конечно. Европейцы вообще мастаки на выдумку. И заметьте, всякую свою фантазию, всякое своё новое учение они объявляют несомненно правильным. И как сейчас в странах Запада культивируется толерантность, так раньше с тем же чистосердечием Запад утверждал правильным грабительские крестовые походы в страны Ближнего и Дальнего зарубежья. И сжигание на кострах инквизиции ведьм и еретиков. И умерщвление голодом индусов. И скальпирование индейцев. И рабство негров. Между прочим, и крематории концлагерей тоже цивилизованные европейцы выдумали. И социал-дарвинизм их изобретение. И коммунизм. И евгеника. И расизм. И национал-социализм, который, кстати, если бы советский солдат не сломал фашистской гадине хребет, европейцы исповедовали бы сейчас с не меньшей искренностью, чем свою хваленую толерантность.

– Заумь какая, – с тоской сказал Михаил, но Борис Исаакович в запале разговора не обратил внимания на настроение собеседника.

– История ничему не научила европейцев. Как законным следствием расовой теории, которую паскуда Гитлер беззастенчиво опрокинул на цивилизованные головы европейцев, стали концлагеря и пепел крематориев, так и сейчас, если аморальность однополых отношений объявить этической нормой, нормой станут и педофилия, и калоедение, и ещё легион извращений. Из порочности европейских законов, в клоаке насаживаемой всюду толерантности, зародится и вырастет чудовище страшнее Гитлера. И оно утопит в фекальном месиве новой морали уже не миллионы, но миллиарды людей.

– Страхи-то какие, – снисходительно усмехнулся Михаил. – Опять начались предсказания. Опять концом света пугаете. А по мне так все эти охи да ахи – пустая болтовня. Мне безработица куда страшнее ваших предсказаний. Конец света уже две тысячи лет наступает, никак наступить не может. А безработица вот она – на пороге! О ней думать надо. А за нового Гитлера вы не переживайте, европейцы бдят за этим. Я вон передачу по телевизору смотрел о скинхэдах в Европе. Так у европейской полиции каждый скинхэд на учёте. О каждом из них полиция всё знает и чуть что реагирует незамедлительно.

– Конечно, реагирует, – не стал спорить Борис Исаакович, – но согласитесь, как-то странно. Вон Брэйвик в Норвегии убил семьдесят семь человек, и что же ему сделала полиция? – спросил Борис Исаакович и сам же ответил. – В наказание за бойню посадила душегуба в комфортабельную норвежскую тюрьму. Показывали по телевизору камеру этого подонка. Её и камерой-то не назовёшь. Трёхкомнатные апартаменты с компьютером, Интернетом, тренажёрным залом. Этот нелюдь загубил семьдесят семь жизней, а его, вместо того чтобы как бешеную собаку забить палками, по телевидению показывают, заботятся о его комфорте. Адвокаты ему улыбаются, руку жмут, выказывают всяческое уважение. И даже объявляют безвредным и просят помиловать, дав минимально возможный срок. Погодите, у меня где-то есть газета, – Борис Исаакович наклонился под раскройный стол и немного погодя достал и положил на стол газетное лекало какой-то детали одежды. – Так заретушировать массовое убийство под социальный протест мы с нашей дикарской наивностью не смогли бы. А вот бессовестные европейские адвокаты даже глазом не моргнули. Где же эта фраза? – Борис Исаакович, близоруко щурясь, склонился над лекалом и торопливо водил пальцем по строкам газетной статьи. – А, вот! – обрадованно воскликнул он и предложил. – Вы только послушайте! – склоняясь так, что носом почти касался газетной полосы, Борис Исаакович скороговоркой прочитал: – «Действия Андреаса Брейвика являются порождением радикальной гражданской позиции и должны рассматриваться с точки зрения праворадикальной экстремистской культуры».

Борис Исаакович поднял голову и взглянул на Михаила, ожидая его реакции.

– Ну, как вам? Впечатляет?

Михаил равнодушно пожал плечами.

– Адвокатская брехня. И ничего больше.

– Нет, дорогой вы мой, – Борис Исаакович аккуратно разгладил мятый газетный лист, – не брехня. У них там, в Европе, садомазохисты в ошейниках по улицам разгуливают, педерасты в церквях венчаются, а теперь, оказывается, ещё и, – Борис Исаакович склонился над лекалом и снова прочитал, – «праворадикальная экстремистская культура» существует. Так, может, представителям этой культуры тоже парады устраивать? С традиционным отстрелом семидесяти семи человек? Может, с подачи европейских адвокатов пересмотреть взгляд на Холокост? Может, действительно смотреть на массовые казни с позиции праворадикальной культуры и тогда и Бухенвальд и Освенцим считать не трагедией, а фейерверком из человеческих жертвоприношений?

Раздосадованный затянувшимся спором, Михаил нарочито громко застонал, показывая, что устал от бесполезных словопрений, и, скривив недовольную мину, спросил портного:

– Борис Исаакович, ну к чему вся эта ваша нервотрёпка? Убийцу арестовали? Арестовали. Срок ему впают? Впают. Всё! Преступник найден, дело закрыто. Чем вам не угодили?!

– Тем, что пока какой-нибудь работяга в пекле заводского ада будет от зари до зари за кусок хлеба корячиться, Брейвик в пятизвёздочном тюремном люксе будет здоровье своё поправлять.

– Ага, – с пониманием улыбнулся Михаил. – А вы бы хотели, чтобы его где-нибудь у нас в тюрьме сгноили?

– Нет, молодой человек, – устало вздохнул Борис Исаакович. – Я бы хотел, чтобы его семьдесят семь раз расстреливали и каждый раз насмерть.

– Шутите? – не понял Михаил. – Слушайте, – вдруг осенило его, – а как же всё-таки живут в Европе, если даже пятизвёздочный тюремный люкс у них адом считается? И когда уже мы будем жить так, чтобы вольное райское благоденствие нам казалось рутинной?

– Вероятно, тогда, когда ваша духовность настолько размлеет от комфортного существования, что вы благосклонно воспримете похоть извращенца и совершаемое детоубийцей кровопролитие, – тихо ответил портной. – Или когда, добровольно заключив в каменные границы цивилизованности душевную страсть и совесть, вы подчините порывы души не заложенному в нас Богом понятию справедливости, а общественному порядку и законопослушанию.

– Не понял, Борис Исаакович, так вы что, против закона? – искренне удивился Михаил.

– Закон закону – рознь, – устало ответил портной.

– Это вы серьёзно сейчас? – не поверил сказанному Михаил. – То есть вы хотите, чтобы у нас в стране и дальше властвовали хаос и анархия? Беспредел нуворишей? Чтобы любая тварь, которая обворовала и ограбила народ, и дальше бессовестно плевала на закон? Чтобы меня, рабочего человека, всякая гламурная шушера, всякий торгаш и дальше считали быдлом? Этого вы хотите?

– Не заводитесь – тихо возразил Борис Исаакович. – Я не против закона. Но, видя, как какой-нибудь проныра адвокат вертит законом по своему усмотрению, я прихожу к выводу, что только жёсткий стержень нравственности избавит закон от многозначности и потаскушье всеугождения. Вообще мне бы очень хотелось, чтобы законы нравственности по значимости ничем не уступали уголовным, гражданским и прочим законам и были обязательны к исполнению ничуть не меньше последних. Как природа поставила животных в жёсткие рамки эволюции, так и для человека нужно создать настолько жёсткие рамки нравственности, чтобы он со временем эволюционировал из человека разумного в человека нравственного.

– А ваши рамки – это, случайно, не колючая проволока сибирских лагерей? – с усмешкой спросил Михаил. – Так ведь мы уже проходили это. Из нас уже пытались жёсткостью выковать людей новой формации – человека советского. Но как только СССР рухнул, так формация эта куда-то подевалась. Днём с огнём не сыщешь. Вот и спрашивается, если советские, да что там советские, христианские законы за две тысячи лет не изменили человеческую натуру, то как должны выглядеть ваши рамки, Борис Исаакович, чтобы задуманное вами исполнилось наверняка?

– Не знаю, как точно, я не юрист, – тихо ответил Борис Исаакович, – но образно законы нравственности должны напоминать дверные притолоки в русских избах.

Михаил нахмурился, не понимая, и Борис Исаакович поспешил пояснить:

– Притолоки располагались низко, – Борис Исаакович ладонью провёл горизонтальную черту на уровне своей переносицы, – чтобы всякий, кто входит в дом, хочешь, нет, а кланялся. Так без насилия, но жёстко и неукоснительно заставляли проявлять к хозяевам уважение. Ведь если просто ждать от постороннего почтительности, то можно было и не дожидаться. Люди-то по-разному воспитаны. И в современном мире надо повсеместно внедрять такие вот жёсткие притолоки законов нравственности, чтобы добро всегда торжествовало в жизни. А без жёсткости, без нравственного стержня даже великая идея гуманизма выхолащивается в анемичную толерантность, по слабости своей снисходительную и к извращенцу и к детоубийце.

– Ну, хорошо, рамки, всё такое, – развязно сказал Михаил. – Звучит красиво. Но всё это общие фразы. А конкретнее можете вы мне сказать, что это должны быть за законы и как и где они должны быть прописаны?

– Где, понятно – в Конституции, – устало ответил Борис Исаакович. – А как... Этим уже не мне заниматься, а вам, молодым. Главное, что цель есть – изменить человека настолько, чтобы никому и в голову не приходило искать в законе лазейку для оправдания кровопийцы и морального уроды.

Остаётся только выдумать путь для реализации этой цели. Вот вы, молодые, этим и займитесь. Объединяйтесь и думайте. В вас же энергии, задумок должно кипеть не меряно, – голос старика осёкся. Он поник головой и тихо добавил: – Я свою молодость вспоминаю... Э-эх, сбросить бы полсотни лет, да в бой.

– Ага, – язвительно протянул Михаил. – Себе, значит, оправдание нашли. Годы, мол. А на нас всю ответственность взвалить хотите! – и грубо добавил: – На чужом горбу в рай въехать! А у самих на выдумку кишка тонка?

Борис Исаакович ещё ниже поник головой и, тяжело дыша, попытался оправдаться:

– Старый я. Куда мне выдумывать.

– Старыми бывают только собаки, а вы – пожилой! – резко поправил портного Михаил. – И нечего тут приbedняться! У вас опыт, у вас знания, вот и организуйте толпу! Боритесь за идеалы! У нас не рабочие должны объединяться, а пенсионеры. У них времени полно. Ну и студенты, конечно. У тех дурь через край перехлестывает. А рабочему человеку надо вкалывать, семью содержать!

– Вы пока вкалывать будете, не заметите, как в рабский хомут впряжётесь, – устало взглянув на Михаила, проговорил Борис Исаакович. – Из вас будут последние жилы тянуть, а вы по затюканности своей всё будете надеяться на завтрашний день. Что завтра де будет лучше, чем вчера. А не будет, уж поверьте. – Видимо, возбуждающее действие коньяка прошло, отчего Борис Исаакович сник, увял. Прежнее сонливое состояние овладело им. Он снова говорил с большими промежутками между словами, перед каждой фразой набирая полную грудь воздуха и вскидывая голову, словно разговор давался ему с большим трудом и иначе он не мог произнести ни слова. – Человек работает, чтобы жить, а не живёт, чтобы работать. Вы же не лошадь. Помните о своём богоподобии. Оторвите унылый взгляд от монотонной пахоты. Стремитесь возвыситься над прахом вас породившим. Включайте фантазию. Тормозите душу. Развивайте свой культурный уровень. Как апостол Павел завещал: «Наблюдайте за собой, братья!» Вот и надо поступать по завещанному: следить за собой, отделять низменные страсти от возвышенных, пропалывать душу от плевел порока. Только так человек разумный не падёт до уровня человека совокупляющегося, человека потребляющего – разумного полуживотного. И не надо смотреть на Запад. Плевать им там на человека. Это ведь оттуда к нам пришли прогрессивные знания об извращениях, размноженная в Интернете порнография, насилие в кино и мультипликации. Кровью, похотью и страхом перед завтрашним днём возделывает западная культура человеческую душу, совершенно забыв о том, что культура должна возносить человека над пороком, потому что культура – тот инструмент, огранка которым приближает человека к божественному совершенству. А совершенство и порок, перефразируя великого Пушкина, не совместимы. Поэтому нечего ориентироваться на западную культуру, надо развивать свою собственную. Пусть чахлую, пусть уже замаранную нечистотами европеизации, но ещё живую, ещё плодоносящую. Надо держаться за неё, и она, как верный конь, вынесет из любой передраги, любого лихолетья. У нас же вместо развития культуры превращают театры в торговые точки, Интернет и кино наводняют порнографией, да ещё вслед за холёными европейцами подвывают, что заниматься извращениями – забавная шалость, чуть ли не норма. С этой их европейской нормой до того мы докатимся, что скоро событием культурной жизни признают не высокое мастерство театральной постановки, а скоропостижную смерть какого-нибудь фаллос-актёра гей-порнофильмов. К тому всё идёт. Вон я где-то читал, что в Англии, например, гомосексуализм уже не только не считают пороком, но и хотят отказаться от употребления слов «мать» и «отец», неполиткорректных, видите ли, по отношению к гомосексуальным парам.

– Послушайте, Борис Исаакович, хватит уже! – вскричал, не выдержав, Михаил. – Вы сплетен в Интернете начитаетесь, а потом переживаете почём зря! Достали уже! – Михаил нервно покрутил рюмку. Коньяка в бутылке оставалось совсем немного, поэтому, ввиду скорого расставания, уже не имело смысла стремиться располагать к себе собутыльника, а можно было вести себя естественно, высказывая все, что взбредёт на ум. – Сейчас чего только не напишут, чтобы денег заработать! К чёрту их всех! Не верьте никому! – Михаилу надоел старик с его разглагольствованиями, надоела пустая болтовня. Былое раздражение вернулось к Михаилу с новой силой, породив ядовитое желание наругать портному, выругаться, матерно, с чувством, чтобы встречным огнём мата оградиться от всей той грязи и мрази, над которой приходилось задумываться Михаилу, разговаривая со стариком. – Вот вы тут плачетесь «культура», «культура»... А что делать мне, живущему здесь в Молдове, русскому человеку? Какую мне культуру исповедовать?

– Конечно, нам, русским людям, здесь тяжело... – попытался ответить Борис Исаакович, но Михаил не дал ему закончить.

– Не перебивайте! – повысил голос Михаил. – Дайте слово сказать! Какую мне культуру исповедовать? Русскую? Так я в России никогда не был и толком не знаю, что это такое, русская культура. Нет, ну конечно, в школе мне втемяшили про Толстого, Достоевского... А может, культура это всё-таки не они, а калинки-малинки, берёзки-полуберёзки? Или вся та попса и детективщина, что с утра до вечера долбит-ся в российских телеканалах? Поймите, я и русским себя называю только потому, что никаким языком кроме русского не владею. А кроме языка ничего больше меня с Россией не связывает, и какая там у них сейчас культура, мне это не ведомо, – Борис Исаакович хотел что-то сказать, но Михаил жестом грубо остановил его. – Исповедовать молдавскую культуру? Так мне их фольклорная бум-чики-тра-ла-ла поперёк горла становится! Особенно после того, как братья-молдаване в кишинёвском троллейбусе меня пару раз русской свиньёй назвали! Всё, приехали! – Михаил рубанул рукой воздух. – Никто мы здесь! И не русские, и не молдаване! Для нас даже словцо особое подобрали – «русскоязычные»! Вымирающий подвид человека советского! Побарахтаемся немного и исчезнем! – Михаил не замечал, что уже почти кричал на Бориса Исааковича. А старик под яростным напором Михаила склонял голову всё ниже и ниже, будто слова Михаила разили его с той же силой, что и кулачные удары. И эта незащищённость портного, старческое его бессилие, после всего сказанного Борисом Исааковичем, вызывали в душе Михаила не жалость, а мстительное желание добить умника, чтобы неповадно тому было заставлять людей задумываться над вещами, которые они, люди, в силу своей немощи не могут изменить. – И нечего сопли распускать! Плевать мне на всех! И на педиков и на непедиков! И на русских! И на молдаван! И на англичан ваших тоже плевать! И за них, кстати, я вам так скажу, – Михаил нервно осклабился. – Чем больше разведётся в Англии гомосексуалистов, тем вернее будет утверждение, что все англичане – пидарасы!

Выругавшись в присутствии Бориса Исааковича, Михаил не почувствовал ни стыда, ни раскаяния. А лёгкость, злость и сила с какими он бросил хлёсткое матерное слово лишь привели к пониманию, что он уже пьян и потому ни в какой отдел кадров сегодня не попадёт. Михаил схватил бутылку, смело приложился к горлышку, одним махом добил остатки коньяка, громко сказал: «Аминь!» и, со стуком водрузив бутылку на место, стал прощаться с Борисом Исааковичем. Портной испуганно встrepенулcя, будто разбуженный внезапным окриком, и, суетясь, предложил Михаилу взять конфет для жены и сына. Михаил от угощения не отказался, а заодно, пока рассовывал по карманам завернутые в салфетки сладости, попросил Бориса Исааковича позвонить на проходную и предупредить о его, Михаила, уходе. Борис Исаакович тут же поспешил исполнить просьбу Михаила, позвонил Риве Моисеевне и предупредил, что от него сейчас пойдёт молодой человек, так вот его не обижать, а в награду за бдительность получить от Михаила несколько конфет к чаю. Борис Исаакович закрыл коробку с оставшимися конфетами и вручил её Михаилу. Провожая Михаила до двери и, видимо, боясь снова нарваться на яростную отповедь гостя, Борис Исаакович извиняющимся тоном бубнил:

– Вы меня простите. И не обижайтесь. Болтлив. Сам знаю.

Но когда Михаил перед тем, как выйти, повернулся к портному, чтобы, на мгновение поборов раздражительность, поблагодарить Бориса Исааковича за коньяк и конфеты, старик вдруг вцепился ему в рукав и, просительно глядя в глаза, запричитал:

– Только всё равно умоляю вас, сделайте что-нибудь! Вы или ваш сын – не важно. Но сделайте так, чтобы изменить человека к лучшему! Чтобы люди стыдились хвалиться порочными наклонностями! Чтобы вор и убийца навсегда исчезли с лица земли! Чтобы кощунством считалось заставлять восьмидесятилетнего старика рвать жилы на непосильной работе! Сделайте что-нибудь, умоляю!

Подавив желание снова наругать портному, Михаил грубо освободился от цепкого захвата старика и вместо благодарности за угощение процедил сквозь зубы: «Разберёмся» И уже в дверях, подстёгнутый злорадным бесом, он обернулся и, прощаясь, мстительно произнёс: «Шалом вам, русский человек!»

Стремительно выбежав из здания театра, Михаил быстрым шагом добрался до проходной и, торопясь, вручил Риве Моисеевне причитающиеся ей конфеты. Благосклонно приняв подношение, Рива Моисеевна критически оглядела Михаила с ног до головы и с сильным акцентом спросила:

– Бога выжил из ума? Уже нищих обшивает?

Не ввязываясь в спор, Михаил толкнул изгиб турникета и быстрым шагом покинул территорию театра.

– Ходят тут! – ударило ему в спину. – Мимо меня мышь не погоскочит!

«Да пошла ты! – не оборачиваясь, мысленно огрызнулся Михаил. – То же мне, интеллигенция!»

Михаил ускорил шаг и почти побежал к троллейбусной остановке. Сердце его разгневанным зверем рвалось из теснины груди, кулаки сами собой сжимались. Наваянные разговором с портным мысли о собственной слабости и брезгливое пренебрежение вахтёрши всколыхнули в душе безумное желание крушить всё вокруг, ломать, мстить этому грязному, нищему миру за его, Михаила, несо-

стоятельность, за неспособность бросить всё и податься в райские края, где всегда тепло, радостно и беззаботно. Где никогда не бывает мрачного мартовского неба, непроницаемо-серого, сонного, слепого. Такого же сонного, слепого и серого, как обступившие Михаила безликие высотки многоэтажек. Как серый в рытвинах и ямах асфальт под ногами. Михаилу казалось, что низкое свинцовое небо, нанизанное на шпили многоэтажек, неподвижно застыв над городом, никогда не рассеется и не поредеет. И никогда не прорвется сквозь тоскливую обречённость окружающего мира радостные лучи солнца, которые только и могли растопить безнадежную печаль земли и неба, замерших в вечном отражении друг друга. И весне никогда не прийти в этот унылый край, канувший в топком омуте глухого тягучего безвременья.

«Эх, накатить бы сейчас пару стопарей водки, – раздражённо подумал Михаил. – А то старик со своим коньяком только зря раззадорил».

Коньячный хмель хоть и замутил Михаилу рассудок, но не имел той сногшибательной силы, к которой привык Михаил, выпивая с мужиками на заводе. Алкогольная неудовлетворённость проснувшейся гадкой крысой скребла в груди, острой болью терзая внутренности Михаила. У него возникло нестерпимое желание заскочить в ближайшую дешёвую пивную и залпом вогнать в себя добрую порцию водки, которая бы уняла невыносимый душевный зуд и успокоила метания взволнованных чувств.

Однако денег на водку Михаил не имел. Заботясь о семье, он отказывался от удовольствий во избежание искушений, беря денег ровно столько, чтобы их впритык хватало на дорогу к заводу и обратно. Мучимый неисполнимым желанием выпить, Михаил ещё больше нервничал, злился, однако из чувства самосохранения, чтобы совсем не захлебнуться злобной желчью, отводил поток дурных мыслей от себя в сторону Бориса Исааковича, главного виновника испорченного настроения Михаила.

«Ноет он мне, – недовольно думал Михаил. – Все ему плохи: и педики, и европейцы, и наши работяги. Не нравится ему, видите ли, что каждый только о своей болячке думает. Его как при советской власти приучили за толпу переживать, так он и сейчас хочет, чтобы все в чужие дела нос совали. А вот не лезь, куда не надо! Думай только о себе! Попробуй сам, без толпы в наше колючее время выкрутиться. А то, конечно, привык он при коммунагах балду гонять, сытно жрать да сладко спать. Не то, что сейчас. Сейчас не зажируешь!» И вдруг горький ком подкатил Михаилу к горлу, и он с трагическим отчаянием подумал: «Да, не зажируешь! Не Европа! В Европе, небось, над людьми так не издеваются, чтобы рабочий человек, сколько ни вкалывал, а всё равно в нищете барахтался! И ладно я сейчас ещё выкручиваюсь, а что будет со мной в мои восемьдесят два? Если меня сейчас, когда я полон сил, государство бессовестно грабит, то, как оно будет измываться надо мной в моей старости, когда я не смогу работать?»

Михаил оторвал взгляд от мокрого асфальта и посмотрел в серую муть небосвода. Холодные капли дождя тут же попали ему за шиворот, от неприятного прикосновения холодной воды по телу пробежала нервная дрожь, Михаила передёрнуло. Он поспешно опустил голову и глубже сунул руки в карманы. «А, всё равно», – с внезапным равнодушием подумал он. Безнадежное копошение мыслей, задавленное непроницаемой серостью окружающего мира, измотало Михаила. Его нервозность неожиданно унялась, обессиленно выдохлась, и вместе с ней выдохся и сам Михаил. Он продолжал размышлять, но уже без прежней горячности.

«Вот если прижмут меня так, что станет совсем немого, – думал Михаил, – то плюну на всё, доберусь до Норвегии и перестреляю там пару десятков зажавшихся европейчиков. Пусть меня, как Брэйвика, сажают в пятизвёздочный тюремный люкс. Пусть заботятся о моём комфорте и самочувствии. Хоть на старости лет проживу как человек. И плевать, что тюрьма. У них в тюрьме лучше, чем у нас на свободе».

Мысли о норвежской тюрьме, после минувшего яростного озлобления, показались Михаилу забавными. Зная, что никогда не сможет повторить чудовищного преступления Брэйвика, Михаил, тем не менее, развлекаясь и опуская в фантазиях сам акт насилия, уже представлял, как обедает бананами в норвежской тюремной столовой и тренируется в тюремном спортзале. Или видел себя мило общающимся с тюремным психологом, в душещипательных беседах раскрывая иноземцу бездонную глубину своей удивительной натуры.

Грёзы о комфортном существовании согревали Михаилу душу. Истерзанный переживаниями суетного дня, он понуро плёлся под холодным, морозящим дождём, тихо улыбался своим мыслям и, чтобы снова не соскользнуть в мутную топь плохого настроения, изо всех сил старался не замечать, как за спиной промозглый мартовский ветер надрывным голосом портного молитвенно завывал: «Сделайте что-нибудь. Сделайте что-нибудь».

Александр МИЛЯХ

Родился в г. Красноярске 25 декабря 1942 года. В Кишиневе окончил среднюю школу и политехнический институт, затем заочно Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг: «Три весны» (1984), «Даль чудотворная» (1991), «Птица огневая» (1995), «Из века XX родом» (2000), «Тепло России» (2002) и др. Член Союза писателей СССР, член Союза писателей России. Мастер литературы Республики Молдова. Лауреат Юбилейной Есенинской литературной премии (1995) и Пушкинской литературной премии (1999) в Молдове. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» (2002 г., Москва). Член-корреспондент Международной академии поэзии (г. Москва).

Ясная Поляна

Спасибо, Ясная Поляна,
Ты прояснила душу мне,
В любой дорожной стороне
Твой слышу голос постоянный.
Меня влечет исконной силой,
Зовет молчания гранит,
Где сокровенную могилу
Русь заповедная хранит.
Ко мне приходит осторожно,
Но с каждым годом все смелей,
О, как он бережно тревожен,
Твой голос – нивы и полей.
Чем от природы современной
Чувств обездоленных мотив,
Тем все ясней огни селений
Бессмертных прадедов моих...

Как воскресают – речь и человек...

Стихи – стихают, если сердце внемлет
Другому сердцу, чтоб его понять,
Так небеса оберегают землю,
Где обрели тебя отец и мать.
Где вырос ты. Не искривлённый ложью,
С той правдой – обречённой, но прямой:
Судьбою русской жить неосторожно,
Что навсегда – с тобою и со мной!
Во времена унынья и позора –
Пришли мы – из трагических времён,
Мы сыновья –
Победного Простора,
Смертельно ранен, но бессмертен
Он...
И ты – не вдруг и я – не вдруг
Поверил
В него и в Русь. Вобрав в свои сердца
Простор Любви.
В тебе он, друг Валерий,
Во мне живёт. Петь будет до конца
Пути земного. Нашего. Не песни –
Степей и гор, лесов родных и рек,
Мы в них уйдём?
Но с ними мы воскреснем,
Как воскресают
Речь и
Человек!

Аклатич

«Не ищи в шампанском смысла».
Юрий Зафесов «Белый ворон»

Искал я – истину – в вине,
Сугубо девственной?! И женской!
Но обнаружил лишь на дне
Стакана с жидкостью –
Вселенской.
Оставив мудрость высших сил
На произвол святого дела,
Ту жидкость жидкую я пил,
Разочаровывался... Смело!
И понял я: вина в вине,
Но истина – в пшеничной водке:
Явилась родина во сне,
Тот сон был кротким. И коротким!
Познав тревоги коромысел,
В любви их беспощадной к вёдрам,
Открыл их сокровенность – в смысле
Воды ключей, зимою твёрдой!
Напиток леса и небес
Из детства мне вернул прозреньё,
Что в птичьем пенье – нет чудес!
Но как чудесно – птичье пенье!
Свет постигая – не постичь,
Тем, что теней его не жалко,
Так перевёртыш – «Аклатич» –
Лишь сердца чуткого «Считалка»!
Небесен, но отмерен счёт
Ударов истинного сердца,
Любовь признания – не ждёт
Любых веков – единовеца!
Душе тревожно и стране:
Искавших путь в судьбе Вселенской,
Прознавших: Истина в вине!
Как в доле: девственной, но женской!
Вина России – вне вины!
И доля русская не стонет.
Как я – поэт – со стороны,
С душой своей...
Не посторонней!

Курортный диалог

Это не комедия, не драма.
 А роман. Курортный диалог,
 Говорила трепетная дама,
 Лепет алых губ запомнить – смог.
 Говорила мне: «Прекрасный вечер!
 Ах, какая полная луна...»
 На худые искренние плечи
 Падала волос её – волна
 Золотая,
 с переливом броским...

Три недели, помню до сих пор,
 Был взволнован правильной причёской
 Черноморский

праведный курорт.
 Я и сам, мужик, ещё не старый,
 Слышал, как у моря, все подряд
 Молодые и седые пары
 Про пожары сердца говорят!
 Я решил сказать про час не ранний,
 Что за море солнце упадёт:
 «Между нами возрастные грани?
 Их сотрёт решительный восход!»
 «В споре лет любви не повторится,
 Честною разлукою грозят,
 Милая, тебе давно за тридцать.
 Мне недавно – лишь за шестьдесят!»
 Но в разгаре ропота, не спора,
 Со скамейки, рост которой мал,
 Я руками жёсткими боксёра
 Тело её доброе
 Поднял!
 Или поднял...
 И глаза читая,
 Вниз к Бугазу, к пирсу, тихо нёс.
 С переливом броским,
 Золотая,
 Падала волна её волос,
 Мне на руки. Под луной сверкала,
 Отливалась серебром луны,
 От печальных чаек отвлекала,
 От солёной ветреной волны.
 Плыли звёзды. И кричали птицы.
 Рыбы исполняли плеск и пляс,
 Что над Чёрным морем говорится,
 Слушают и море, и Бугаз.
 Промолчит ночей шальная стая,
 Всё во мне. И счастьем, и бедой!
 И Звезда Полярная, седая,
 И нахальный месяц молодой!
 Он вонзил серебряное жало,
 В сердце, как болезненный вопрос:
 А волна была? Была!
 Но убежала,
 Непокорных золотых волос.

Бабка Степанида

За деревьями не видно
 Приднестровское село,
 Здравствуй, бабка Степанида,
 Ты жива. Мне повезло.
 Жизнь – суровое мгновенье,
 Как удачу не лови,
 Подари траву-забвенье
 От беспамятной любви.
 Травы бабка знает правдой,
 Каждый корень, лист в лицо,
 Приютила в год кровавый
 Трёх израненных бойцов.
 Двух в дорогу проводила,
 В путь победный. В путь потерь.
 Отпоила, отмолила –
 Третий – памятник теперь.
 У Днестра крут берег правый,
 Не вернулся сын домой,
 Оросила бабка травы
 Горемычную слезой.
 Бабка помнит боль и стоны
 Сел молдавских и дорог,
 Пусть висит ее икона,
 Под иконой – в сердце Бог!
 Меркнут перед ней – обиды,
 Миром полон человек...
 Здравствуй, бабка Степанида,
 Проводи двадцатый век.

Сталинградский колос

Зерно упало в борозду.
 И проросло. И взвился стебель,
 Мечтая в огненном году
 О мирном и высоком хлебе.
 О хлебе радости. Тогда
 Пшеница в горе перезрела.
 Горели небо и вода.
 Земля
 От
 Стали тяжелела.
 Смертельно раненный, боец
 Родной земли услышал голос,
 Среди огня восстал, воскрес
 И уберег заветный колос.

И колос, веру с ним храня
 В Победу, разделил по праву
 Частицу вечного огня!
 Честь боевой солдатской славы.
 И в год Победный, к ней,
 Родной,
 К земле, страдающей безмерно,
 Пришел солдат.
 Шел бороздой.
 И сеял,
 сеял
 Зерна веры...

Нелли ЗИНОВЬЕВА

Родилась 25 апреля 1991 года в Бельцах. Окончила теоретический лицей им. Н.В.Гоголя. Писать начала еще в ранние школьные годы. Участница Республиканского слета лицеев имени Н.В.Гоголя в городе Кишиневе. Научно-практическая работа, в проектировании которой она принимала активное участие, заняла первое место во время презентации проектов НОУ в области русского языка и литературы 2009 года.

Учится в Современном гуманитарном институте (СГИ) и в Современной гуманитарной академии (СГА).

Пишет мне детство

Ты слышала, что детская отвага
Безжалостно с годами покидает,
Что серая тетрадная бумага
Одна все слезы горькие впитает?

Мне некогда хотелось бы всмотреться
В те детские слезливые глаза,
В ту девушку, с периферийным сердцем,
Которая бежала от меня...

Ты слышала, что станут дни короче
И станет появляться седина?

Ты слышала, что смысл заколочен
В привычных и любимых именах?

Ты мысли мне немые посвящала,
Хоть рядом ты была лишь иногда.
Всю жизнь ты быть со мной не обещала-
Теперь меня не встретишь никогда...

Человек двадцатого века

Не здесь меня природа родила,
Мам,
Не в этом месте, не для тех ушей.
Видать, мне место не хватило там,
Видать, скучнее я,
Видать, слабей.

Ту вседозволенность я не хочу глотать,
Что давит общество и лечит гения.
Ну что же я
Могу сегодня дать,
Смотря вокруг лишь с сожалением?

Вы не читайте стих, его вы слушайте
Душою знающей, что значит нега.
Я лишь хочу сказать,
Что я не худшее –
Я человек другого века.

Прошлое колкое

Не тревожь меня прошлое колкое,
Душу снежную
Не растапливай.
Как руками рвут хлеб малой кромкою,
Ты не рви ее
И не скомкивай.

Ты не пой над ней песни весенние,
Не заманивай,
Как ребеночка,
Как цветы, что забыли цветение,
Не обвязывай
Ты веревочкой.

Не веди ее к озеру мертвому,
В отражение
Ведь посмотрится,
От тебя мое прошлое твердое,
Она спрыгнет там
И утопится.

Ты не бей ее камнем сомнения,
Не показывай
Ревность бойкую.
Забери ты с собой все мгновения
И оставь меня,
Мое колкое...

Когда рядом Бог

Когда мы рядом,
Враги обходят нас,
Как в угнетающем трауре.
И я не чувствую
Влиянье острых глаз
На своей прорезанной ауре.

Не стремятся вслед
Речи злобные,
Не врезаются в спины могучие.
Я не вижу Вас,
Но я чувствую
Вашу силу всегда вездесущую.

Собственник

Он ладони несильные, тонкие
Протирает салфеткой промоченной
И шатая бокалы не звонкие,
Смотрит вдаль подбородком заточенным.

Курит нервно, смотря фотографии
И ревнуя, рвет пачку Давыдова,
Ведь в ее непростой биографии
Он лишь жалкая тень позабытого.

На скрипучую дверь смотрит изредка,
И когда она вдруг здесь появится,
Станет черствым, невидящим призраком,
Но в любви ей, увы, не признается.

Без нее он не стынет, он фурия,
И всегда рядом с ним есть красавицы.
Он лелеет свое самолюбие –
Эта льстивая жизнь ему нравится.

Евреи

Прямо скажу, не кривя, не робея:
«Вспомни сейчас самых нужных людей,
Если среди них не нашел ты Еврея –
Значит, лишен ты правдивых друзей».

Мне что ль не знать, как в душу засели
Краткие речи длиною в года?
Помнится мне, где и когда
Были со мною Евреи.

Усталость

Усталость чувствуется в шее,
Скорей, в прокуренной трахее,
И все резвей, наглей, сильнее
Залазит в мысли ахинея.

Сейчас пойду – согрею душу,
Приняв горячий долгий душ.
А завтра снова встречу стужу,
Привыкнув к пагубности стуж.

Ты не знаешь меня

Ты не знаешь моей груди –
Как афганский, крепка,
Косяк.
Ты не сможешь ее добить –
Даже чувственный взяв
Затяг.

Ты не знаешь моей души,
Ее тайны –
Психоневроз.
Не пытайся туда войти,
Там иссушит стальной
Мороз.

Ты не знаешь моей любви,
Ее сила – речной
Поток.
Только губы не обожги
Об ее парной
Кипяток.

Атеист

Сквозь воздух с запахом бензина
Шагает гордо атеист.
Под ним трещит пустая льдина,
Над ним – деревьев слышен свист.

Пальто обтерто до колена
И куплен шарф тогда, клянусь,
Когда большая перемена
К развалу привела Союз.

Шагает дерзко и легко,
Во взгляде скрыв все святотатство.
На Бога зол он от того,
Что не дал тот ему богатство.

И проходя у церкви чистой,
Зашел б, народ лишь не поймет,
Ведь он назвался атеистом,
Так атеистом и помрет.

Стихи

Я завишу от них, да я точно
завишу.
Напоминает о них мне
прошлое лето,
Напоминают дома, переулки и
крыши,
Они прошлым стреляют из
арбалета.

Я скучаю по ним, по их ярким
изъянам,
По их рваной структуре и
дивным концам,
Я пьянею от них, и мне
нравится пьяной
Гулять по навеянным
жизнью строкам.

Иногда не уснуть мне, и я
понимаю,
Что они заслонили собою
кровать,
И тогда я в себе их тихонько
читаю,
Позабыв о той мысли, что
хочется спать.

Я завишу от них, как от ласки
любимых,
Как от ночи чернявой, как от
теплой любви,
Их есть столько пустых, но
необходимых,
Как необходимы дождливые
дни.

Александр КУРОЧКИН

Родился в 1974 году в Кишинёве, где проживает и по сегодняшний день. Образование высшее. Окончил Кишинёвский политехнический институт и Государственный Славянский университет. Пишет давно. Но серьёзно заниматься поэзией начал несколько лет назад. В 2011 году был опубликован в коллективном сборнике поэтов России и СНГ «Серебряных слов волшебный родник».

* * *

Тёмным вечером в дождь, в непогоду,
Может, в сонном или в пьяном бреду,
О тебе лишь одной я мечтаю,
И к тебе лишь одной я приду.

В старом парке, под тёмною елью,
Что раскинула хвою ковром,
Там, где рядом стоят карусели,
Там, где в детстве играли вдвоём.

Постоим, помолчим мы немного,
Лишь дыханье, войдя в унисон,
Выдаст сердца любовь и тревогу,
Выдаст радость, что снова вдвоём.

Вот и юность ушла незаметно,
Золотые промчались года,
Да и ты растворилась вдруг где-то,
Я и сам не заметил когда.

Всё ушло, лишь печали остались,
Не вернуть тех безудержных дней,
Поредел старый парк, где встречались,
И не смазана та карусель.

Вот и ель раскидала вновь хвою,
Да ковёр уж сегодня не тот,
Что ушло, отпускаю с любовью,
Что ушло, то уже не придёт.

* * *

Светится в ночи, словно светлячок,
Синим огоньком газовый рожок,
В полной темноте ночи напролёт
Только на плите пляшет огонёк.

Тело не болит, сердце не зовёт,
И душа уже никого не ждёт,
В полной тишине просто посижу,
Выпью крепкий чай – водку не хочу.

Я опять один, мысли гонят сон,
Я своей судьбе низкий бью поклон,
Сам себе скажу: Подведём итог –
Подошёл к черте, преступил порог.

За порогом дверь, а за ней туман,
Позади мираж да сплошной обман,
Я такой, как есть, я таким вот стал,
Только никогда я судьбу не клял.

* * *

Фея базарная, фея с базара,
Что же ты ищешь и что тебе надо?
Что же неймётся вечерней порою?
Снова и снова ты споришь с судьбою.

Снова и снова кромсаешь удачу,
Барная стойка, и ты к ней в придачу,
Барная стойка, тупик, безнадёга,
И сразу лишь в койку прямая дорога.

Барная стойка, а ты королева,
Пиво и водка направо, налево,
Щупаешь каждого преданным взглядом –
Кто же откликнется пьяным угаром?

С кем скоротать бесполезное время,
Кто поутру возвращается в семьи,
Кто хоть немного развеет печали,
Кто хоть немного полюбит вначале?

Грешен, я тоже стоял возле стойки,
Мерил дорогу от бара до койки,
Мерил дорогу с углами в придачу,
А поутру делал вид, что не плачу.

В пьяном дурмане, как будто в заклатье,
Я всё пытался найти своё счастье,
Но утренним ветром прогнало похмелье,
Осталось на память лишь стихотворенье.

* * *

Танцуют вагоны, вода хороводы,
Колёса им песню стучат,
Мелькают вокзалы, мелькают перроны,
И время несётся назад.

Накатаны рельсы, проложены тропы,
И поезд несёт меня вдаль,
Туда, куда манят огнём горизонты,
Туда, где рассеют печаль.

И лёжа на полке в плацкартном вагоне
И глядя с надеждой в окно,
Я вижу не степи, я вижу не горы,
Я вижу себя одного.

Вагоны танцуют, и ложка в стакане
Колёсам стучит в унисон,
Лежу в полудрёме и брежу мечтами,
Мечты навевают мне сон.

Пронесётся мимо прожитые годы,
Как будто мне крутят кино,
Я вижу печали, я вижу невзгоды,
Всё то, что забылось давно.

И с каждым мгновеньем, и с каждым моментом,
Я чувствую, что победил,
Бывало и трудно, бывали сомненья,
Бывало, что не было сил.

Танцуют вагоны, вода хороводы,
Колёса им песню стучат,
Мелькают вокзалы, мелькают перроны,
И поезд несёт меня вдаль.

* * *

Пусть во мгле лишь звёзды светят
И не гаснут на ветру,
Пусть мой путь совсем не виден,
Я на ощупь добреду.

И не хожена дорога,
Есть преграды на пути,
Боже, дай мне сил немного
До конца пути пройти.

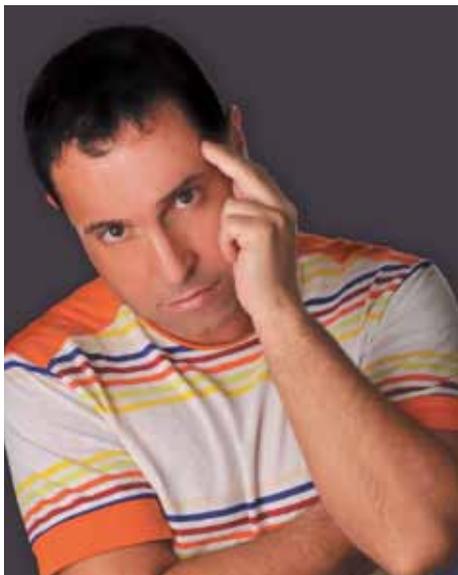
Если вдруг погаснут звёзды,
Не беда, зажгу костёр,
Ветер в небо пламя бросит,
Словно огненный шатёр.

Как костёр небес коснётся,
И огонь рассеет мрак,
Искры ворохом взметнутся
И растают в небесах.

Пусть конец пути не близок
И на ощупь каждый шаг,
Я продолжу, где б я ни был –
На земле, на небесах.

Эд ПОБУЖАНСКИЙ

Родился в г. Черновцы (Украина). Детство и юность провёл в Молдавии. Служил в армии. Дебютировал книгой стихов «Светосплетенья» (1992 год, Кишинёв), получившей высокую оценку критики. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им А.М. Горького (поэтический семинар Юрия Кузнецова). В настоящее время руководит московским издательством «ОБРАЗ», которое специализируется на издании книг стихов и короткой прозы молодых авторов. В 2012 году вышла третья по счёту книга «Ересь». Судья конкурса «Открытый чемпионат России по литературе» в номинации «Поэзия».

Пришествие

Я всё забыл благоразумно:
как пил горячую струю,
из женской крови образуя
скупую злую плоть свою.

И как от боли обезумев,
я на краю рожденья был,
и жёсткий свет из амбразуры
по мне ожесточённо бил.

А я неопытно и слепо
пополз на свет и пал без сил.
И умер. И воскрес. И слева
услышал голос: мальчик. Сын.

Город

Город, обутый в стоптанные троллейбусы,
медленно двигался на юго-запад,
слизывал бережно, как эскимо,
афишные тумбы в шоколаде имён,
звякал медью
в ушанки вокзальных нищих,
лузгал спринт-лотерею и думал,
что он вполне столица.
А к ночи стихал и только
жёлтых светофоров
оторванные пуговицы
выкатывались
на перехлёсты улиц...

Храм порока

И я был среди тех, кто строил храм порока,
когда ещё с порога, как важную улику,
разменивал лицо. И око шло за око.
Фигура грубых губ – за глупую улыбку.

И я искал судьбу по правдам и по толкам
и заседал быльём руины дружб громоздких.
А храм стоял в лесах. И кто-то на подмостках
замазывал известкой следы кровоподтёков.

И я ломал себя, и под углом поклона
негнувшийся аршин царапал носоглотку.
А храм уже стоит. И пьяный служка сонно,
заслышав лай бесят, снимает с врат колодку.

В гостях

Желанный гость – я снова занят
тем, что с навязчивой лентой
смотрю, как медленно сползает
на край стола твоё лицо.

Тебе ж ни трепетно, ни стыдно
лицо ладонью поправлять,
взывать ко мне в любви несытной
и нетерпенье проявлять...
Оптимистическое
Не все жлобы и хамы!
Пускай и не лафа,
но изредка стихами
срастаются слова.

А если так – то верно,
что мы покуда есть,
и есть, кому консервы
духовной пищи есть.

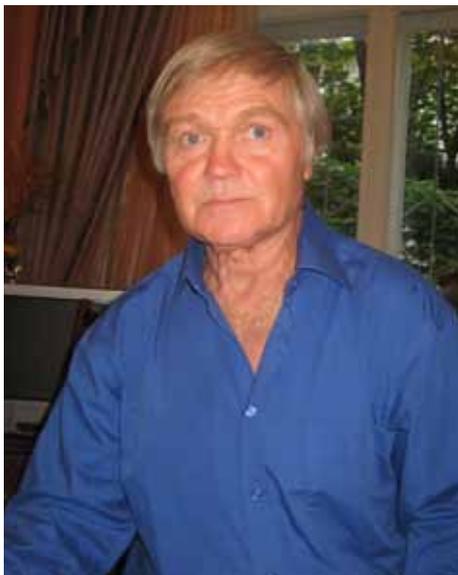
Авель

От скудности от бесславия,
от яростных ласк рабынь
я стал тебе братом – Авелем.
Ты помнишь, как дальше быть?

А те, кто глазами и бёдрами
меня ненароком разят,
не судят, какой за обёртками
несу несусветный изьян,

который однажды во внешности
пробьёт неприличную брешь
и хлынет неслыханной нежностью,
и вот тогда уж – режь!

Борис КУДЕЛИН

Родился 11 августа 1940 года в городе Омске. Самые трудные – голодные и холодные – годы войны с мамой, братьями и сестрами прожили в Омске. Отец погиб под Москвой в 1942 году. Старшая сестра вышла замуж. Ее мужа как специалиста, члена партии сразу после войны направили на работу в Молдавию, в Кишинев. Осенью 48-го года переехала в Кишинев вся семья. В настоящее время проживает во Франции.

Березы России

Березы России,
Как вдовы красивые –
Слегка отступили
И белым кольцом
Могилы – могилы солдат –
окурили,
Домой не пришедших отцов...

Я жизнью своею обязан солдатам,
Ушедшим навеки в пекло войны...
Ни в чем не считая себя виноватым,
Я все ж не свободен от чувства вины...

О Сергее Есенине

О Сергее Есенине – что мне сказать?..
Потрясён я поэзией громкой...
Так весной разбуженный сад,
После ливня и первого грома,
Начинает цветами дышать.

Нет, он лиры своей не терял!
Никогда он отступником не был.
«Васильковое» слово – он ими писал,
Словно радугой летнее небо...

Прощание со снегом

Со мной прощаются снега –
Какая мощная стихия!
Их не увижу больше никогда,
Они легли в мои стихи.

Легли с рассветом и цветами,
С небесной нежной полосой.
С любовью, радостью, слезами –
С такой непостежимой красотой!..

В лунную ночь в Париже

И всё же Луна выше!
Выше всех крыш Парижа!
И самолёты летят ниже...
И смеётся Луна над Парижем,
А мне кажется – плачет она...

Кишинев

Здесь утраченных надежд –
Сколько хочешь!
А известный колокольчик
Все хохочет.

И на травах, на листве,
Как алмазы – росы,
В парке памятных времен
Великороссов.

И народу не в печаль
Льются звуки «Дойны»,
Им прошедшего не жаль,
Настоящим – недоволены...

Но отовсюду – верь, не верь,
Как капли в марте –
Веет счастьем без потерь
В Кишинев крылатый!..

Старая акация

Когда увижу старую акацию,
Не премину – поглажу по коре.
Когда-то старая акация
Стояла в нашем маленьком дворе.

И как цветы ее волшебно пахли!
И как в ночи их белый цвет сиял!..
Друзья тех лет –
Все без вести пропали,
И я для них, наверное, пропопал...

* * *

И снится: я снова бродяга,
Покинул Родные края,
Без простыней и одеяла
Лежу под деревьями –

Без простыней и одеяла
Под небом холодным без звёзд...
И так одиноко и жутко мне стало,
То я, как бывало, проснулся от слез...

Париж

Дождь накрапывает над «Нотр Дам».
Сена течёт полноводная.
Стала привычна моим глазам
Эта толпа разнородная.

Эти мосты и кварталы,
Древняя Консьержри.
Кажется, живу здесь так мало,
Но уж знаком весь Париж.

Да, здесь Свобода и равенство
Слились в изящный союз.
Может, похоже на братство,
Но утверждать – не берусь...

Посвящение

*Жителям Кишинева
прошлого века*

Я люблю мой Кишинев! –
И тепло его и холод.
Цвет разбуженных садов,
Солнце, что над ним восходит.

Я люблю мой Кишинев! –
Тень и свет его кварталов.
Здесь и первая любовь,
Неизбежность расставаний.

Я люблю наш Кишинев! –
Пусть от века к веку
В нем живёт и здравствует
любовь,
Словно милость неба
к человеку...

* * *

Мой голос не колокол
И не благая весть,
Разносимая легко и радостно.
Душа поэзии – любовь,
А любовь – это свет на пути...
И когда ты захочешь
Вспомнить обо мне –
Посмотри на звёзды, на луну,
На неспящие всю ночь цветы.
И это будет так,
Как будто мы стоим рядом,
Совсем близко...
До встречи, до встречи...

* * *

Туда, где едят саранчу,
Где в море акулы и рифы –
Я ехать уже не хочу
После Парижа и Рима.

Вернуться б в родной Кишинёв,
А нет – так на Волгу
с крутою волною,
Там всё сохранилось –
надежда, любовь,
И вновь повторится с лихвою!..

Воспоминания о зиме в Кишиневе

Там снег лежит на тротуарах
Морозно утром, чисто и светло.
И брежу Кишиневом я не даром.
Меня от этих мест далеко унесло...

А здесь, на Западе – совсем другое дело-
Нет снега и нет почти зимы.
Как будто нет какой-то части тела,
И дни летят, как взятые в займы...

* * *

Нет, я не мучался стихами!
Ночей бессонных им не посвящал.
Они рождались как-то сами,
Когда страдал я или ликовал.

И вы – читатели, друзья, поэты,
В моих стихах сотрите боль.
Пусть в них живут весна и лето,
И пусть останется Любовь...

* * *

Две книги стихов,
Как два чемодана.
И поезд, и мост
Над сибирской рекой...

Две книги стихов –
Как судьба мальчугана –
Воплощение в жизнь
Романтических снов...

Две книги стихов –
В них любовь и разлука,
И дорога по снегу,
И солнце в окне..

Две книги стихов,
Посвящённые другу
Словно «синий платочек»
В той далёкой войне

В любимом городе Жюль Верна

Тут, где ходил Жюль Верн,
Я одиноко скитаюсь.
Тот, кто мне с детства в жизнь веру дал,
Тот, перед кем до сих пор преклоняюсь...

Здесь так красиво, в Амьене!
Самый огромный в Европе собор.
Больше того, что в Париже, на Сене, –
Даже не стоит вести разговор.

Всюду вода и мосты, как в Венеции;
Много цветов, хотя часто дожди.
Немудрено и под солнцем погреться
В этом краю, что зовут – Пикардии...

Евгений ШТОРН

Переводчик. Занимается переводом испаноязычной драматургии. В его переводах впервые на русском языке публикуются пьесы мадридского авангардного Неотъложного театра в журнале «Современная драматургия», петербургский журнал «Нева» издал пьесу «Любовные письма к Сталину» самого звездного из современных испанских драматургов Хуана Майорги, а также пьесу «Хранитель Эрмитажа» перуанца Эрбера Мороте. Кроме того, московский «Вестник Европы» издал перевод пьесы классика испанского театра Альфонсо Састре «Последние дни Иммануила Канта». Работа над переводом пьесы Антонио Аламо «Нездоровые» закончена зимой 2011 года. В основу текста легли аллюзии на нашу недавнюю историю, некоторые жертвы которой еще живы. Пожелаем же им долгих лет и здоровья. Памяти погибших во Второй мировой войне.

Смех сквозь страх

Не так давно я получил письмо от одного всемирно известного испанского драматурга, чье имя я не называю сознательно, в котором он предупреждал меня, что тот, кто занимается литературой, принимая во внимание исключительно свои вкусы и политические убеждения, никогда не сможет сделать его, свое творчество, достоянием общественности. Критерий этого уважаемого человека показался мне настолько недостойным, что я удостоил его целого вечера беспокойных и тревожных переживаний, пока наконец не смог убедить себя в том, что старик ничего плохого не хотел сказать, а, скорее, стремился уберечь меня от будущих ошибок, по-отцовски беспокоясь за молодого начинающего литератора, все еще наивно верящего в силу слова. Но, должно быть, в этом и есть прелесть жизни, что мы, молодые и наивные, не позволяем себе относиться к литературе как к средству реализации своих корыстных планов. Мы с легкостью отказываемся от гонораров и беремся за такие темы, которые вызывают резонанс в нас, а не в «Литературке». А самое главное достоинство молодости состоит в том, что она все, что не понимает, объясняет заболеванием, гипертонией или атеросклерозом.

Таков и Антонио Аламо, молодой, красивый, успешный испанский литератор, чей юношеский задор позволил ему написать пьесу о трех чудовищах-людях, дорвавшихся до власти в середине прошлого века и развязавших мировую войну в угоду своим нездоровым амбициям.

Первый вопрос, который я задал себе, познакомившись с пьесой «Нездоровые», был, а не фривольность ли это, так легко и беззастенчиво ставить диагноз Дьяволу или, вернее, Дьяволам? Не слишком ли все еще глубока рана, оставленная на теле нашей цивилизации Второй мировой войной? Не кощунственно ли писать комедию, где действующими лицами становятся Гитлер, Черчилль и Сталин? Автоматная очередь риторических вопросов способна изрешетить не только того, на кого направлен ствол, но и того, кто держит ствол в руках, уперев приклад в сутулое плечо. В самом деле, если уж ты делаешь своими героями негодяя, пославшего свой народ убивать людей за то, что их череп был иного строения, а цвет кожи имел иные оттенки, другого негодяя, сумевшего усидеть на двух стульях и не свалиться в пропасть и потому оставшегося в истории человеческой образчиком дипломатического таланта, и третьего, «родного» негодяя, чье наследство мы до сих пор расхлебываем и еще долго, судя по всему, будем расхлебывать.

Позже я понял, что, наверное, это самая правильная позиция в отношении к тиранам. Их надо высмеивать, заставляя бояться своей собственной тени, мочиться в штаны, трястись от зависти и злости. Мертвое тело всемогущего тирана должно быть представлено на обозрение общественности, ибо нет другого пути убедить напуганного человека, что изверг мертв и ничем уже не угрожает. Александр Македонский просил пронести его гроб по улицам города и чтобы его руки были расставлены в разные стороны, раскрытыми ладонями вверх. Этим он хотел оставить в назидание потомкам идею о том, что, даже завоевав полмира, он уходит ни с чем. Пьеса Аламо как раз об этом, о том, кем бы ты ни был и как далеко ни завела бы тебя судьба, мemento мори. Герои его пьесы больны, больны неизлечимо, страшно. Их болезнь называется властью. Власть – это смертельная болезнь, в случае некоторых политических систем передающаяся по наследству, в других обществах завоевываемая на нечестных выборах, в других системах захватываемая огнем и мечом. За эту болезнь люди идут на смерть, и переболеть ею стремятся многие неокрепшие души.

Антонио Аламо продолжил традицию великого Чарли Чаплина. Единственный способ победить Гитлера или Сталина – это посмеяться над ними. Зло, саркастично, не сдерживая горьких слез

смеяться, срывая голос – смеяться, перемежая смех проклятьями в адрес этих нелюдей – смеяться. СМЕЯТЬСЯ – всем смертям назло.

Молодость, молодость, скажет убитый сединами классик, что знает она о жизни, старик, дай дорогу, задорно крикнет молодец, притормаживая лихого скакуна, чтобы поприветствовать мудреца. В пьесе Аламо встречаются поколения разлученные политическим застоём. Молодые люди и их погибшие деды, смеющиеся в лицо Извергам и Тиранам.

Войны развязывают нездоровые, чтобы погубить молодых и здоровых, молодые и здоровые могут погибнуть, но важно, что на смену им придут другие такие же улыбающиеся, добрые и жадные до жизни, которые не станут дрожать перед тенью мертвых тиранов.

Перевод Евгения Шторна

Антонио АЛАМО

Нездоровые

Альфонсо Сурро и Пепе Гамбоа

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Три колосса оставили нам в наследство нынешнюю Европу. Первого из них звали Адольф Гитлер. Он верил в то, что его народ является избранным, он мечтал стереть евреев с лица земли. Второго звали Иосиф Виссарионович Сталин. Он мечтал, что свет факела, зажженного Советским Союзом, будет освещать путь всему человечеству. Третьим был Уинстон Черчилль. Его мечты были несколько скромнее. Он хотел, чтобы в ближайшие пятьдесят лет в Европе не было войны. Его мечты, как можно заметить, значительно отличались от того, о чем мечтали двое других, и тем не менее им тоже не суждено было сбыться. И всё же можно обнаружить и нечто общее между этими тремя колоссами: все они были гипертониками и атеросклеротиками. Наш век тоже подвержен гипертонии и атеросклерозу. Эту пьесу можно смело расценивать как своего рода диагноз.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Адольф Гитлер

Ева Браун

(любовница Гитлера)

Врач

Иосиф Виссарионович Сталин

Павлов

(переводчик Сталина)

Уинстон Черчилль

Бирс

(переводчик Черчилля)

Министры Сталина

Булганин

Хрущев

Маленков

Берия

Акт первый

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРУПА НАЧИНАЮТСЯ

(30 апреля 1945 г.)

Сцена единственная

На сцене мужчина пятидесяти шести лет, он близорук, зависим от сахара, кофеина и первитина; он ничем не занят, от него веет скукой; канцерофоб и жуткий чистюля; гипертоник – у него частые мигрени и кратковременные потери памяти, сильный тремор, особенно в левой части тела; ограничение мускульной подвижности, вызванное черепно-мозговой травмой, придает его осанке некую странность; сильная сутулость при ходьбе спровоцирована кифозом; барабанные перепонки перфорированы, равновесие неустойчивое; ему отказывает правая рука; цвет лица пепельно-серый, под глазами огромные мешки; сразу обращают на себя внимание бледность и дряблость кожи; развитая фотофобия; в стекловидном теле правого глаза можно заметить лопнувшие сосуды и, хотя сетчатка не повреждена, он видит все, как сквозь газовый тюль; сердце: отчетливо слышимая одышка указывает на деформацию аорты и прединфарктное расширение левого желудочка; тремор заметно

усиливается; ему невероятно трудно сосредоточиться на своих мыслях; у него случаются провалы в памяти, часто ему приходится повторять одно и то же по несколько раз; порой у него случаются удары, похожие на эпилептические; при ходьбе делает маленькие шажки, опирается на трость или предметы мебели, едва волочит ноги, однако ему трудно подолгу оставаться в сидячем положении; у него наблюдается обильное выделение слюны, которая скапливается в уголках губ, налицо явные симптомы болезни Паркинсона. Его зовут Адольф Гитлер.

На нем зеленая рубашка, черный костюм, носки и туфли под цвет костюма, все очень опрятное.

Рядом с ним врач, он меряет Гитлеру давление.

Тут же как тень стоит Ева Браун. На ней платье невесты, в руках она держит аптечку.

В углу лежит пес.

Мы находимся на глубине девяти метров под землей, в бункере канцелярии Третьего рейха. Советские войска уже очень близко: Берлин подвергается круглосуточной бомбардировке; где-то далеко слышится грохот разрывающихся снарядов.

Ева (врачу). Вы убедились в надежности яда?

Врач кивает головой.

Гитлер жестом отпускает врача.

Врач встает по стойке смирно, отдает нацистское приветствие и уходит со сцены. Адольф Гитлер даже не взглянул на него.

Гитлер. Люди не думают, они никогда не думали, и их невозможно заставить думать. Чтобы в этом убедиться, достаточно прийти в театр.

Слышится новый, более сильный взрыв, бункер, холодный и неудобный, трясет, как при землетрясении. Письменный стол и другая мебель покрыты тонким слоем сыплющейся с потолка извести.

Гитлер. Когда люди начнут думать самостоятельно, придет конец правительствам, государствам и нациям. (Новые взрывы бомб). Да, это правда, что я восхвалял бесконечное число раз немецкий народ, но и то правда, что я ни разу не был искренен в своих заявлениях. В действительности я никогда не думал, что немецкий народ лучше евреев. Я никогда не считал, что мой народ способен думать. Я должен был делать это за него. (Пауза). Да, это правда, я пытался убедить свой народ в том, что он лучше всех; это правда, я пытался воспитывать их по свирепому закону вечной борьбы; все это правда, как и то, что в глубине души я всегда подозревал, немцы даже немного хуже других. (Пауза). Я действительно хотел превратить Германию в мировую супердержаву. Но разве не того же хотят Сталин и Черчилль? Разве не того же хочет этот червяк Труман? В чем разница между ними и мной? Я скажу вам, в чем разница: я проиграл, а они выиграли. Я хотел невозможного. Я хотел дать очаг своему народу, сделать из него нацию, стать его судьбой. Разве я повинен в том, что мечтал о невозможном? Я лишал человечности индивида, дабы очеловечить толпу, я хотел сделать их героями, богами. Я хотел невозможного. Я понял, что все, о чем мечтает человеческое существо так это о маленькой стабильной ренте. Демократия дает им такую возможность, и они выбирают Демократию. Я проиграл, а они выиграли. И я отвечу, почему я проиграл. Я проиграл, потому что мне достался трусливый народ – не народ, а сборище червяков. Они не думали, им не нравилось думать! Они не думали тогда, когда каждый день приносил Германии новую победу! Я думал за них! И вдруг, когда ветер изменился, они решают «задуматься»! И теперь они показывают на меня пальцем! Мои лучшие друзья обманули меня, мой народ меня предал!

Гитлер взволнованно дышит.

Ева. С кем ты говоришь?

Гитлер. Природа человеческой глупости непостижима даже для меня.

Ева. С кем ты сейчас говоришь?

Гитлер. Я говорю с Историей.

Ева Браун открывает аптечку и достает капсулу с цианистым калием. Затем Гитлер выдвигает один из ящиков письменного стола и достает коробочку. Открывает ее. В ней лежат два пистолета: Вальтер ППК и другой, чуть поменьше, его Вальтер 6.35 с перламутровой рукояткой. Выкладывает пистолеты на стол.

Гитлер. Но Потаскуха-История уже не слышит меня, она занята победителями. История засовывает свой длинный хвост в белую задницу Сталина, тем временем Труман засовывает свою мягонькую, червячью попку прямо в пасть этому русскому. А Черчилль пережевывает ее для своего нового хозяина. Их самолеты забрасывают бомбами мой Берлин.

Длинная пауза.

Гитлер. Ева...

Ева. Да?

Гитлер. Как ты себя чувствуешь?

Ева. А как ты хочешь, чтобы я себя чувствовала?

Гитлер неодобрительно качает головой.

Ева. Я чувствую, что через несколько мгновений я навсегда перестану чувствовать, и это многократно усиливает чувство одиночества.

Гитлер. Если я не удостоил своих слез Германию, на что рассчитываешь ты? (*Грохот тяжелой артиллерии, разрушающей город*). Слышишь? Их бомбы никогда не закончатся. Меня это утешает. Умереть в уничтожаемом Берлине. Умереть, видя, как твой народ забрасывают бомбами. Я умираю, но и эти червяки тоже умирают, будь они прокляты. Ева, я умираю не с ними, на поле брани, я умираю здесь, с тобой.

Ева. Я бы предпочла жить с тобой, а не умирать с тобой.

Гитлер (*не слушает ее*). Сотни парадов, ты помнишь, Ева, я простоял, подняв руку в приветствии. По несколько часов кряду, невзирая на боль, я смотрел на них, на каждого из тех, кто проходил маршем передо мной. Я их гипнотизировал. «Сегодня Фюрер семь часов не опускал руки. Как он выдерживает? Он больше, чем человек!» – так они говорили. Я хотел поддержать единство моего народа: единство крови и единство воли. Я должен был стать богом для толпы. Моя воля стала волей всего немецкого народа; законы утратили свой смысл; я освободил немцев от ненужной бюрократии. И они были довольны. Мое слово стало законом. И в этом была моя ошибка! Все, что я говорил, воспринималось как приказ и незамедлительно выполнялось, приводя к непоправимым последствиям. Помнишь, Ева, то путешествие в Мюнхен, когда я натолкнулся на гору булыжников? Помнишь?

Ева отрицательно качает головой.

Гитлер. Это произошло напротив церкви Святого Матвея, я натолкнулся на гору булыжников, которая уродовала всю площадь. Тогда я сказал: «В следующий раз, когда я приеду в Мюнхен, я не хочу видеть эти камни». И они подумали, что я имел в виду церковь. На следующее утро они, недолго думая, приказали снести церковь. Неужели ты не помнишь, Ева? О, прозорливый немецкий народ! Своей прозорливостью немецкий народ заставил меня заткнуться. Я ничего не мог сказать, потому что они все приводили в исполнение. Все! У меня началась паника! Они заткнули мне рот! Они заткнули рот моей воле, и теперь мы проиграли войну! (*Гитлер взволнованно дышит*). Или, например, в прошлый понедельник. Я попросил этого идиота Вилли приготовить мне что-нибудь перекусить. «Что-нибудь несложное. Омлет, например», – сказал я ему. И знаешь, что произошло? Он сказал, что в Канцелярии не осталось яиц. Когда я спросил его, почему же не было яиц, он ответил, что грохот тяжелой артиллерии распугал кур. И они перестали нести яйца. Тогда я сказал ему, в шутку: «Они не достойны арийской расы. Их следовало бы расстрелять».

Ева. Как?

Гитлер. Да, я так и сказал: «Надо бы их всех расстрелять».

Ева. Они расстреляли кур? Они их расстреляли?

Гитлер. Всех до одной. И не только в Берлине. Во всей Германии теперь не найти ни одной курицы. Мои приказы распространяются со скоростью пороха, и все немецкие курицы немедленно были расстреляны.

Ева. Зачем ты отдал этот приказ?

Гитлер. Что ты сказала, Ева?

Ева. Зачем ты отдал этот приказ?

Гитлер. Не было никакого приказа! В том-то все и дело. Это был никакой ни приказ!

Гитлер взволнованно дышит.

Гитлер. Они изрешетили несчастных кур, сделав фарш из их мяса, костей и перьев.

Ева. Да, теперь я понимаю, теперь я понимаю.

Гитлер. Что ты понимаешь?

Ева. Дня четыре назад я попросила цыпленка-табака, и Вилли посмотрел на меня... посмотрел на меня как-то странно.

Гитлер. Да, теперь я понимаю.

Ева. Что ты понимаешь?

Гитлер. Три дня назад Вилли пришел убеждать меня, что ты тоже меня предала.

Долгая пауза.

Ева. И что ты сделал?

Гитлер. Я приказал расстрелять его.

У Евы начинаются судороги, затем она заливается истерическим смехом.

Гитлер. Что с тобой?

Ева. Похоже, он уже начал действовать. Цианистый калий. У меня в голове затуманилось. Как у пьяной.

Гитлер. Я умираю с тобой.

Ева. Повтори это еще раз.

Гитлер. Я умираю с...

Ева. Нет, я хочу, чтобы ты сказал мне не это.

Гитлер. Что же тебе сказать?

Ева складывает руки в молитве.

Гитлер. Я умираю с тобой. Возрадуйся дева, умираючи!

Ева. Молись со мной.

Гитлер. Не думаю, что бог жаждет меня услышать. Он придумал молитвы для вас, ему ли не знать, что вы не способны держать язык за зубами!

У Евы повторяются судороги, на этот раз более сильные, затем новый приступ смеха.

Гитлер берет пистолет, целится и стреляет в собаку.

Пес скулит, мечется в агонии.

Ева тоже в агонии, она иступленно молится.

Гитлер. Если бы ты не была одной ногой в могиле, я бы тебя тоже пристрелил. Если бы не это и не то, что мне уже надоело отдавать приказания.

Гитлер вновь хватается за пистолет и стреляет наотмашь по стенам.

Затем берет перо и пишет.

Гитлер (пишет). «То, что я или кто-нибудь в Германии хотел войны в 1939 году, является ложью... Я слишком часто повторял, что необходим контроль над вооружениями, дабы у будущих поколений не болела об этом голова... Пройдут века, но на развалинах наших городов и наших памятников прорастет вечно нерушимая ненависть к тем, на ком лежит ответственность за каждый из этих обломков... После шести лет войны... я не могу покинуть столицу нашего народа. Я должен разделить судьбу миллионов живых существ, которые остаются здесь. К тому же я не хочу оказаться в руках врага, который готовит новое представление... только чтобы развлечь свои взбесившиеся массы... Принимая во внимание все вышесказанное, я решил...»

Ева (слабым голосом). С кем ты говоришь?

Гитлер. «... Я решил остаться в Берлине и добровольно принять смерть...»

Ева. С кем?..

Гитлер. «... И добровольно принять смерть в тот самый момент, когда я решу, что Фюрер и Рейхсканцелярия не могут более выполнять свои обязанности. Я принимаю смерть с радостью в сердце, ибо знаю, что однажды зернышко, посеянное нами, прорастет и национал-социализм возродится во славе для действительно сплоченного народа... Я знаю, что однажды...»

Ева бормочет что-то невразумительное.

Гитлер. «Однажды я вернусь...» (Смотрит на бездыханное тело Евы). Я говорю с Историей, так что постарайся меня не перебивать, иначе я прикажу...

Нижняя челюсть Евы отваливается, и у нее изо рта извергается пенная жидкость.

Гитлер берет пистолет и несколько раз выстреливает в нее.

Затем, уже успокоившись, продолжает писать, как в бреду.

Гитлер. «Прежде чем умереть, я исключаю из Партии экс-маршала Рейха Германа Геринга, а также лишаю его всех прав, которыми он был наделен декретом от 20 июня 1941 года. На свое место я назначаю гросс-адмирала Деница, президентом Рейха и верховным главнокомандующим. Перед своей смертью я исключаю из Партии и лишаю всех званий и регалий рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гимmlера. Наконец я настаиваю на том, чтобы всех этих Гимmlеров, Герингов и... иже с ними расстреляли».

Гитлер берет пистолет и целится себе в висок.

Его рука дрожит, он рискует не попасть в цель.

Гитлер. Знаешь, Ева, почему мы проиграли войну? Знаешь? Я скажу тебе, почему мы ее проиграли! Мы неправильно выбрали себе противника! Все, даже я! Мы пошли войной на тех, кто не был нашими врагами! Мы должны были сражаться против немецкого народа!

Гитлер, растроганный внезапным озарением, отводит пистолет от виска. Он продолжает взволнованно дышать, шепчет что-то невразумительное и затем засовывает дуло пистолета себе в рот.

Затемнение.

Звук выстрела не слышно.

Акт второй

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

(18 июля 1945 г.)

Сцена единственная

На переднем плане Сталин и Черчилль. Рядом с ними еще двое – Павлов и Бирс, русский и британский переводчики соответственно. В глубине угадываются тени советских солдат на страже. На столе лежат остатки роскошного ужина и развернутая карта центральной Европы, которая является предметом переговоров.

На Сталине новая военная форма горчичного цвета, на плечах погоны из бортовки, украшенные золотыми лентами и белыми звездами. В идеально выглаженные брюки вшиты широкие красные полосы. Рядом, на столе, лежит военная фуражка с золотыми галунами. Очевидно, Сталин надел свой парадный китель по торжественному случаю. Среди многочисленных орденов, медалей и других знаков отличия, типичных для старших военных чинов Красной армии, выделяются орден Победы и звезда Героя Советского Союза. На Черчилле – мундир королевских военно-воздушных сил, увешанный золочеными медалями и орденами, и, естественно, значок квалифицированного пилота.

Складывается ощущение, что эти двое хотели затмить друг друга своими побрякушками. Как это уныло.

Павлов одет как подобает советскому военному дипломату, на Бирсе – военная форма. Оба как бы исчезают на фоне своих командиров. Когда Черчилль говорит, Павлов шепотом переводит на ухо Сталину, и наоборот, когда говорит Сталин, Бирс шепчет на ухо Черчиллю.

Левая рука у Сталина не движется, это следствие травмы, полученной им в десятилетнем возрасте. Заметно, что левая рука значительно короче правой, и иногда ее сильно встряхивает, как если бы кто-то неожиданно толкал Сталина в плечо. Рука свисает, словно неживая рука марионетки, которая, тем не менее, своими внезапными встряхиваниями подает признаки жизни. Сталину пятьдесят один год, следы мучающего его атеросклероза уже весьма заметны. Он находится в прединфарктном состоянии, это будет микроинфаркт в самом уголке сердца. Он произойдет через несколько дней и станет третьим за последние пять месяцев. На его ссохшемся лице, еще в детстве помеченном оспой, виднеются красные пятна лопнувших капилляров – следствие плохого кровообращения. Не мудрствуя лукаво, ему можно смело диагностировать эмболию.

Сэру Уинстону Черчиллю на тот момент исполнился семьдесят один год. У него излишний вес, он кажется очень уставшим, несмотря на розоватый оттенок детского лица. Дыхание у него прерывистое, как если бы его грудь сжимали в тиски под большим давлением. Из-за поражения сетчатой оболочки он видит все словно сквозь стекло. И все-таки главным его недугом следует назвать физическую усталость, накопленную за долгие военные годы. У него случаются кратковременные потери памяти. Сказать по правде, где-то в недрах его организма кроется нерадивый сгусток, который в любой момент может быть увлечен за собой потоком крови, вызвать закупорку сосудов головного мозга и привести к инсульту.

Черчилль раскуривает витолу, на которой написано его имя; Сталин раскуривает трубку. Заметно, что оба хорошо поужинали и выпили.

Сталин. Приезд в Берлин потребовал от меня великого самопожертвования.

Черчилль. Вы хотите сказать, в то, что когда-то было Берлином. От города остались одни руины.

Сталин. Путешествие из Москвы было долгим и холодным.

Черчилль. В самолете не было пледов?

Сталин. Мои врачи не советуют мне путешествовать самолетами. Я приехал поездом.

Черчилль. Мне очень жаль.

Сталин. Признаюсь Вам, что только в Москве я чувствую себя хорошо. Мне даже пришлось отказать от поездок на фронт. Они наносят мне ужасный вред. Вы знаете, товарищ Черчилль, какая пыль стоит на фронте? (Черчилль утвердительно кивает). На самом деле я тоже жду с нетерпением наших трехсторонних переговоров. Вы, президент Труман и я. Я даже боюсь недооценить всю значимость этой встречи. На данный момент я не вижу ничего важнее этого, и, тем не менее, я вынужден поставить одно условие.

Черчилль. Какое?

Сталин многозначительно указывает на сердце. Черчилль начинает сильно кашлять.

Сталин. Вам плохо?

Черчилль продолжает кашлять.

Черчилль. Нет, все в порядке. (Однако кашель не проходит). Сейчас пройдет. Я простыл, у меня воспаление горла.

Сталин. Вы уверены, что дело только в этом?

Черчилль. Это всего лишь простуда, не стоит беспокоиться.

Сталин. Вам надо пропариться в бане, подышать эвкалиптом и можжевельником... Это старинный грузинский рецепт.

Черчилль. Надо запомнить.

Продолжает кашлять.

Сталин. Поднимите руку.

Черчилль (кашляет). Что?

Сталин. Руку, левую руку, поднимите ее.

Черчилль поднимает левую руку.

Кашель проходит, Сталин довольно улыбается.

Черчилль. Подействовало.

Сталин кивает.

Сталин. Я рад, что мы собрались сегодня за этим столом в неформальной обстановке, но я не стану скрывать от Вас, что мне бы очень хотелось, чтобы ничего – совершенно ничего – из нашей сегодняшней беседы не покинуло пределов этой комнаты. Это должно навсегда остаться между нами.

Черчилль. Я не имею возражений.

Сталин. Я хочу сказать, что нашей сегодняшней встречи вообще не было.

Черчилль. Для Трумана?

Сталин. Нет, для Истории. Она вне Истории. Я понятно изъясняюсь, товарищ Черчилль?

Черчилль (*смотрит на карту*). Вам не кажется, что многие сочли бы верхом цинизма ту легкость, с которой мы приняли решения, столь важные для миллиардов живых существ? Давайте сожжем ее?

Сталин поджигает карту.

Карта Европы горит.

Черчилль. Я могу смело утверждать, мы стали большими друзьями. Однако было бы недальновидно считать, что мы во всем согласны друг с другом.

Сталин. Я согласен. (*Черчилль смотрит на него в недоумении*). Я хочу сказать, что я согласен с тем, что мы не во всем согласны.

Черчилль. Я думаю, нам понадобится много времени и терпения, чтобы достичь во всем согласия.

Сталин. Если когда-нибудь мы во всем достигнем согласия, меня это очень беспокоит.

Черчилль. Это не совсем дипломатично делать подобные заявления.

Сталин. Согласен.

Черчилль. Как Вы сказали?

Сталин. И все-таки нам удалось достичь согласия, невзирая на то, что мы с Вами в принципе не можем быть согласны.

Черчилль. Согласен.

Сталин. Однако в этом мире все не навсегда. Все течет, все меняется.

Черчилль. Кое-что бывает и навсегда.

Сталин. Что?

Черчилль зловеще указывает на сердце Сталина.

Сталин. Да, это вполне естественно. Вы позволите задать Вам один личный вопрос?

Черчилль. В целом у меня нет возражений.

Сталин. Вы верите в жизнь после смерти?

Черчилль. На этот вопрос у меня имеется однозначный ответ. Нет. Разве что холодный бархатный мрак. Почему Вы меня об этом спрашиваете?

Сталин. Всегда хорошо узнать точку зрения, отличную от своей.

Черчилль. Какова же Ваша точка зрения?

Сталин. «Там, в глубине, холод и мрак, невыразимая пустота».

Черчилль. Маршал Сталин, я прошу Вас, в такой день не будем поддаваться унынию и меланхолии. Давайте оставим эту тему раз и навсегда. Как поживает Ваша супруга?

Сталин. Моя супруга?

Черчилль. Госпожа Сталина?

Сталин. Она на днях покончила с собой.

Черчилль закашливается.

Поднимает левую руку, кашель проходит.

Черчилль. Смотрите, и правда помогает. Это тоже грузинское изобретение?

Сталин. У Вас есть ко мне еще вопросы? Я очень устал.

Черчилль. По правде сказать, у меня остался еще один вопрос.

Сталин. Я очень устал. Путь до Берлина был долгим и холодным. Задавайте Ваш вопрос.

Черчилль. Гитлер.

Сталин. Гитлер?

Черчилль. Гитлер.

Сталин. Гитлер мертв. Какие тут могут быть вопросы? Проблема себя исчерпала.

Черчилль. Да, но где же тогда подводные лодки?

Сталин. Какие подводные лодки?

Черчилль. Согласно моим источникам, Германия располагала тремя большими субмаринами. Где они? Нам не удалось локализовать их и, насколько я понимаю, Вашим службам тоже. Может, я ошибаюсь? Где же эти подводные лодки? И куда делся Борман? А Гитлер? У Вас есть ответ?

Сталин пьет.

Сталин. Он мертв.

Черчилль. Позвольте мне, маршал Сталин, иначе сформулировать свой вопрос: можем ли мы быть уверены, совершенно уверены, не оставляя ни малейших причин для сомнений, в том, что Гитлер мертв?

Сталин. Я думаю, что да.

Черчилль. А где его труп?

Сталин. Он наш. Русский народ никогда не простит ему того, что он сделал.

Черчилль. Мой вопрос, маршал Сталин, был не совсем об этом.

Сталин. Тогда о чем же?

Черчилль. Где труп Гитлера?

Сталин. В надежном месте.

Черчилль. До меня доходят разные слухи о его смерти, а также о местонахождении его останков. Некоторые из них в корне противоречат друг другу. Я хочу быть уверен.

Сталин. Что Вам об этом известно?

Черчилль. Все это только слухи. Ни я, ни мои агенты – никто не может не сомневаться в их надежности. По одной из версий, Гитлер покончил с собой вместе со своей любовницей, этой, как ее, Евой Браун.

Сталин. С ней и с собаками.

Черчилль. С собаками?

Сталин. С двумя немецкими овчарками.

Черчилль. А затем его личный охранник облил их трупы нефтью и поджог.

Сталин. Совершенно верно, только это была не нефть.

Черчилль. А нет?

Сталин. Бензин. Девяносто литров бензина. Этого недостаточно, чтобы от трупов не осталось и следа. Но, к счастью, у них больше не было.

Черчилль. По другой из версий, его труп был найден в целости и сохранности в Канцелярии, с простреленной головой.

Сталин. Совершенно верно.

Черчилль. Что значит совершенно верно, это же противоречит предыдущей версии.

Сталин. Сейчас я Вам объясню. Советский солдат, капитан Полевой, нашел труп Гитлера в Канцелярии. Однако, как оказалось, это был не настоящий труп Гитлера.

Черчилль. Я ничего не понимаю. Вы хотите сказать, что у Гитлера было два трупа?

Сталин. Нет, нет. Позвольте, я Вам объясню. Вам должно быть известно, что у Гитлера было несколько двойников. Иногда один из них отправлялся на фронт, в то время как другой за пятьсот километров от линии фронта присутствовал на открытии нового аэродрома, пока настоящий Гитлер встречался с рабочими одной из фабрик. Так вот, первое из найденных нами тел принадлежало одному из его двойников. Мы заподозрили это, когда нашли второй труп, тоже похожий на Гитлера. По правде сказать, мы располагаем пятью или шестью трупами. Все они невероятно похожи друг на друга, и все они, по всей видимости, покончили с собой. Итак, перед нами встала задача решить, какой же из них был настоящим Гитлером. И знаете что? Ни один из них не был Гитлером. Понимаете?

Черчилль. Продолжайте. Мне кажется, это очень захватывающая история.

Сталин. Личный зубной врач Гитлера, некто Блашке, подтвердил наши подозрения. Ни один из найденных нами трупов не был Гитлером.

Черчилль. Зачем Гитлеру это было надо? Для чего?

Сталин. Этого я не знаю. Я тоже задавал себе этот вопрос. В этом есть своя логика, убить своего двойника и поместить его в подходящем месте Канцелярии. Таким образом, он мог выиграть время, чтобы скрыться, и затем сбежать из Берлина. Например, в Альпы. Но пять, пять трупов Гитлера на трех квадратных километрах – какой в этом может быть смысл?

Черчилль. Да, какой в этом может быть смысл?

Сталин. В этом нет никакого смысла.

Черчилль. Маршал Сталин, где находится труп Гитлера?

Сталин. Ах, это правда, я не закончил свою историю.

Черчилль. У нее есть продолжение?

Сталин. Капитан Полевой первым обнаружил вход в подземный бункер Гитлера. Там были обнаружены останки Геббельса, его жены и пятерых детей. Геббельс сам убил их, а затем покончил с собой. Однако ни Гитлера, ни Евы Браун обнаружено не было. После изнурительных поисков нам удалось найти три сильно обгоревших тела. Мы решили, что это были Гитлер и Ева Браун.

Черчилль. Но Вы сказали три тела.

Сталин. Да, Гитлер, Ева Браун и собака.

Черчилль. Только одна собака? Разве их было не две?

Сталин. Другая загадочным образом исчезла.

Долгая пауза.

Черчилль. Таким образом, мы можем быть уверены в том, что эти три сильно обгоревших тела принадлежат Гитлеру, Еве Браун и псу? Можем мы быть в этом уверены, маршал Сталин?

Сталин двусмысленно качает головой.

Сталин. Да.

Черчилль поднимается и берет в руки бокал.

Подает Бирсу знак, и тот делает то же самое.

Черчилль (*произносит тост*). Я без преувеличения могу сказать, что благодарность к маршалу Сталину вечно будет жить в английских сердцах. Для меня является огромной честью быть другом такому великому человеку, слава о деяниях которого давно уже вырвалась за границы Советского Союза и объяла собою весь земной шар.

Черчилль выпивает и садится.

Бирс проделывает то же самое.

Сталин тоже встает и поднимает бокал.

Павлов по мановению ока повторяет его действия.

Сталин (*произносит тост*). Вы один из тех людей, что рождаются раз в сто лет, товарищ Черчилль, Вы достойны этого обращения уже потому, что во всем мире не найти более обожаемого и смелого премьер-министра. Поэтому я желаю Вам долгих лет жизни.

Сталин выпивает и садится.

То же проделывает и Павлов.

Однако Черчилль опять наполняет свой бокал, встает и произносит тост. Бирс следует его примеру.

Черчилль. Да здравствует пролетариат!

Выпивает и садится. То же и Бирс.

Сталин и Павлов уже стоят с поднятыми бокалами.

Сталин. Да здравствует Консервативная партия!

Выпивают и садятся.

Черчилль в свою очередь вновь поднимает бокал, невзирая на явное раздражение Сталина.

Черчилль. Великий маршал Сталин, я позволил себе привести Вам подарок от Его Величества.

Сталин (*заинтересованно*). Что же это?

Черчилль. Бирс...

Бирс кладет на стол пакет. Сталин смотрит с недоверием.

Сталин (*шутя*). Когда он взорвется?

Черчилль. Как только я покину эту комнату.

Смеются.

Черчилль. Кстати, мне надо в уборную.

Черчилль выходит, подав сигнал Бирсу, чтобы тот сопровождал его. Сталин и Павлов остаются, завороженно смотря на подарок, не решаясь даже притронуться к нему.

Сталин. Вот интересно, зачем Черчиллю в сортире понадобился переводчик с русского?

Павлов. Возможно, это потому, что англичане привыкли вести там свои политические дебаты.

Пауза.

Сталин. Как ты думаешь, что там в этой сумке?

Павлов. Я не думаю, что это... Я не знаю.

Сталин. Не доверяю я этому Черчиллю. Он жалкий человек, ему не стоит доверять. Будь его воля, он бы нас без последних штанов оставил, ему ничего не стоит подложить нам свинью или даже бом... Кстати, ты обратил внимание на его мундир? (*Павлов кивает*). И что скажешь?

Павлов. Ну... ммм.

Сталин. И все-таки я рад, что не убил его в 1919 году. Я сегодня замечательно провел время. Поэтому, мы должны гордиться тем, как идут переговоры.

Павлов. Да.

Пауза.

Сталин. Открывай сумку.

Павлов в растерянности.

Сталин. Открывай...

Павлов отодвигает бокал и берет в руки пакет.

Сталин. Только не здесь. Открой ее подальше от меня.

Павлов. Где?

Сталин. Чем дальше, тем лучше.

Павлов отходит от Сталина и собирается открыть пакет.

Сталин. Нет, еще дальше.

Павлов отходит еще и оборачивается к Сталину, чтобы убедиться, что того устраивает дистанция. Однако Сталин дает ему понять, что надо отойти еще дальше. Павлов отходит.

Сталин. Ладно, теперь можешь открыть ее. (Пауза). Что там?

Павлов (стоя на подоконнике). Сигары.

Сталин. Ну-ка, прикури одну. (Пауза). Ну как?

Павлов. По-моему, великолепно.

Сталин. Хорошо, можешь вернуться.

Входят Черчилль и Бирс, они смотрят на Павлова, который спускается с подоконника с сигарой во рту.

Все трое садятся.

Черчилль. Вы проводили вскрытие?

Сталин. Простите?

Черчилль. Найденных трупов. Гитлера, Евы Браун и пса... Вы проводили им вскрытие?

Сталин. Да, всем, кроме пса.

Черчилль. Британскую Корону не интересует этот пес. Только Гитлер. И к какому же выводу Вы пришли?

Сталин. Во-первых, мы убедились, что он мертв.

Черчилль. Как?

Сталин. Да-да, он мертв.

Черчилль. Правда?

Сталин. У меня такое ощущение, что Вы никак не можете поверить в смерть Гитлера.

Черчилль. Нет, дело не в этом. Я просто хочу быть уверен. Вы не могли бы ознакомить меня с результатами вскрытия?

Сталин. Что именно Вам хотелось бы знать?

Черчилль. В этом деле нет ничего, что мне не хотелось бы знать.

Сталин. Что ж, пожалуй, наиболее занимательным является тот факт, что Гитлеру так или иначе оставалось жить всего несколько месяцев. Он был очень болен.

Черчилль. Чем именно?

Сталин. Боюсь, мне не перечислить Вам всего букета его заболеваний.

Черчилль. Могу я рассчитывать на копию отчета судебных медиков?

Сталин. Мы рассмотрим Вашу просьбу.

Черчилль. А чего тут рассматривать?

Сталин. Этот труп принадлежит нам.

Черчилль. Я и не говорю о трупе. Можете оставить его себе. Я прошу копию отчета о результатах вскрытия.

Сталин. Этот отчет, это практически все, что осталось от Гитлера.

Черчилль. Тем более. Так могу я рассчитывать на копию.

Сталин. Похоже, у Вас навязчивая идея с трупом этого шута.

Черчилль. Мне в свою очередь все видится с точностью до наоборот.

Сталин (собирается встать). Я устал. Путь до Берлина был очень длинным и холодным.

Черчилль. И все же Британская Корона очень надеется получить копию этого отчета. Здесь нет ничего личного. Вы поймите, что жертвы, понесенные нами... Вы знаете, скольких наших британцев унесла эта война? Стольких, что нам приходится скрывать истинные цифры.

Сталин. Я тоже вынужден это делать.

Черчилль. Я бы не хотел, чтобы у моего народа оставались сомнения по поводу...

Сталин. Я думаю, господин Черчилль, что этот вопрос исчерпан. Мне кажется, Вы искусственно раздуваете эту проблему. Если хотите, я даже могу передать Вам через представителей нашего дипломатического корпуса фалангу господина Гитлера.

Черчилль. Фалангу?

Сталин. Если Вам этого недостаточно, мы можем рассмотреть также возможность передачи Вам его бедренной кости. Хотя стоит заметить, что и фаланга и бедренная кость сильно обуглены.

Черчилль. И что Вы нам предлагаете со всем этим делать?

Сталин. Мне все равно, но если хотите знать мое мнение, я рекомендовал бы вам выставить их в Британском музее.

Черчилль. Без сертификата подлинности? Пресса сотрет нас в порошок.

Сталин (Павлову). Пойдем.

Черчилль (голос его звучит очень твердо). Мною руководит не враждебное отношение к Вам или к Вашему народу, а бесчисленное количество понесенных жертв. Я не собираюсь довольствоваться какой-то жалкой анонимной бедренной костью.

Сталин. А как же фаланга?

Черчилль. Чуть!

Сталин. Вам придется довольствоваться. Не закидывайтесь на прошлым. Лучше обратите свой взор к будущему! Зачем Вам труп Гитлера? Неужели мы будем тратить время на споры из-за этого трупика? Нет, товарищ Черчилль, у нас с Вами есть дела поважнее. Я, например, считаю, что Генштаб Третьего рейха должен быть уничтожен в полном составе.

Черчилль. По этому пункту у меня нет возражений.

Сталин. От всей великой немецкой армии осталось каких-нибудь пятьдесят тысяч офицеров и военных инженеров. Я предлагаю надеть на их розовые шеи петли и выбить подпорки. И не по одному, а всех сразу.

Черчилль. Британская общественность и Парламент никогда не одобряют столь массивного наказания через смертную казнь. Пятьдесят тысяч человек.

Сталин. А моя общественность одобрит.

Черчилль. Возможно, это потому, что у Вас нет общественности.

Сталин. Советский народ насчитывает десятки миллионов.

Черчилль. Да, только на эти десятки миллионов нашелся Сталин. А Сталину достаточно дать приказ. Мне же, в отличие от Вас, приходится убеждать и уговаривать.

Сталин. Как это должно быть утомительно управлять странной, где всякий считает, что у него есть право на собственное мнение. (*Черчилль смотрит на него с удивлением*). Хорошо, можно заменить повешение расстрелом.

Черчилль качает головой, выражая решительное несогласие.

Сталин. Может быть, нам все же удастся договориться. Думаю, что и двадцати пяти-тридцати тысяч казней будет вполне достаточно. Я даже не буду возражать против любой формы приведения приговоров в исполнение. Хотя, по правде сказать, английская виселица, при всем уважении к вашим традициям, мне всегда казалась наихудшим способом казни. Я склоняюсь к расстрелу или к хлористоводородной кислоте.

Черчилль. Никто не будет казнен без открытого и справедливого суда.

Сталин. Все вы, так называемые демократы, являетесь фанатиками формализма. Эти люди – военные преступники. Мы имеем право расстрелять их. Потом, если Вы настаиваете, мы можем провести над ними справедливый суд. Только мне кажется совершенно излишним тратить время, доказывая то, что и так всем прекрасно известно. Их вина очевидна. Вы бывали в Аушвице? Господин премьер-министр, мое здоровье может подвести меня в любой момент. Я не могу позволить себе не увидеть, как Гитлер будет уничтожен.

Черчилль. Не Вы ли утверждали давеча, что Гитлер мертв.

Сталин. Эти пятьдесят тысяч преступников – это тоже Гитлер. Мое желание уничтожить их – не простой каприз. Вы меня понимаете?

Черчилль. Я уверен, что Парламент никогда не одобрит... Позвольте, я буду с Вами откровенен, я всегда выступал категорически против массовых казней.

Сталин. А мне они дали великолепные результаты. А сейчас, господин Черчилль, если Вы не возражаете, я Вас оставляю. Завтра нас ждет тяжелый день.

Черчилль. Я искренне прошу простить мою настойчивость, но мне не хотелось бы оставлять этот вопрос нерешенным. Я могу рассчитывать на копию отчета о результатах вскрытия?

Сталин. Нет. Спокойной ночи.

Черчилль. Прошу Вас, мне нужны доказательства того, что эти трупы...

Сталин. Вы вынуждаете меня повторяться. Мне больше нечего добавить ко всему вышесказанному.

Черчилль. Это очень важно. Для меня лично это имеет огромное значение, маршал Сталин. Возможно, что всему миру будет достаточно того, что дьявол повержен, но не нам. Мы... Если мы не будем совершенно уверены в том, чьи это трупы, маршал, мы рискуем обречь себя на поиски его призрака до конца времен. (*Сталин жестом показывает, что ему больше нечего добавить. Он собирается встать из-за стола*). Еще одну секунду, я прошу Вас, простите, что задерживаю, маршал Сталин, но мне не уснуть сегодня, если я не смогу ясно и конкретно сформулировать Вам свой вопрос: Вы уверены, что имеющиеся в Вашем распоряжении тела действительно принадлежали Гитлеру, Еве Браун и их собаке?

Сталин. А какое значение имеет, уверен я или нет? Здесь важны отчеты о результатах вскрытия и то, во что захотят поверить люди. И знаете, товарищ Черчилль, некоторые детали, содержащиеся в этих отчетах, доставили мне массу удовольствия. Например, после тщательного изучения мошонки, семенного канала и таза выяснилось, что у Гитлера отсутствовал левый тестикул. Более того, у него его никогда не было. Понимаете? Но на этом приятные новости не заканчиваются. Оказывается, Ева Браун не была блондинкой.

Черчилль. А какое это имеет значение?

Сталин. Всего лишь перекинь водорода.

Черчилль. Да, но какое это имеет...

Сталин. Что значит, какое это имеет значение? Я был бы просто в восторге, узнав, что эта шлюха была выкрашенной в белый цвет негротянкой, но пока придется довольствоваться тем, что она была крашеной блондинкой. Да. *(Смеется)*. Но есть и еще кое-что. Вскрытие показало, что у нее были очень маленькие груди. Да-да, Вы не ослышались. На фотографиях она казалась сущей валькирией, не так ли? Но груди-то были накладные! *(Смеется)*. Накладные!!!

Черчилль *(смеется вместе с ним)*. Это просто великолепно, это безумно интересно, вот бы мне самому прочесть этот отчет...

Сталин *(вновь посерьезнел)*. Нет, товарищ Черчилль, это невозможно. Я уже устал повторять Вам. Я всего лишь пешка в руках судьбы человечества. Но, поскольку у нас с Вами сегодня не официальная встреча, а ужин двух старых добрых друзей, которые пообещали друг другу, что ни одно произнесенное слово не выйдет за пределы этой комнаты, я, так и быть, отвечу на Ваш вопрос. Нет, я не уверен в том, что найденные тела принадлежали Гитлеру, Еве Браун и их собаке. Я совсем в этом не уверен. Гитлер, как Вы знаете, был редкостным дураком, что не мешало ему обладать прямо-таки дьявольским умом. Он много лет водил нас за нос. Разве мог он проститься с нами, не приготовив на прощанье коварной головоломки? Он обожал загадки и тайны. Он был редкостной сволочью. Он и не мог поступить иначе. Ему мало оказалось пятидесяти миллионов убитыми, ему понадобилось еще пять трупов, каждый из которых одновременно он и не он. Понимаете?

Черчилль. Нет... не совсем.

Сталин. Нет? Правда, не понимаете? Я, товарищ Черчилль, мечтал заполучить Гитлера живым...

Черчилль. Я тоже.

Сталин. ...но этого не случилось. Тогда я подумал, что мне достанется хотя бы его труп. Но и этого не произошло. Он ускользнул у нас прямо из-под носа. Не только он, но и его труп. Сукин он сын.

Черчилль. Я молюсь о том, чтобы существовал ад или какое-нибудь другое страшное место, где ему придется ответить за каждое свое преступление.

Сталин. Нам с Вами хорошо известно, что ада нет. «Разве что холодный бархатный мрак». Звучит неплохо. Я тоже... хочу, чтобы существовал ад.

Черчилль *(подавленно)*. Значит, эти трупы...

Сталин *(перебивает его)*. Да, возможно, они и не принадлежали Гитлеру, его шлюхе и его псине, а возможно, и принадлежали. Тут я ничего не могу поделать, у меня нет выбора. Я заставлю человечество поверить в то, что это их трупы. Но я также посею в головах людей сомнение. Нет ничего важнее сомнения, господин Черчилль. Сомнение порождает неуверенность, и людям необходима эта неуверенность, чтобы испытывать потребность в нас. На земле не осталось бы ни одного государства, если бы люди не боялись хаоса. Правительства нуждаются во врагах. Кто же станет нашим врагом после капитуляции Японии?

Черчилль. Никто. Мир вздохнет спокойно.

Сталин. Простите, но я не ожидал от Вас такой наивности. Мы станем совершенно бесполезными, лишившись врагов. И если у нас не останется врагов, мы должны будем их придумать. Этим я сейчас и занимаюсь. Теперь Вы понимаете? Сейте сомнение, господин Черчилль. Ничто не дает таких всходов.

Черчилль. Бедность станет нашим врагом. Бедность и угнетение.

Сталин. Здесь я не могу с Вами не согласиться. Но кто же станет причиной бедности в будущем? *(Черчилль смотрит на него, выражая непонимание)*. Нам надо найти виновного или нескольких виновных, чтобы они дополняли друг друга, потому что иначе власть по неосторожности потеряет силу. Надо найти дьявола прежде, чем он найдет нас. Страх – это первое условие жизнеспособности государства. Страх и смерть, господин Черчилль, и в этом найденном и ненайденном трупе, который есть и которого нет, залог вечного страха и смерти. И больше я не стану разбрасываться им, изливая напрасную душу. Я собираюсь использовать его по полной. Мы должны управлять страхом, а не расшвыриваться им. Созданное мной государство еще около полувека – по меньшей мере – будет держаться на страхе перед трупом этого мерзопакостного ублюдка. Перед мертвым телом фашизма. Если, конечно, кто-нибудь меня не предаст, что совсем не исключено. Вам, господин Черчилль, даже трудно себе представить, с какими мужланами мне приходится ежедневно иметь дело в моем собственном правительстве. Я надеюсь, Вам удалось меня понять, потому что более ясно я не смог бы выразиться, даже если бы захотел. *(Встает, чтобы уйти)*. Спокойной ночи.

Сталин выходит. Павлов следует за ним.

Коробка с сигарами, подарок Его Величества, так и осталась лежать на столе.

Черчилль кашляет.

Кашель становится все сильнее.

Бирс. Поднимите левую руку.

Черчилль поднимает. Однако кашель не проходит.

Медленное затемнение.

Акт третий

ГАМЛЕТ ЖИВЕТ В КРЕМЛЕ

(28 февраля 1953 г.)

Сцена представляет просторную залу личной дачи Сталина в Кунцево, недалеко от Москвы. Эта комната служит столовой, кабинетом и спальней. Обстановка очень скромная. На переднем плане диван-кровать; несколько телефонов; письменный стол, заваленный бумагами, книгами и газетами; огромный патефон; подле камина персидский ковер; буфет, заваленный лекарствами, и портрет Ленина с безразличным выражением лица.

Сцена первая

В комнате никого нет. Однако в камине трещат поленья. Время около десяти часов вечера.

Распахивается двустворчатая дверь, и в комнату входит Николай Александрович Булганин. На красном лице у него виднеется жиденькая козлиная бородка. Один американский журналист сказал о нем: «Он напоминает игрока в карты, каких часто встретишь на речных судах, неудачник, но с чувством собственного достоинства».

Итак, дверь распахивается и Булганин входит в залу, однако заметив, что там никого нет, он застывает на месте, выражая крайнее изумление. Он испуганно озирается по сторонам. Можно сказать, он вышел из комнаты, так в нее и не войдя.

Однако он почти сразу возвращается. Как если бы кто-то опять толкнул его назад в комнату. Он снимает пальто, шляпу, перчатки и кладет их на стол. Есть что-то смешное в этом человеке. Наверное, это оттого, что он одновременно важный вельможа и мелкая сошка. Как же такое возможно? Булганин ни на миг не забывает, что незаменимых нет, что любой, даже самый высокий чиновник, может быть выброшен на улицу без лишней суеты.

Через несколько мгновений дверь снова отворяется, заставив Булганина подпрыгнуть от испуга. К его облегчению, на пороге появляется Никита Сергеевич Хрущев собственной персоной.

Никита Хрущев коренастый, энергичный мужчина невысокого роста, на нем отвратительно безвкусный костюм. У него уже начал развиваться маниакально-депрессивный психоз, свой портфель он всегда носит подмышкой. Как известно, через несколько лет он станет новым хозяином Кремля. У него случаются неожиданные приступы гнева, хотя в присутствии Сталина он умеет вести себя благо-разумно, надо полагать неврастеник действует на неврастеника успокаивающе. Хрущева («хрущ» по-украински значит «майский жук») легко представить себе, вспомнив его знаменитое выступление на ассамблее ООН в октябре 1960 года, когда он стянул с ноги огромный желтый ботинок и стал стучать им по столу. По натуре он прирожденный борец. Хотя он пьет, как грецкая губка, у него добродушное лицо.

Хрущев. Здравствуй, Николай.

Булганин (сквозь зубы). Здравствуй.

Хрущев. А где остальные?

Булганин. Какие еще остальные?

Хрущев. А, ну, я не знаю.

Булганин. Ты не знаешь, кто именно был приглашен?

Хрущев. Что с тобой? Ты какой-то нервный сегодня.

Булганин. Я? Нервный? Нет, я совершенно спокоен. С чего мне нервничать?

Хрущев. Тебе видней. Может, накатит по маленькой?

Булганин. Я предпочитаю подождать.

Хрущев. Подождать чего?

Булганин. А где сам?

Хрущев. А еще говоришь, что ты не нервничаешь. Ну же, Николай, ты меня не проведешь, давай выкладывай, что случилось?

Булганин. Случилось? Я тебя не понимаю. А что должно было случиться? Все в полном порядке.

Хрущев. Где сам?

Булганин. Я только что тебя об этом спрашивал. Где он? Где же наш Иосиф Виссарионович? Он ведь назначил нам здесь в десять, так? Тогда где же он?

Хрущев (перебивает его). Николай, давай начистоту, что, черт возьми, здесь происходит? У нас с тобой пакт, правда? Я защищаю тебя, а ты защищаешь меня. Давай, руби правду-матку, как бы горька она ни была.

Булганин. Подойди поближе.

Хрущев. Что?

Булганин. Ближе, я сказал.

Хрущев подходит. Булганин цедит сквозь зубы.

Булганин. Ты что не в курсе, что случилось с Сидоровским?

Хрущев. А что случилось с Сидоровским? Он приболел?

Булганин. Ты не мог бы говорить тише?

Хрущев. Что?

Булганин. Говори тише, иначе я ничего тебе рассказывать не стану.

Хрущев согласно кивает.

Хрущев (с нетерпением). Ну же, скажи мне наконец, что там с Сидоровским?

Булганин. В прошлую среду он пригласил нас на ужин, помнишь. Некоторых из нас. Лаврентия, Георгия, меня и еще кого-то. Людей было чуть больше, чем обычно.

Хрущев. А меня почему не позвали?

Булганин. Я не знаю.

Хрущев. Черт!

Булганин. Я думаю, что он просто о тебе забыл.

Хрущев. Как забыл? И ты мне это так спокойно говоришь?

Булганин. Успокойся ты, Никита. Не стоит волноваться. Это лучшее из всего, что может с тобой произойти, если он о тебе забудет. Хотя тоже не всегда. Смотри, что стало с бедным Сидоровским.

Хрущев. А что же все-таки случилось с Сидоровским?

Булганин. Да не ори ты, я тебя умоляю.

Хрущев. Хорошо-хорошо.

Булганин. Слушай. Похоже, Поскребышев подал самому список приглашенных на ужин. Среди них был и Сидоровский. Сталин одобрил список. По крайней мере, он точно не высказывал никаких возражений против того, чтобы Сидоровский, среди прочих, присутствовал на ужине. И хотя он был редким гостем на даче, мне доподлинно известно, что они часто разговаривали по телефону. Сам даже подшучивал над Сидоровским. Все были уверены, что у них прекрасные взаимоотношения.

Хрущев. Что значит «были»? Что именно произошло?

Булганин. В среду вечером, я тоже присутствовал и видел все своими глазами, Сидоровский приехал и, улыбаясь, подошел к самому, чтобы пожать ему руку. И тут Сталин посмотрел на него пристально и говорит: «А Вас я не приглашал».

Хрущев. Что значит, не приглашал?

Булганин. Естественно, приглашал. Но он об этом забыл, понимаешь?

Хрущев. Да ладно?

Булганин. А чему ты удивляешься? Он все время все забывает, потом...

Хрущев. Черт!

Булганин. Сидоровский стал бледный как мел и, естественно, удалился. Однако его задержали у входа, и...

Хрущев. Его расстреляли?

Булганин. Расстреляли? По какой статье? Нет, хотя я видел, как они его задерживали, он... Нет, нет, они его не расстреляли.

Хрущев. Тогда что?

Булганин. Сегодня утром мне в кабинет позвонила его жена. Он покончил с собой.

Хрущев. Что значит покончил с собой? Почему?

Булганин. Это никому не известно. Его жена была очень удивлена. Но он оставил записку.

Хрущев. И что там в записке?

Булганин. Три слова.

Хрущев. Каких?

Булганин достает записку из кармана и протягивает ее Хрущеву.

Хрущев (читает). «Я паршивая свинья».

Хрущев немедленно возвращает записку Булганину, и тот быстро прячет ее в карман.

Булганин. Очень странная записка, особенно для того, кто собирается покончить с собой.

Хрущев. Тебе она кажется странной?

Булганин. А тебе разве нет? «Я паршивая свинья».

Хрущев утвердительно кивает.

Булганин. В каком бы отчаянии он нир находился, что тоже мне не совсем понятно, зачем оставлять такую записку. Я не верю, что Сидоровский написал такое, прежде чем пустить себе пулю в лоб. Пишет, берет зажим для галстука, прикрепляет эту записку и стреляет себе в висок.

Хрущев. Да уж, мне тоже все это кажется ненормальным. Он был хороший мужик.

Булганин. Аня говорит, что это точно не его записка. У него другой почерк.

Хрущев. Не его почерк?

Булганин. Я не знаю, я в этом не эксперт, но Аня сказала...

Хрущев. Ну и ну.

Булганин. Сидоровский был моим другом, понимаешь? Все знают, что мы были друзьями. Сегодня вечером я пошел в кино, я знал, что Сталин тоже будет там. Я специально туда пошел. Я хотел... Но он... он даже не взглянул на меня. А потом мне приходит приглашение на ужин... Я совсем запутался.

Хрущев. А чего тут путаться?

Булганин. Что?

Хрущев. О чем ты думаешь? Думаешь, следующим будешь ты?

Булганин. Я уже ни о чем не думаю.

Хрущев. Ты ничего не сделал, Николай.

Булганин. А Сидоровский? Думаешь, он что-то сделал?

Хрущев. Он покончил с собой.

Булганин. Ты что, в это веришь? Зачем ему кончать с собой?

Хрущев. Этого я знать не могу, но посуди сам, зачем им его убивать? Это же бессмысленно.

Булганин о чем-то задумался. Похоже, он искренне хочет поверить словам Хрущева.

Булганин. Но это еще не все. Сегодня у меня дома были люди Лаврентия.

Хрущев. Что?

Булганин. Меня, естественно, дома не было. Только моя жена. Они устроили ей допрос. Они спрашивали ее о моей дружбе с Сидоровским.

Хрущев. Это ловушка, Николай.

Булганин. Я тоже так думаю. Зачем они допрашивали мою жену? Они ее до смерти перепугали, бедняжку.

Хрущев. По-моему, Лаврентий перегибает палку.

Булганин. Да.

Хрущев. Тебе надо поговорить лично со Сталиным. Прямо заявить ему свой протест...

Булганин. Ты что, совсем спятил? Ты хочешь, чтобы я высказал упрек в сторону...

Хрущев. Нет, я не спятил. Ты должен поднять сегодня за ужином этот вопрос. Пожаловаться. Я буду всецело на твоей стороне.

Пауза.

Булганин. Меня пугает возросшее число самоубийств в последнее время.

Хрущев. К чему это ты?

Булганин. Это не его почерк. Я много лет дружил с Сидоровским. Он был моим другом. И это не его почерк. Понимаешь? Это уже переходит все границы. (*Шепотом*). Он не просто убийца, он жалкий халтурщик.

Хрущев. Кто?

Булганин. Как это кто?

Хрущев. Кто убийца-халтурщик?

Булганин. Что? Что ты мелешь?

Хрущев. Я просто повторил за тобой.

Булганин. А я ничего не говорил.

Хрущев. Как это ты ничего не говорил? Ты сказал...

Булганин. Что же я тебе такого сказал, Никита? Я ничего тебе не говорил, мы вообще с тобой не разговаривали.

Хрущев. Минуточку, только что...

Булганин. Ну, давай, перескажи мне наш разговор. О чем, бишь, мы говорили?

Хрущев. О... Я не знаю.

В этот момент Булганин резко поворачивается к двери, Хрущев, вслед за ним, делает то же самое.

Булганин. ... о пошлинах, не так ли?

Хрущев. О чем?

Булганин. Мы говорим о таможенных пошлинах, это очень актуальная тема, понимаешь, черт бы тебя побрал.

Хрущев. Ах, ну да, таможенные пошлины...

Булганин. Да, совершенно верно, пошлины, давай остановимся на них поподробнее. Итак, таможенные пошлины!

Хрущев. О, таможенные пошлины, они, как я только что тебе говорил, товарищ Булганин, они, по-моему, очень важны для народного хозяйства, пошлины – это такое дело, что...

Сцена вторая

В то время как Хрущев бормочет свою несумятицу, дверь приоткрывается и входит Георгий Максимилианович Маленков, заместитель председателя Совета министров СССР. Его невинное, даже кроткое лицо выражает крайнее утомление. В руках у него коробка внушительных размеров. Он одет очень тепло.

Хрущев. Георгий!

Маленков. Приветствую. Все в порядке?

Хрущев. Все великолепно. (*Указывает на коробку*). Что это ты принес?

Булганин. Здравствуй, Георгий.

Маленков ставит коробку на стол.

Хрущев. Ты выглядишь уставшим.

Маленков. Я не выгляжу уставшим. Я действительно очень устал.

Хрущев. Ну да, я вижу.

Маленков. А ты разве не устал?

Хрущев. Не более чем в другие дни.

Маленков. А я с ног валюсь. Знаешь, сколько часов я спал этой ночью? Ноль, ни одного.

Хрущев. Эх, загулял, загулял, загулял...

Булганин (*указывает на коробку*). Что это такое?

Маленков. Загулял? Если бы! Знаешь, во сколько я вчера отсюда ушел?

Хрущев. Вчера? Ты и вчера здесь был? С кем?

Маленков. Я, Берия, Василевский, Поскребышев и кто-то еще... (*Вспоминает*). Нет, больше никого не было. Только мы четверо и сам.

Хрущев. А я?

Маленков. Нет, тебя не было.

Хрущев. Да я знаю, что меня не было! Но почему?

Маленков. Я не знаю. Наверное, он о тебе забыл.

Хрущев. Черт!

Маленков. Ты ничего такого не пропустил, Никита. До шести тридцати! Мы пробыли здесь до шести тридцати! Когда я приехал домой, то совсем уже расхотел спать. Но я все же прилег, и, когда сон наконец, стал ко мне подкрадываться, знаешь, что произошло?

Хрущев. Ну откуда мне знать?!

Маленков. Зазвонил будильник. Клянусь тебе, в этот момент меня посетила мысль о самоубийстве.

Хрущев и Булганин многозначительно переглядываются.

Маленков. Да, уважаемые товарищи, годы берут свое. Я уже не то, что раньше. Как время летит. Раньше, бывало, встанешь засветло, и понеслось: собрания, доклады, а к вечеру товарищ Сталин собирает нас у себя, и мы едим, пьем и замечательно проводим время в его обществе. (*Хрущев и Булганин недоверчиво переглядываются*). А под утро вернешься домой, только чтобы позавтракать и опять на работу. И после обеда далеко не всегда остается время, чтобы прикорнуть полчаса. Вот как сегодня, например... Я валюсь от усталости.

Хрущев. Ты уже подумываешь о заслуженном отдыхе?

Маленков. Ты что, свихнулся? Я старый, да удалый. Маленкова еще надолго хватит.

Маленков и Хрущев смеются.

Булганин. Что это такое?

Маленков. О чем ты?

Булганин. О коробке.

Маленков. Хоть режь, хоть бей, только я и сам не знаю. Сам сказал, чтобы я принес ее сюда.

Булганин. Тяжелая?

Маленков. Не очень.

Хрущев. Наверное, очередные бумажки.

Маленков. Не думаю, слишком легкая для бумажек. (*Булганину, пристально рассматривающему коробку*). Сам сказал, чтобы мы к ней не прикасались и не выходили отсюда, пока он не придет.

Булганин. А где он?

Маленков. Прогуливается.

Булганин. На таком морозе?

Маленков. Не знаю, он сказал, что хочет прогуляться и обсудить кое-что с Лаврентием.

Булганин. С Лаврентием?

Маленков. Да, с Лаврентием, а чему ты удивляешься? Ты какой-то нервный сегодня. (*Хрущеву*). Что это с нашим Николаем?

Хрущев пожимает плечами.

Хрущев. Мне надо срочно выпить. Вы нигде тут вина не видели?

Маленков. Нет, я не видел. Может, стоит позвать...

Булганин (*Маленкову, не дает ему договорить*). Где ты их видел в последний раз?

Маленков. Что?

Булганин. Где ты видел в последний раз товарища Сталина и Лаврентия?

Маленков. Несколько минут назад они направлялись к пруду.

Булганин. Я должен их найти.

Хрущев. Зачем? Они сейчас придут.

Маленков. Сам настаивал, чтобы мы дождались его здесь.

Булганин. Я здесь задохнусь. Мне нужно пройтись. Я найду их.

Маленков. Как хочешь, конечно. Но сам...

Булганин берет пальто, шляпу и перчатки и поспешно выходит.

Маленков. С Николаем что-то происходит. Чем он расстроен? Ты случайно не в курсе, что могло случиться?

Хрущев. Я думаю, это из-за Сидоровского.

Маленков. А что случилось с Сидоровским?

Хрущев. Ты разве ничего не знаешь?

Маленков. А что я должен знать?

Хрущев. Кажется, он покончил с собой.

Маленков. Сидоровский? Покончил с собой?

Хрущев. Вроде бы да.

Маленков (после продолжительной паузы). Мне трудно в это поверить.

Хрущев. Мне тоже.

Маленков. У него вроде все было хорошо.

Хрущев. Да, всем так казалось.

Маленков. Это наверняка из-за какой-нибудь юбки.

Хрущев. Не думаю. Мы уже большие мальчики, это вряд ли могло стать причиной...

Маленков. С кем он крутил шуры-муры в последнее время?

Хрущев. А я-то откуда знаю. Спроси у Булганина.

Маленков. Хотя, какая теперь разница.

Хрущев. Да, теперь никакой.

Пауза.

Хрущев. Послушай, Георгий, я хочу тебя кое о чем спросить.

Маленков. Спрашивай.

Хрущев. Ты не слышал, чтобы в последнее время обо мне говорили плохо?

Маленков. Нет, а почему ты спрашиваешь?

Хрущев. Так, любопытство. (Пауза). Даже Сталин?

Маленков. Что?

Хрущев. Он при тебе не ругал меня? Или, может, ты случайно слышал, что он что-нибудь такое сказал про меня, такое...

Маленков. Нет, правда, нет.

Хрущев. У нас с тобой пакт, ты помнишь?

Маленков. Ну конечно, помню. Поэтому будь спокоен, Никита. Ты защищаешь меня, я защищаю тебя.

Хрущев. Вот именно.

Маленков. Нет, не думаю, что кому-нибудь приходило в голову избавиться от тебя. А ты ничего такого про меня случайно не слышал?

Хрущев. Ничего, кроме привычных для тебя хвалебных отзывов. Все восхищаются твоей работоспособностью.

Маленков. Да, я хороший работник.

Хрущев. Еще бы, я в этом никогда не сомневался.

Маленков. Кстати, ты случайно не знаешь, что сегодня на повестке дня?

Хрущев. На повестке? А почему ты спрашиваешь? Я думал, это будет дружеская встреча. Выпьем, закусим, шутки пошутим, послушаем самого... Хотя, думаю, пришло время поговорить о таможенных пошлинах.

Маленков. Нет, я не о том спрашивал. Другие, более серьезные вопросы будут сегодня рассматриваться?

Хрущев. Я не о чем таком не слышал.

Маленков. Значит, только пошлины?

Хрущев. Насколько мне известно, только пошлины.

Долгая пауза.

Маленков. Кремлевская тайна номер один – это зачем товарищу Сталину вообще нужны советники?

Хрущев. Чтобы он всегда был уверен в нашей преданности.

Маленков. В преданности? Он же видит, что мы пашем как лошади. К тому же, если мы не знаем, о чем он думает, откуда нам знать, что должны думать мы? Разве справедливо то, что он сначала спрашивает нас, и только затем высказывает нам свое мнение. Похоже, в последнее время эта игра его особенно забавляет.

Хрущев. Ты прав, это несправедливо. Как можно доказать свою преданность тому, кто не говорит

тебе ясно и понятно, что именно ты должен думать. Но, знаешь, в этом вся суть большой политики. Надо уметь угадывать. Мы идем по тонкому льду. И чем выше ты поднимаешься по служебной лестнице, тем больше подозрений вызываешь.

Маленков. Согласно этой теории, Сталин больше всех нас заслуживает подозрений.

Хрущев. Почему? Я как раз думаю, что Сталин вряд ли может предать идеи сталинизма.

Маленков. Здесь, товарищ Хрущев, сомнений быть не может.

Пауза.

Маленков. Может, он просто был болен?

Хрущев. Кто?

Маленков. Сидоровский. Может, поэтому он покончил с собой. Онкология или еще что-нибудь.

Хрущев. «Он покончил с собой, испугавшись смерти». Не очень умно для думающего человека. А Сидоровский был не дурак.

Маленков. Тогда, может быть... может быть, это было не самоубийство?

Хрущев. А что тогда?

Маленков. Ничего, забудь, что я тебе сказал. Ты не нашел вина? Меня все еще трясет от холода.

Хрущев (*смотрит по сторонам*). Нет, я не нашел вина. Кто-то унес его отсюда. (*Пауза*). Странно.

Маленков. Что странно?

Хрущев. Да так, вот эта коробка.

Маленков и Хрущев разглядывают коробку.

Хрущев. Ты действительно не знаешь, что там внутри?

Маленков. Нет.

Хрущев. Слушай, а за Сидоровским случайно не было слежки?

Маленков. Слежки? Зачем? Насколько мне известно, нет.

Хрущев. Я и сам не знаю, зачем спрашиваю тебя об этом. Что же это за коробка такая?

Маленков. Я же сказал тебе, что я не знаю.

Хрущев. Что-то она вызывает у меня беспокойство. Это Сталин тебе ее дал?

Маленков. Да.

Хрущев. Он сказал тебе, чтобы ты принес ее сюда, не так ли? И что мы должны здесь дожидаться его, правильно?

Маленков. Да, так он и сказал.

Хрущев. А если он не придет? Если он не появится здесь, пока... эта коробка... эта сраная коробка... не взорвется?

Маленков. Что?

Хрущев. А почему ты думаешь Булганин пулей вылетел отсюда, как только увидел ее? А? Потому что он подумал о том же самом, только раньше меня.

Маленков. Господи, ты вправду так думаешь?

Хрущев утвердительно кивает.

Маленков. А почему Булганин нам ничего не сказал? Вот сволочь!

Хрущев. Сволочь, да еще та!

Маленков. И ты действительно думаешь, что в этой коробке...

Хрущев. Я не исключаю такой возможности.

Маленков. Сукин он сын, этот Булганин.

Хрущев. Ага.

Хрущев берет свое пальто. Маленков следует его примеру.

Хрущев. Я не хочу здесь оставаться с этой коробкой.

Маленков. Слушай, а ты не преувеличиваешь? Ну зачем Сталину погребать нас под обломками своей дачи?

Хрущев. А с каких пор Сталину нужны мотивы? Зачем тогда он все время талдычит: «Я думаю, пришла пора заменить большую часть членов Политбюро».

Маленков. По-моему, это уже паранойя.

Хрущев. Этого я тоже не исключаю. Ты остаешься?

Маленков. Он настаивал, чтобы мы дожидались его...

Хрущев (*перебивает его*). Вот именно. Я тоже хочу пройтись. У меня ноги затекли.

Маленков. Тогда я пойду с тобой, у меня тоже ноги зате...

Хрущев и Маленков направляются к выходу, они очень торопятся, как в свое время Булганин. Открыв дверь, они лицом к лицу сталкиваются со Сталиным.

Сцена третья, заключительная

Минуло восемь лет с той самой неофициальной встречи с Черчиллем. И эти годы не прошли даром. Сталин сильно растолстел, у него отвис живот, на затылке виднеются складки, брюки висят гармошкой. Но это еще не все. У него наблюдается синдром Альвареса. Ум его совершенно затуманен ате-

росклерозом, что является причиной кратковременных, а иногда и продолжительных галлюцинаций и маний преследования. Например, ему все кажется, хотя чего тут удивительного, что Лаврентий Павлович Берия превратился в его тень. Берия – круглолицый, сладкоголосый, дружелюбный на вид человек, о котором в жизни не скажешь, что это именно он заведует внутренними делами государства. Итак, в комнату входят Сталин и его страшная тень, Лаврентий Берия, полноправный хозяин лубянского подземелья.

Сталин (сталкивается с Хрущевым и Маленковым). Куда это вы так торопитесь?

Хрущев. Мы за Вами.

Маленков. Вы задерживались.

Сталин. Но я ведь уже здесь.

Хрущев. Как поживаете, Иосиф Виссарионович?

Сталин. А ты?

Хрущев. Я?

Сталин. Как ты поживаешь?

Хрущев. Я хорошо, вполне хорошо. Здравствуй, Лаврентий.

Берия. Товарищ Хрущев.

Хрущев. Ой, какая у тебя рука холодная.

Берия. Там, на улице, жуткий холод.

Хрущев. А не выпить ли нам по бокальчику винца? Крымского! Извините, я не вижу, где вино. Его нет?

Берия. А где Николай? (Смотрит на часы). Он все еще не подошел?

Маленков. Он ушел за вами. Вы его разве не видели?

Берия. Нет.

Маленков. Он прямо пулей вылетел. Даже не понятно, почему.

Маленков и Хрущев переглядываются и смеются.

Маленков. Я умираю от голода.

Хрущев. Я тоже.

Открывается дверь, и входит Булганин.

Булганин. Добрый вечер, Иосиф Виссарионович. (Протягивает руку Сталину. Сталин прохладно отвечает на приветствие. Оборачивается к Берии). Здравствуй, Лаврентий.

Берия. Приветствую. Ты не замерз?

Булганин. Да, там очень холодно.

Хрущев. А где же вино? Мы что же в сухую будем сегодня заседать?

Сталин. А ну-ка прекратить!

Все замерли, как парализованные.

Сталин прогуливается по комнате.

Сталин. Уберите все со стола. Я сказал, чтобы вы все...

Все, кроме Берии, принимаются расчищать стол от бумаг и книг.

Сталин. Так-то лучше. (Указывает на диван). Кладите вон там. (Хрущеву). Нет, коробку не трогай. (Пауза). Коробка нам еще понадобится.

Наконец стол расчищен. Кажется, Хрущев собирается что-то сказать, но затем решает промолчать.

Сталин. Садитесь.

Все, кроме Берии, садятся.

Сталин. Ты тоже, Лаврентий.

Берия садится. Сталин идет к патефону.

Сталин (заводит патефон). Помнится, однажды я запустил в своего отца кинжалом. Мне было шесть лет. Звучит женский оперный голос, ей подвывает собака.

Приглашенные слушают и переглядываются, не зная, как себя вести. Сталин достает свою трубку и задумчиво посасывает ее, хотя в ней нет табака. Это совет лечащего врача.

Спустя какое-то время Сталин снимает иглу с пластинки.

Сталин. Я думаю, пришла пора заменить большую часть членов Политбюро. (Пауза). Смешно. (Подходит к Булганину и кладет руку ему на плечо). Среди нас есть предатель. (Отходит от Булганина).

Сегодня ужина не будет. (Пауза). Сегодня я не разрешаю вам рассказывать пошлые анекдоты, к которым вы так привыкли. Если вы не забыли, вы являетесь членами Совета министров, а не крестьянами, убивающими время в таверне. (Пауза). Так что никакого ужина. До тех пор, пока мы не решим этот вопрос. Времени у нас достаточно. Времени у нас сколько угодно. (Пауза). Утром снова выйдет солнышко. (Пауза). Но уже не для всех. Хорошо. Думаю, что теперь мы все всё прекрасно поняли.

Сталин достает бутылку вина и четыре бокала. Ставит их на стол. Садится рядом с приглашенными. Продолжает посасывать свою пустую трубку.

Сталин. Наливайте. (Они разливают себе вино). Я хочу, чтобы вы выпили за мое здоровье. Нет, не надо никаких тостов. Просто, молча. (Пьют). Так лучше. Пейте. Отлично. Идеально. Наливайте еще.

Так. А теперь я задам свой вопрос. Я хочу спросить вас о том, что вы думаете о...

Все нервно переглядываются.

Сталин. Мне интересно послушать ваше мнение о... (Пауза). ...о Достоевском.

Тишина. Все в замешательстве переглядываются.

Хрущев. Наше мнение о чем?

Сталин. О Достоевском.

Тишина.

Никто не хочет отвечать первым.

Сталин. Не понимаю, я, что, плохо сформулировал свой вопрос? Я хочу знать, что вы думаете о Достоевском?

Хрущев. На мой взгляд, он не очень подпадает под жесткие требования соцреализма.

Сталин утвердительно кивает.

Булганин. Я совершенно согласен. Существование литературы, так мало отвечающей требованиям партии, недопустимо.

Сталин цокает языком.

Маленков. Позволю себе повторить Ваши слова, высказанные в «Правде», о том, что влияние этого писателя на нашу молодежь может быть пагубным. Думаю, нам не стоит печатать его произведений.

Сталин изображает скуку.

Сталин. А ты, Лаврентий, почему не отвечаешь?

Берия. Достоевский?

Сталин. Вот именно, Достоевский.

Берия. Я, скромненько, предпочитаю ему Горького. Достоевский как ни крути – это порождение буржуазной литературы, поэтому не думаю, что писатели должны иметь особые привилегии, они, как и все, одинаковы перед требованиями Партии.

Сталин изображает невероятную скуку.

Берия. Полный запрет на буржуазную литературу!

Напряженное молчание.

Сталин. Да, все что вы говорите, совершенно справедливо. Но ведь он великий писатель!

Берия. Он великий писатель!

Хрущев. Да уж, этого у него не отнимешь.

Булганин. Я совершенно согласен.

Сталин. Не слышу твоего ответа, Маленков.

Маленков. Ну я в общем и целом не имею возражений.

Сталин. Надо же. Просто удивительно. Товарищ Маленков не имеет возражений. Но что значит «в общем и целом»? Не мог бы ты высказаться поподробнее? Какая такая частность вызывает у тебя возражения.

Маленков. Наверное, я неправильно выразился. Я совершенно со всем согласен. Это великий писатель.

Сталин. Раз он такой великий, не думаешь ли ты, что нам следует разрешить издание его книг в Советском Союзе?

Маленков. Эээ... Ну... Я не знаю... Я не специалист в этой области... Я затрудняюсь ответить.

Сталин. Но ведь он великий писатель, не так ли?

Маленков. Несомненно.

Сталин. Тогда в чем твое сомнение?

Маленков. Сказать по правде, я совершенно некомпетентен в этом вопросе... Я... Я за всю жизнь не прочел ни одной его книги. Что, конечно, не означает... Не... Что он писатель огромного дарования.

Сталин. Насколько огромного, товарищ Маленков?

Сталин раздражается громким смехом, все, кроме Маленкова, подхватывают.

Сталин. Георгий – это самая лучшая стенографистка, тут не надо думать или принимать решений.

Все смеются. Маленков тоже смеется, через силу.

Сталин. Ну все. Посмеялись и хватит. Теперь молчать. По-моему, вы так и не поняли, что дело серьезное. Вам кажется, я в игрушки здесь играю, только это никакие не игрушки. Ничего смешного. Пейте.

Пьют.

Сталин. А теперь я загадаю вам загадку. Маленькую, несложную загадку. Хорошо. Мы с Лаврентием прогуливались сейчас в саду. На улице стоит страшный мороз. Я хочу, чтобы вы сказали мне, сколько именно градусов за окном. За каждый неправильно сказанный градус вам придется выпить по бокалу вина. Крымского вина, которое так любит алкаш Никита. Неплохое вино. Я забочусь о вас, да? А вы обо мне? Тут я уже сомневаюсь. Итак, ваши предположения. Лаврентий, начнем с тебя.

Берия. Я думаю, около девятнадцати градусов. Да, девятнадцать градусов мороза.

Сталин. Отлично. Кто следующий?

Хрущев. Может, восемнадцать? Я, правда, не знаю.

Маленков. Я тоже думаю, что восемнадцать.

Сталин. Кто-то еще остался. Кто еще не говорил?

Маленков. Николай.

Сталин. Спасибо, Георгий. Ну, что же скажет товарищ Булганин?

Булганин молчит.

Сталин. Посмотрите на него, расселся, думает, что он Иисус Христос, как будто все это не про него. Чего ты уставился на меня, как будто ты Иисус?

Булганин. Я не понимаю, к чему все это, дорогой Иосиф Виссарионович.

Сталин. Я тебе не дорогой. Никаких «дорогой», «любимый» мне не надо. По-моему, вы забыли, что у нас сегодня серьезный разговор. Шутки кончились. Понятно? Если ты не ответишь на мой вопрос, мои подозрения падут на тебя.

Булганин. Двадцать один. Я думаю, что на улице двадцать один градус ниже нуля.

Сталин. Прекрасно, просто прекрасно. *(Пауза)*. А теперь отгадка! Никита и Георгий выпьют по три бокала вина, а Лаврентий – два. Наш дорогой товарищ Булганин выпьет пять бокалов.

Булганин. Пять? Но почему? Сколько на самом деле градусов мороза за окном?

Сталин. Сколько градусов? На самом деле? А какая разница? Мы, кажется, не в казино сидим?

Сталин встает, идет к буфету, роется в лекарствах, выпивает две таблетки разных цветов.

Сталин. Ты думаешь, я не знаю, что ты за мной следишь?

Булганин. Что?

Сталин. Например, вчера. Что ты делал в кинотеатре? Ты ведь пришел туда, потому что знал, что я там буду. А откуда ты мог это узнать? Кто тебе сказал? Кто? Признавайся, кто?

Булганин *(после непродолжительной паузы)*. Мне сказал твой секретарь.

Сталин. Мой секретарь? Это невозможно! Я не сказал своему секретарю, куда направляюсь.

Булганин. И тем не менее он был в курсе, иначе откуда бы я узнал.

Сталин. Товарищ Булганин, Вы пытаетесь обвинить в чем-то моего секретаря? Я правильно тебя понял? Ты же знаешь, я ненавижу двусмысленности.

Булганин. Нет, я никого ни в чем не обвиняю. Я просто сказал, что узнал о том, что Вы будете в кино от Вашего секретаря. Это еще не обвинение.

Сталин. Значит, ты хотел меня видеть? Тогда почему же ты не сказал мне ни слова?

Булганин. Да, но в кино я пошел не затем, чтобы встретиться с Вами. Я позвонил Вам для того, чтобы обсудить вопрос о таможенных пошлинах, и...

Сталин. В последнее время, все мне только и твердят, что о таможенных пошлинах! По-вашему в Советском Союзе не осталось больше никаких проблем? *(Пауза)*. То есть ты хотел поговорить со мной о таможенных пошлинах? Тогда почему же ты этого не сделал?

Булганин. Я посчитал, что не место говорить о таможенных пошлинах в кино, что еще будет возможность обсудить этот вопрос. Дело в том, уважаемый Иосиф Виссарионович, что когда Ваш секретарь сказал мне, что Вы в кино, мне пришло в голову, что я тоже могу позволить себе полтора часика отдыха в кинозале.

Сталин. Если я Вас правильно понял, товарищ Булганин, Вы отправились в кино только для того, чтобы посмотреть фильм, на меня Вам при этом было абсолютно наплевать. Не знаю, верно ли я выразил Вашу мысль, уважаемый Николай Александрович. Тебе совершенно не хотелось меня видеть, и поэтому ты даже не стал со мной разговаривать.

Булганин. Нет, что Вы, Иосиф Виссарионович, для меня встреча с Вами – это всегда повод для радости, Иосиф Виссарионович, я, Иосиф Виссарионович, просто не решился Вас побеспокоить, Иосиф Виссарионович, Вам ведь тоже надо отдыхать от нас. Я подумал, что еще будет возможность поговорить о таможенных пошлинах.

Сталин *(после непродолжительной паузы)*. Тогда говори.

Булганин. Что?

Сталин. Давай поговорим о таможенных пошлинах. Или здесь опять не время и не место говорить на тему таможенных пошлин? Что же тебя так обеспокоило в таможенных пошлинах? Вернее, всех вас. Всех здесь присутствующих. В последнее время я только и слышу от вас про эти таможенные пошлины. В чем же дело? Я совсем запутался. Что же не так с таможенными пошлинами? Почему они не дают вам покоя? Мне, например, смертельно скучно говорить о таможенных пошлинах. Но, если товарищ Булганин так настаивает, что ж, мы, скрепя сердце, потерпим и выслушаем его доклад на тему таможенных пошлин, чтобы забыть об этом раз и навсегда. Итак, в чем проблема? Кто-нибудь может объяснить мне доходчиво? Я жду. Вы мне ее изложите, мы все обсудим, а затем забудем об этом навсегда, договорились? *(Пауза)*. Но сначала я выскажу вам свое мнение по этому вопросу. Похоже, этот ажиотаж возник в связи с возможным таможенным объединением Румынии и Болгарии, я ничего не перепутал?

Булганин. Вы совершенно правы.

Сталин. Это собачья чушь! Все эти объединения – глупые фантазии. *(Пауза)*. Кто хочет что-нибудь добавить?

Хрущев *(нерешительно поднимает руку)*. Однако у нас есть примеры таможенного объединения, которое оказалось весьма успе... не совсем провальным. Не во всем, естественно.

Сталин. Например.

Хрущев. Например, Бенилюкс. Таможенный союз Бельгии, Люксембурга и Голландии, объединившихся...

Сталин. Нет. Голландия нет. Только Бельгия и Люксембург. Два крошечных государства, меньше некоторых наших деревень, они вообще не принимаются в расчет. Этот пример никуда не годится.

Хрущев. Но...

Сталин. Что? Что еще ты хочешь сказать?

Хрущев. Только то... что Голландия тоже... Тоже входит в Бенилюкс.

Сталин. Нет, Голландия никуда не входит. *(Пауза)*. Голландия не входит ни в какой там Бенилюкс.

Булганин. Товарищ Сталин...

Сталин. Что?

Булганин. Нет, ничего.

Сталин. Я сказал, что Голландия не входит в Бенилюкс, и если я говорю нет, это значит, нет. *(Пауза)*. Есть еще вопросы?

Булганин. А можно... можно выйти.

Сталин. Нет, нельзя. Есть еще вопросы?

Хрущев. Государственный Банк.

Сталин. Что не так с Государственным Банком?

Хрущев. Сидоровский.

Сталин. Что Сидоровский?

Хрущев. Кажется, Сидоровский покончил с собой вчера на рассвете. Мне так сказали.

Сталин. Кто тебе это сказал?

Хрущев. Товарищ Булганин.

Сталин. Значит, товарищ Булганин?

Сталин смотрит на Булганина, который в свою очередь бросает испепеляющие взгляды на Хрущева.

Хрущев. Дело в том, что на данный момент Государственный Банк остался без ответственного лица. Это слишком важный пост, чтобы оставлять его вакантным даже два дня.

Сталин. У тебя есть предложения?

Хрущев. Да.

Сталин. Кто?

Хрущев. Александров.

Сталин. Александров... Что скажут остальные о кандидатуре Александрова?

Маленков. Здесь нужно подумать.

Сталин. Александров... Очень одаренный экономист.

Булганин. Да, это верное замечание.

Маленков. Я даже больше скажу, он экономический гений.

Сталин. А ты, Лаврентий Павлович, что скажешь?

Берия пожимает плечами.

Хрущев. Так, значит, тебе нравится мое предложение? Если позволите, я сам сообщу ему завтра эту новость.

Сталин. Какую новость?

Хрущев. Ну... что он теперь возглавляет Государственный Банк.

Сталин. Что ж, Никита, я не могу тебе отказать. Скажи ему сам, но только я не думаю, что он согласится.

Хрущев. Как он может не согласиться? Я уверен, что он будет просто счастлив оказанным ему доверием. Это очень важная и ответственная должность.

Сталин. Только боюсь, что для встречи с ним тебе придется спуститься в ад. Его расстреляли два часа назад. Не так ли, товарищ Берия?

Берия утвердительно качает головой.

Хрущев. А... а за что?

Берия. По подозрению в измене Родине.

Сталин. Дорогой Никита, зачем нашей Партии хорошие экономисты, если они готовы в любой момент предать нас? Лаврентий показал мне стенографию допроса.

Хрущев. И в чем он сознался?

Сталин. Расскажите ему, товарищ Берия.

Берия. Он сознался в своей невинности.

Сталин. Вы только подумайте.

Берия. Он не только был предателем, он и на допросе лгал нам.

Сталин. Это просто невероятно.

Берия. Только это еще не все. Когда его вели на расстрел, он кричал: «Я невиновен! Да здравствует Партия! Да здравствует Сталин!»

Сталин. Некоторые, даже когда их поставишь к стенке, думают, что у них есть право на советскую Родину.

Берия. Он умер, так и не попросив прощения. Помимо всего прочего, он был еще и страшным гордецом.

Сталин. Видите? Партия, по-моему, не нуждается в таких экономистах, как Александров.

Берия. По правде сказать, он не только был сионистом, он еще и готовил заговор, чтобы отделить Крым от СССР.

Хрущев. А зачем ему это было надо?

Берия пожимает плечами.

Маленков. Я думаю, что единственным правильным решением для такого человека был расстрел.

Хрущев (Берии). Надеюсь, у вас были неоспоримые доказательства его вины.

Берия. Вы в чем-то меня подозреваете, товарищ Хрущев?

Хрущев. Нет, просто мне интересны обстоятельства этого дела.

Берия (с намеком). Я знаю, что вы были близкими друзьями.

Хрущев. А зачем ты это говоришь? Мы не были друзьями. Вообще, я всегда относился к нему с подозрением.

Берия. С подозрением? Тогда зачем ты предлагал его кандидатуру на пост главы Госбанка?

Хрущев. Только потому, что он был великолепным экономистом. Но если этот хороший экономист хотел, по одному ему известным причинам, отделить Крым от Советского Союза, тогда все правильно, его надо было заставить признаться в том, что он невиновен.

Сталин (с раздражением). Хватит. Я устал от политики. Вы, политикины... Вы... Не знаю, мне кажется, вы до конца не понимаете, что на самом деле происходит. Думаете, мне все это нравится? Нет, мне все это не нравится. Все, что происходит, вызывает во мне чувство глубокого отвращения. Вы думаете, что это моя вина? Нет, я здесь не причем. Хотите помочь мне? Вы можете помочь мне найти предателя? Он один из нас, один из тех, кто сидит за этим столом.

Молчание.

Сталин. Значит, никто не желает мне помогать. Даже ты, Лаврентий?

Берия. Я всегда к Вашим услугам.

Маленков. Я тоже.

Хрущев. Если среди нас есть предатель, мы раскроем его.

Сталин. А ты, Николай. Ты почему молчишь?

Булганин. Я... Я ничего не сделал, Иосиф Виссарионович.

Сталин. Ты ничего не сделал? Значит, ты должен быть совершенно спокоен. Я могу на тебя рассчитывать.

Булганин. Конечно.

Сталин. Хорошо. Я рад. А теперь пейте, так мы развяжем предателю язык.

Пьют.

Сталин. Друзья, время близится к полуночи. Менее чем через час все должно быть решено. По моим подсчетам. Я рассчитываю на вашу помощь. Менее чем через час нам откроется имя того, кто нам лжет, кто следит за нами, имя предателя. Тем временем мы можем поужинать. Никому не стоит волноваться. Никому из тех, кто чист передо мной.

Сталин встает. Надевает женскую шляпку, которая ему очевидно мала.

Сталин. Посмотрите на меня. *(Все оборачиваются к нему).* Что скажете? Мне прислала ее одна француженка, подарок на День рожденья. Это шляпка ее двенадцатилетней дочери. Гестаповцы пытали ее. Они замучили бедную девочку до смерти. Кажется, вы уже совсем закостенели. Может быть, немного музыки?

Сталин снова ставит знакомую нам пластинку, дуэт оперной певицы и собаки.

Сталин неуверенно танцует.

Его прислужники замороженно смотрят.

Сталин. Я уже не тот, что раньше. Старость измывается надо мной как хочет.

Берия. Нет, нет, это не так.

Сталин. Я стал стариком.

Хрущев. Стариком? Это даже смешно!

Маленков. Вы в прекрасной форме. Вы великолепно выглядите.

Булганин. Для Ваших лет...

Сталин. Заткнись.

Сталин идет к патефону, снимает пластинку и возвращается к ним. Шляпа все еще на нем.

Сталин. Жить мне осталось несколько лет или даже месяцев. Или, и я прошу принять это к сведению, я проживу еще очень долго.

Хрущев встает, подходит к Сталину и по старой русской традиции поднимает бокал.

Хрущев. В мире нет человека более известного, более любимого и уважаемого, чем наш дорогой товарищ Сталин. Я хочу еще и еще раз пожелать нашему великому, драгоценному Сталину, нашему кормчему, нашему учителю и другу крепкого здоровья и долгих лет жизни на благо нашему великому народу и на счастье всего передового человечества.

Все встают, поднимают бокалы и пьют.

Сталин. Спасибо, товарищи.

Булганин. А сейчас можно выйти?

Сталин. Куда?

Булганин. Я сейчас описаюсь.

Сталин. Ладно, беги.

Булганин. Спасибо, Иосиф Виссарионович.

Булганин быстро направляется к выходу. Сталин ждет, пока он выйдет. Затем снимает шляпку, берет телефон и набирает номер.

Сталин (по телефону). Проследите за Булганиным. Он идет в уборную. Не дайте ему уйти. (Кладет трубку). Этот Булганин... Не доверяю я ему. А Вы что о нем думаете?

Долгая пауза.

Берия. Что можно думать о таком, как он. Не знаю, я в принципе о нем не думаю.

Хрущев. Он очень нервничает в последнее время. К чему бы это?

Маленков. Может, у него совесть не чиста.

Сталин. И он следит за мной. Не знаю, зачем. Но он за мной следит.

Долгая пауза.

Берия. Сегодня утром мои люди провели беседу с его женой.

Сталин. И что?

Берия. Она очень... нервничала.

Сталин. Думаете, они что-то скрывают?

Маленков. Это не исключено.

Хрущев. Кто знает. Только мне показалась неубедительной его история про кино. Зачем он туда ходил? Он следил за Вами, Иосиф Виссарионович.

Берия. А как он узнал про Сидоровского?

Хрущев. Они были близкими друзьями, это ни для кого не секрет. Однако...

Сталин. Что? Говори!

Хрущев. Не знаю, в последнее время он какой-то беспокойный.

Маленков. Да, я тоже это заметил.

Сталин. Что же является причиной для беспокойства?

Берия. Двурешничество.

Хрущев. Я бы сначала его самого об этом спросил.

Берия. Да так он нам и сказал. Не будь наивным.

Маленков. Тут надо уметь спросить, товарищ Берия. А в этом тебе нет равных.

Сталин. Равных Берии? Щас!

Пауза.

Хрущев. Я думаю, что Булганин относится к самоубийству Сидоровского с недоверием. Он думает, что оно было спровоцировано.

Берия. С недоверием? А почему? (*Хрущев пожимает плечами*). Кем же оно было спровоцировано?

Хрущев. Я не знаю. Только когда он мне об этом рассказывал, у него был очень загадочный вид. Я бы на твоём месте присмотрел за ним, Лаврентий.

Берия. Он действительно вызывает подозрения. Надо будет им заняться.

Хрущев. Думаю, нам не стоит делать поспешных выводов. «Заняться» им ты всегда успеешь. Он один из наших самых старых партийцев. Мне кажется, что обычной слежки будет достаточно, не привлекая при этом его семью. По крайней мере, пока.

Маленков. А я думаю, Лаврентий прав, им надо заняться. Причем как следует, если речь идет о безопасности Партии, тут уже не до чувствительных членов семей...

Берия. Поддерживаю. Если товарищ Сталин одобряет, мы займемся Булганиным. Ваше слово, Иосиф Виссарионович.

Сталин. Мы еще посмотрим.

Все смотрят на дверь.

Входит Булганин.

Булганин. Все в порядке?

Маленков. Да, а что может быть не в порядке?

Хрущев. Я проголодался.

Берия. Я тоже. Я с утра ничего не ел.

Маленков. Товарищ Сталин, может, пусть уже подают?

Булганин. Да, давайте поужинаем. Похоже, что мы несколько переоцениваем ситуацию, не так ли? Мы старые товарищи. Сколько мы уже стоим локоть к локтю на страже наших великих идей? Сколько лет? Сразу и не посчитаешь.

Хрущев. А что у нас сегодня на ужин?

Сталин бьет кулаком по столу.

Все замирают в испуге.

Сталин. В западных газетах советское правительство сравнивают с зоопарком. К огромному своему огорчению, я вынужден в этом пункте согласиться с ними. Вы только и думаете что о жратве.

Никто не решает даже бровью повести.

Сталин. Пора кончать с этим. Я ненавижу разбрасываться словами.

Все снова садятся.

Сталин сосет свою пустую трубку.

Сталин. Что нам нужно? Я отвечаю вам, внимайте и запоминайте: мы должны, во-первых, атаковать, во-вторых, атаковать и, в-третьих, атаковать. Нам нужно, не прекращая, наносить удары. *(Пауза)*. Революции мало держать оборону на куче навоза или в свинарнике. Наше дело очистить все свинарники Союза Советских Социалистических Республик. *(Пауза)*. Наша революция похожа на Сибирь, если она не убивает слабых и малодушных, она на веки исцеляет их. *(Пауза)*. Я уже слишком стар...

Булганин *(встает, чтобы произнести тост)*. Дорогой товарищ...

Сталин. Ну-ка сядь!

Булганин садится.

Сталин. Хорошо. Через несколько мгновений мы узнаем имя предателя. *(Пауза)*. Кто может сказать мне, что в этой коробке?

Все, кроме Берии, отрицательно качают головой.

Сталин. Георгий, неужели даже ты не знаешь?

Маленков отрицает.

Сталин. А ты, Никита, как ты думаешь, что в этой коробке?

Хрущев. Я ничего не думаю, потому что не знаю, что там.

Сталин. Твоя очередь, Николай.

Булганин. Я не знаю.

Сталин. Лаврентий. Я уверен, что Лаврентий уже догадался.

Лаврентий откашливается, затем отрицательно кивает.

Сталин. Тогда я спрошу иначе: «Где живет Гамлет?»

Никто не отвечает.

Сталин. Невероятно. Тишина. Вы даже не догадываетесь. Откройте коробку. Откройте ее.

Никто не трогается с места.

Сталин. Николай, открой коробку.

Булганин открывает коробку.

Сталин. Итак, что там?

Булганин. Кажется... это кости.

Сталин. Кости? Давай, выкладывай их на стол.

У Булганина на глазах выступают слезы. Сталин смотрит на него в бешенстве. Булганин выкладывает на стол кости, как ему было приказано. Сталин берет в руки обгоревший и сломанный череп.

Сталин. Где живет Гамлет?

Маленков. Иосиф Виссарионович, я, конечно, очень извиняюсь, но, по-моему, я не понял вопроса.

Пауза.

Сталин. Ни для кого не секрет, что русские люди не семи пядей во лбу. Мало кому придет в голову оспаривать то, что мы эдакие туповатые простачки. В Европе излюбленной темой является обсуждение безграничной тупости наших людей. *(Пауза)*. Товарищ Булганин?

Булганин выражает непонимание.

Сталин. Лаврентий? Может, ты наконец ответишь мне.

Берия *(опять откашливается)*. Гамлет?

Сталин. Гамлет, принц датский.

Берия. Где он живет... *(Откашливается)*. В Дании?

Пауза.

Берия. Чьи они?

Сталин. Кто?

Берия. Эти кости. Чей это скелет? *(Встает)*. Я ухожу.

Сталин. Нет, ты останешься. Похоже, вы так меня и не поняли. Здесь вам не игрушки. Если кто-нибудь посмеет выйти из этой комнаты, он немедленно будет рас... Лаврентий, не торопись. Среди

нас есть предатель. А теперь ответ... точно никто не знает ответа? Правильный ответ: «Гамлет живет в Кремле». Гамлет... К чертям собачьим. Я тоже буду пить с вами.

Сталин пьет.

Берия. Иосиф Виссарионович, чьи это кости?

Сталин. Я скажу вам, что надо делать. Видите этот череп? Я хочу, чтобы вы его поцеловали. Каждый из вас. Поочередно. Вперед. *(Пауза)*. Я пойму, кто из вас предатель, когда увижу, как вы его целуете. Держи.

Сталин протягивает череп Маленкову.

Сталин. Целуй его.

Маленков целует череп и передает его Хрущеву, тот в свою очередь делает то же самое и протягивает череп Булганину. Булганин целует череп и хочет передать его Берии, но тот не берет его. Он даже не смотрит в его сторону.

Сталин. Товарищ Берия, Ваша очередь.

Берия *(указывает на Булганина)*. Вот кто предатель! Разве вы до сих пор этого не поняли? Он предатель!

Сталин цокает языком.

Сталин. А ты, Лаврентий, ты чист?

Берия. Да!

Сталин. Тогда тебе нечего бояться. Целуй череп.

Берия берет из рук Булганина череп и целует его.

Затем возвращает череп Сталину.

Сталин. Ну вот и все, сомнений быть не может. Все решено. *(Долгая пауза. Сталин ходит по комнате, он о чем-то задумался)*. Лаврентий Павлович Берия – Вы обвиняетесь в измене родине. Товарищи, Берия и есть тот предатель, что затесался в наши ряды. Ты предал нас.

Берия. Но почему я? Нет! Я никого не предавал. Почему именно я, неужели нельзя было обвинить другого? В чем мое предательство? Нет!

Берия трясется как осиновый лист, он падает перед Сталиным на колени и целует ему руку. Хнычет.

Берия. Дорогой, любимый Иосиф Виссарионович, прости меня! Ты знаешь, что я все эти годы был тебе вернее пса, прости меня. Я клянусь, я исправлюсь, я снова буду верно служить тебе. Прости меня!

Сталин. Я бы с радостью простил тебя, Лаврентий. Если бы дело было только во мне...

Берия. Да, умоляю, заклинаю, прости меня! Вспомни все те годы, что я служил тебе верой и правдой!

Сталин. Прошлое принадлежит Богу, а Бог, как вы знаете, убежденный консерватор. В отличие от нашей Партии. И от меня. *(Пауза)*. Это не в моих силах. Революция важнее твоей шкуры.

Берия. А как ты докажешь мою вину?

Сталин. Одним твоим существованием. По-твоему, этого не достаточно? Прочь!

Сталин толкает Берию.

Сталин. Есть ли что-нибудь более извращенное, чем хотеть казаться тем, чем ты не являешься? Да! Хотеть быть тем, чем кажешься. Суть – двурушничество!

Берия *(катается по полу)*. Нет, ты ошибаешься! Вы совершаете ужасную ошибку, товарищ Сталин.

Булганин плачет от счастья.

Сталин. А если Берия прав? А если я стал помехой для дальнейших побед нашей партии? Товарищи, если это так, вы не имеете права скрывать этого от меня. Больше всего я ненавижу двусмысленности. Я готов уйти.

Маленков. Да как Вам в голову могло такое прийти?!

Булганин. Уйти? Но это недопустимо.

Хрущев. Я открыто заявляю, что немедленно подам в отставку, если наш дорогой товарищ Сталин уйдет.

Сталин *(Берии)*. Видишь, Лаврентий, я все еще нужен партии.

Берия. И мне, и мне Вы тоже нужны.

Сталин. Я рад, что ты сказал нам это, Лаврентий. Может быть, еще не все потеряно. Я могу предложить тебе кое-что. Я дам тебе пистолет, и ты сам пустишь себе пулю в голову. Здесь. В нашем присутствии. Сегодня, сейчас. Или, если этот вариант тебе не подходит, мы с тебя живого снимем кожу, а затем мы отправим в подвалы Лубянки всех членов твоей семьи, включая твою двенадцатилетнюю дочь. *(Берия собирается что-то сказать, но Сталин жестом останавливает его)*. Закон, Лаврентий, на моей стороне, я всегда могу воспользоваться постановлением от 7 апреля 1935 года, я могу. Твоя дочь... Что тут говорить. Тебе ли не знать, что ждет ее в Большом доме. Не ты ли руководил свиарником все эти годы? Сколько именно лет? Впрочем, наплевать. Что ты решил?

Берия. Я не... не понимаю. Я ничего не понимаю.

Сталин. А что тут понимать? Ни Господь Бог, ни Его Величество Дьявол не наделили тебя способностями к пониманию чего-либо. Зато они сделали тебя отличным заговорщиком. Нет, ничего говорить не надо. Пришло время сказать партии свое слово. Теперь говорить будем мы. Я считаю, что ты за-

служил высшую меру. Что скажет товарищ Булганин?

Булганин. Полностью поддерживаю.

Сталин. Каково мнение товарища Хрущева?

Хрущев. Я всецело «за»!

Сталин. Маленков...

Маленков. Однозначно.

Сталин. Таким образом, единогласно. Суд доказал твою вину в предательстве идеалов рабоче-крестьянского движения, во имя которых было пролито столько крови. Всеми нами. Лаврентий Павлович Берия, если Вы не покончите с собой... Это последняя привилегия, которая у тебя осталась... Или ты хочешь, чтобы я позвал сюда твоих ребят, чтобы они с тебя живьем сняли кожу? Тебе ли не знать их методов.

Берия. Нет, я хочу покончить с собой.

Сталин. Договорились. Ни у кого нет возражений. Даже у двурушника. По крайней мере, уже что-то. *(Пауза. Сталин о чем-то задумался).* Это правда. Порой может показаться, что мы слишком мнительные, слишком жестокие...

Маленков. Нет, не думаю.

Булганин. Я тоже.

Сталин. А мне кажется, что иногда это действительно так, товарищи. Иногда мы даже ошибаемся. Но во имя будущего нет напрасных жертв. В чем же наша цель? Освобождение рабочих всего мира. И в чем же сила коммунизма? Освободиться от собственных личных амбиций во имя целей социализма. *(Обращается к Берии).* Лаврентий Берия, Вы спрашивали, в чем мы вас обвиняем. Что ж, я отвечу. Ты обвиняешься в том, что заставлял невинных людей признавать свою вину.

Берия. Я поступал так, следуя Вашим...

Сталин. Моим? Ты меня в чем-то обвиняешь?

Берия. Нет.

Сталин. Нет, естественно, нет. К тому же, если ты не совершал вменяемых тебе в вину преступлений, это еще не значит, что ты свободен от других, не менее страшных злодеяний.

Берия. Каких?

Сталин. А мне-то откуда знать, если ты не хочешь сделать чистосердечного признания.

Берия. Но...

Сталин. Довольно. Лаврентий Берия, ты весь, без остатка, принадлежишь партии. Понимаешь? Ты принадлежишь нам. Все, что ты скажешь, начиная с этого момента, будет использовано против тебя. Все, за исключением твоего чистосердечного признания. Твое признание послужит для всех примером.

Берия. В чем я должен признаться?

Сталин *(передает ему листок бумаги).* Вот, возьми. Пиши.

Берия. Что писать?

Сталин. Все, что ты считаешь нужным сказать перед тем, как покинуть сей бранный мир. Твою исповедь. Что-нибудь правдоподобное. Я подскажу. Пиши: «Я – паршивая свинья». *(Берия пишет то, что Сталин ему диктует. Булганин и Хрущев обмениваются многозначительными взглядами).* Желательно печатными буквами. А теперь прикрепи эту записку к галстуку.

Берия *(срывающимся голосом).* Что?

Сталин. Николай, одолжи ему свой зажим для галстука.

Булганин отдает ему свой зажим для галстука. Берия прикрепляет записку.

Сталин. Теперь принеси сюда пистолет, он в столе, в верхнем ящике. *(Берия покорно идет за пистолетом).* В другом, слева, в синей коробочке. Только без глупостей, учти, что я тебя насквозь вижу. *(Берия находит коробочку, открывает ее и вынимает пистолет).* Теперь приставь его к виску или если хочешь, засунь его себе в глотку, так будет надежнее. А если ты промахнешься, мы тебя добьем. Тебе не о чем беспокоиться. Я уверен, что товарищ Булганин сочтет за честь помочь тебе в этом, не так ли? *Булганин утвердительно кивает.*

Берия неожиданно направляет пистолет на Сталина.

Сталин. Что ты делаешь?

Берия. Товарищ Сталин, Вы допускаете непоправимую ошибку. *(Направляет пистолет на Булганина).* Вот кто предатель!

Сталин. Я даже представить себе не мог, что можно сказать столько слов и ни к чему не прийти. Ни к чему хорошему. Я всегда знал, Лаврентий, что ты не только самый подлый предатель, но ты еще и законченный идиот. *(Берия, на грани срыва, переводит дуло опять на Сталина).* Видите? Вы это видите, товарищи? Лаврентий целится в нас с вами. Он уже много лет ждал этого момента. Навести на нас пистолет, который мы сами ему и вручили. Вы это видели? Так заслуживает ли он смерти? Идиот! Пистолет не заряжен.

Сталин подходит к Берии и бьет его ладонью по затылку.

Сталин. Дебил. *(Бьет его еще раз).* Дебил, кретин. *(Забирает у Берии пистолет, подходит к буфету и*

заряжает его). А вот теперь, да. Теперь он заряжен. (*Возвращает Берии пистолет*). Покончи с собой. Пистолет заряжен. Только патроны могут оказаться холостыми. Тебе уже известны правила игры, да вот только не все. Я вижу, ты сомневаешься. Ты опять на распутье. Стрелять в меня или... стрелять в себя. А если я зарядил его холостыми. Если ты опять в меня выстрелишь, а пуля окажется холостой, ты во второй раз за последние три минуты докажешь свою вину. Это будет верх идиотизма. Но, если ты выстрелишь себе в безмозглую голову холостым патроном, ты докажешь нам, что в твоём грязном сердце осталось еще хоть немного преданности. Если так случится, я обещаю простить тебя. Однако мы не можем быть уверенными в том, что пистолет заряжен холостыми. И тогда один из двух умрет. Что ты решил?

У Берии от перенапряжения подгибаются ноги.

Становится заметно, как у него, в области паха, начинают увлажняться штаны.

Сталин (*указывает на пятно*). Лаврентий, как тебе не стыдно?! Тебе, отъявленному мяснику, убийце бесчисленных жертв.

Берия открывает рот, наводит дуло и... выстреливает.

Выстрела не слышно.

Сталин смеется, подходит к Берии и дружески хлопает его по плечу.

Сталин. Очень хорошо, Лаврентий, очень хорошо, ты наш человек. А теперь выпьем за здоровье дорогого Лаврентия Павловича. (*Сталин сам разливает вино в бокалы*). Я хочу пожелать тебе, товарищ и друг, долгих лет жизни.

Сталин поднимает бокал. Остальные переглядываются в замешательстве, не зная, как вести себя и что говорить.

Маленков (*недоверчиво*). То есть нет никакого предателя? (*Сталин кивает в знак согласия*). Правда?

Сталин. Правда, Георгий, нет никакого предателя.

Булганин. Нет?

Сталин. Нет.

Булганин бросается на шею Сталину.

Сталин. Ну, товарищ Булганин, прекратите эти нежности.

Булганин. Любимый, драгоценный Вы наш, я... Я... (*Заливается слезами*).

Сталин. Ну же, Николай, зачем плакать. Ты что, девочка?

Булганин. Отец родной!

Сталин (*отстраняет его*). Пошли вон! (*Пауза*). Мне надо побыть одному, я хочу...

Булганин. А тост?

Сталин. Тост? Я хочу... Прочь, змеи!... Я хочу побыть один... прочь, товарищи... Я...

Все хватаются за свои пальто и собираются уходить.

Сталин складывает кости назад к коробку.

Хрущев (*Сталину*). Вы себя плохо чувствуете?

Сталин не отвечает; он с отсутствующим видом кладет кости к коробку.

Хрущев. Товарищ...

Сталин (*слабым голосом*). Я ничего не вижу.

Хрущев. Что?

Сталин. Только черные пятна.

Только что в левом полушарии мозга у него лопнула артерия. Кровоизлияние поразило весь этот участок мозга. Сталин ударяет коробку и падает навзничь. По полу лежат разбросанные кости Гитлера, Евы Браун и собаки.

Булганин. Господь вседержитель.

Маленков. Что с Вами, Иосиф Виссарионович.

Все присутствующие окружают Сталина и пытаются привести его в чувство.

Сталина бьет дрожь, изо рта течет слюна. Паралич разбил всю правую сторону тела.

Хрущев. Похоже, что это серьезно. (*Булганину*). Замерь ему пульс. Есть пульс?

Маленков. Иосиф Виссарионович!

Булганин. Как же так? Что же теперь делать?

Маленков. Надо немедленно вызвать врача. Сию секунду!

Маленков хватается за телефон. Хрущев подходит к нему и вырывает у него из рук трубку.

Маленков. Ты что, Никита?

Хрущев. А ну отдавай сюда телефон.

Все смотрят на Хрущева.

Хрущев. Вы что не видите, что он умирает? Никто не сможет воскресить его. Если мы не дадим ему умереть, история нам этого не простит. Никто не выйдет из этой комнаты, пока мы не будем уверены в том, что этот козел подышает.

Вдруг все замирают и с ужасом смотрят на Сталина, который левой рукой указывает на Хрущева.

Все отшатываются от Хрущева, как от прокаженного. Сталин поочередно указывает на каждого из присутствующих. Потом он жестаи просит перенести его на диван. Берия порывается исполнить его просьбу, однако Хрущев ему препятствует.

Хрущев. Он умирает. Разве не этого момента мы так страстно желали? Какому идиоту придет в голову пытаться продлить ему жизнь? Мы должны заключить пакт молчания. Пока он не умрет. Пусть валяется на полу. Мы скажем, что когда мы от него уходили, главнокомандующий был в отличной форме. Завтра утром его найдут мертвым и окоченевшим. Возражения есть? Ты со мной, Георгий?

Маленков. Я... даже не знаю.

Хрущев. Не знаешь? Сколько раз мы с тобой говорили о том, что это может случиться в любой момент. *(Пауза)*. Итак, я могу на тебя рассчитывать?

Маленков. Да.

Булганин. И на меня тоже.

Хрущев. Самые надежные пакты заключаются на мертвецах. Этому осталось недолго. *Однако Сталин неимоверным усилием воли заставляет себя подняться на глазах у онемевших от ужаса соратников, которые в страхе прижимаются друг к другу. Сталин опирается о спинку стула, похоже, что глотку ему жгут ядовитые слова, которые он хочет выплюнуть. Только их не слышно. Снова падает на пол. Лежит бездыханный.*

Хрущев *(после долгой паузы)*. Мы должны поступать, как договорились. Есть у кого-нибудь возражения?

Все молчат.

Хрущев. Хорошо. Запомните следующее. Его больше нет среди живых. А я есть. Я, товарищ Маленков и товарищ Булганин. *(Пауза)*. Лаврентий Павлович, у Вас есть, что на это возразить? *(Берия отрицательно качает головой)*. Нет, так не пойдет, товарищ Берия. Я хочу, чтобы Вы это сказали.

Берия. У меня нет возражений, товарищ Хрущев.

Хрущев. Ладно. Ты можешь идти и запомни, товарищ Сталин прекрасно себя чувствует.

Берия. Хорошо.

Берия подходит к телефону и набирает номер.

Берия *(по телефону)*. С Вами говорит Берия. Машину. *(Вешает трубку)*. Товарищи, я сегодня очень устал. *(Собирается уходить)*.

Хрущев. Здесь ничего не произошло.

Берия. Ничего.

Хрущев. Завтра мы обговорим все детали.

Берия. Хорошо, обо всем договоримся завтра. А теперь я очень устал.

Хрущев. Начинается новая эра для Советского Союза.

Берия. Да. Спокойной ночи, товарищи.

Хрущев. Спокойной ночи.

Маленков. Спокойной ночи.

Берия. Спокойной ночи.

Булганин. Спокойной ночи.

Берия уходит.

Хрущев *(в адрес Берии)*. Нам надо подумать, как избавиться от него.

Маленков. Это точно.

Булганин. Клянусь Вам, я больше всего на свете хочу именно этого.

Хрущев. И чем раньше, тем лучше. А теперь я должен остаться один. Я хочу остаться один на один с ним. Если Вы не возражаете, товарищи.

Булганин. Нет, конечно.

Булганин подходит к Хрущеву, обнимает его и целует в обе щеки.

Булганин. Спокойной ночи, Никита. Страшный кошмар закончился.

Маленков. Ой. Хоть бы так и было. Спокойной ночи.

Хрущев. Спокойной ночи, Николай.

Булганин берет телефон и набирает номер.

Булганин. Булганин на проводе. Машину. *(Вешает трубку и замирает, глядя на Сталина, чья грудь высоко вздымается от беспокойного дыхания. Плюет в него. Маленкову и Хрущеву)*. Спокойной ночи.

Маленков. Спокойной ночи.

Хрущев. Да. Спокойной ночи.

Булганин уходит.

У Сталина бешеный пульс, он находится на грани уремической комы. Очевидно, нарушение осмотического равновесия провоцирует временную задержку дыхания: долгая пауза, вдох, короткое дыхание, постепенное успокоение, затихает перед нарастанием длительности апноэ, снова временно восстанавливается.

Хрущев и Маленков смотрят, как Сталин умирает.

Маленков. Политика – это грязное дело. Но кто-то и его должен делать, и делать добросовестно. Завтра мы объявим о кончине великого человека.

Хрущев. Да, завтра мир узнает о кончине великого человека, а потом, спустя некоторое время, мы еще подумаем, насколько он велик.

Маленков смотрит на разбросанные кости.

Маленков. Что это такое было?

Хрущев. О чем ты?

Маленков. Об этой коробке.

Хрущев. Кости.

Маленков. Да, но чьи? (*Берет одну из них*). Эта похожа на череп собаки.

Хрущев. Какая разница. Таким сволочам, как этот, нравятся всякие там загадки. А еще им нравится уносить их с собой в могилу.

Маленков. Может, это Александров?

Хрущев. Александров? А какой в этом смысл? Бедный Александров. Нет, не думаю, что это его кости.

Маленков. Знаешь, когда я увидел эти кости, я подумал о... Впрочем, ладно, это так просто не объяснишь. Знаешь, я подумал о том, что это мои собственные кости, что это все, что от меня осталось. У тебя так не было? (*Хрущев смотрит на него не моргая*). И Булганин подумал о том же самом. (*Пауза*). Кстати, что мы будем делать с Булганиным?

Хрущев. Я еще не решил, это надо будет обмозговать.

Маленков. Ты доверяешь ему, Никита?

Хрущев. Я еще не сошел с ума доверять Булганину, ха...

Маленков. Значит, надо обмозговать, только побыстрее.

Хрущев. Да, а теперь оставь меня одного, ладно?

Маленков. Хорошо. Спокойной ночи, Никита. Мы на вершине.

Хрущев. Да, мы добрались.

Хрущев и Маленков обнимаются и троекратно целуются.

Затем Маленков берет телефон и набирает номер.

Маленков. Это Маленков говорит. Подайте мою машину. (*Кладет трубку. Хрущеву*). Спокойной ночи. Завтра рано утром надо созывать пленум.

Хрущев. Да, первым делом. Спокойной ночи, Георгий.

Маленков уходит.

Хрущев остается один. Достает из коробки череп. Бросает его в камин.

Смотрит, как пламя пожирает череп, вдалеке слышится лай собак.

Хрущев озирается по сторонам, беспокойно, почти в страхе.

Лай собак затихает, Хрущев, похоже, успокоился.

Затем он подходит к Сталину и целует его.

Целует его череп.

Снимает трубку телефона и набирает номер.

Хрущев. Это я. Машину. (*Кладет трубку*).

Хрущев берет пальто, выключает свет и выходит.

Сталин громко дышит в темноте.

Андрей РОСТОВЦЕВ

Литературное имя – Измаил. Родился в Ленинграде, учился в Кишиневе, сейчас живет в Москве. Работал помощником Э.В. Лотяну на фильме «Поэт Михай Эминеску». Восходил в горы, плавал по морям, гонял табуны по степи и любил красивых женщин, но ничто так не давало возможности прикоснуться к реальности, как высокое искусство – музыка, кино, поэзия.

Пять песен о любви, страсти и мудрости

Шекспир, Бенедетти, Хайям, Кавафис в переводе Андрея Ростовцева

Сонет 88

Презренье, дар твой, от тебя принять
 Большая честь – ты прям и незлобив.
 Готов прилюдно ты меня распять,
 Лишь потому, что много возлюбив,
 Меня решил спасти. Я весь в твоих руках.
 Вложу я в них разящий правды меч,
 Ничто иное – разум или страх –
 Не в силах мою душу уберечь.
 Моя рука давно в твоей, и вновь
 Дай направленье верное возьму –
 Вот сердце, вот душа, а вот любовь
 К тебе, мой брат, но метишь ты во тьму.
 Мы спаяны, и будет боль сильней,
 Когда останусь я с собой наедине.

Не твоё небо

На свете нет губки, чтоб вымыть вихрастое небо
 Румяна смыть с тучи нежданно идущей мимо
 Затем осушая море ведром волна за волною
 На солнце ты с рыбаками сетью раскинешь небо
 Но в этой тиши не хватать тебе будет тени и птицы

Неведом мне сон в котором ты устремился к небу
 Пальмой в зыбучий песок навсегда погруженной
 Когда безумьем своим ты все же с небом сравнишься
 Узнаешь изнанку и тяжесть его дождинок
 Тебе не хватать будет облака в катышках ваты

Не знаю есть ли ступенька прямо до края неба
 Когда ты спряженьем забытого кем-то слова
 Памяти вдруг оставляешь ее природную силу
 Чтобы в беспмятстве неба крестом коснуться
 Не хватит тебе там сосны укутанной в сумерки неба

Чужое оно и к другому ластится это небо
 Меняя рождения даты и даже любимые лица
 Когда ж своего достигнешь даже по капле малой
 Не будешь неба касаться мыть губкой его иль крестить
 Но тенью текучей станешь сосны облаков и птицы

Ожидаем варваров

- К чему толпа гудит, на площади нет места?
– Так варвары пожалуют в наш город.
- Зачем Сенат бездействует? Где предаются лени
Сенаторы, охочие писать для нас законы?
– Так варвары почтят нас непременно –
И городу Сенат отныне не указ:
Законом будет варвара желанье.
- Зачем у главных городских ворот столпотворенье?
К чему здесь весь в камнях ярких и парче помост
И трон, к которому прилип со свитком император?
– Так варвары стекутся прямо к трону...
В пергаменте, что в императорских руках,
Описаны подробно подношенья.
Их главный бородач у трона примет –
И титулы, и званья – даже власть.
- Зачем в плащах багряных с золотом застежек
В ряд консулы стоят, прибиты пылью с тракта?
К чему они браслеты с аметистами надели
И жезлы консульские – пуповину власти –
Сжимают пальцами в заветных изумрудах?
– Так варвары на золото и падки...
Оно их с грубой жизнью примиряет.
- Почто ораторов нет здесь красноречивых,
Певцов, чьи речи слаще меда и лобзаний?
– Так варвары почтят нас непременно,
А красноречье им как нож коварный.
- Постой, пустеет площадь и в народе вновь волненье,
Сенаторы уже хлопочут, а на лицах черни
Уныния следы и тихой скорби... Что за дело?
– Так вестники стекаются с границ.
Уж пала ночь, а варваров как нет,
И не дрожит земля, трава не шелохнется.
- Как будто их природа отмела... вот выход...
А нам что делать, как нам жить и дальше?

Рубаи

Как рьяно гурии кого-то в райский сад
Манят, но бубнов звук не принесет услад.
Струя вина пусть чашу омывает!
Прочь, тени прошлого! Лучу я солнца рад.

Сколько Бога в тиши о любви не моли,
Страсть иссушит души твоей чистой ручей.
Если курица ищет забвенья в пыли –
Сокол в небе, свободен, и снова ничей.

Иван КАЗАЧУК

Родился 26 июля 1955 года в семье целинников, на Алтае. Окончил Бельцкий пединститут им. А. Руссо факультет иностранных языков. В 1980-1982 годах работал по специальности в школе. С 1982-1987 годы – методист Шолданештского РОНО. В 1987 -1990 годы директор русско-молдавской Шолданештской школы. С 1990 по 2007 годы – учитель немецкого языка в данной школе.

Русалочке

Печален очень ты. И всё ж прекрасен!
Сказ Андерсена о земной красе,
Любви Русалочки к земному юноше,
О безграничном мужестве и доброте.

Любовь Русалочки в стократ сильнее
Любви всех нас, простых людей,
К любимому, что больше не увидишь,
Он не узнает правды о любви твоей.

Любовь – единственная – правит Миром,
Что б не воздвигли ей мы на пути,
И, как весна, идешь ты к людям щедро,
С тобой, Любовь, мы, к счастью, не одни.

Чем заплатила за свою любовь Русалочка?
Свободной жизнью в океане средь подруг,
И ведьме голос отдала свой сладкозвучный,
Чтоб на Земле жил в счастье милый друг.

Ты за любовь жизнь юную отдала,
В морскую пену превратилась ты,
Чтоб люди помнили, что есть любовь на свете,
Вся в музыке! В объятьях красоты!

Память

Почему меня ты возвращаешь, память,
В те дни, давно ушедшие Годы?
Не хочу я с ними расставаться,
Пусть со мною будут навсегда.

Кем бы стал я, не имея память?
Без прошедшего нельзя нам жить,
Знать ошибки. Их желать исправить,
Боль души и сердца утолить.

Память! Память! Ты верни нас в детство,
В юность! В те ушедшие года,
Где мы жили счастливо у мамы,
Жаль! Что не вернуть вас никогда.

Если б мы смогли вернуться в детство,
Босиком промчаться по траве,
Встретить тёплое и ласковое солнце,
Отзовись же, время! Здесь мы все.

Все, кто помнит это сказочное время,
Щебет детворы. Траву в росе,
Ласковый и нежный лист берёзы,
К сожалению, всё это лишь во сне.

Даже камень помнит своё детство,
Несмотря на миллионы лет,
Никогда ушедшего я не забуду,
В том даю, память, тебе обет.

Дети - Скрипки!

Такие мысли вдруг ко мне приходят,
Какую тень оставлю на Земле?
Это дела мои. Людская память,
Как долго будут помнить обо мне?

Ведь в жизни сделал много я хорошего,
Детей учил. Им сердце отхавал,
И за зарей бежал я вместе с ними,
Восток алел. И утро я встречал.

Встречал с любимчиками я его своими,
Все были они для меня равны,
Таким вот был и я когда-то тоже,
Как дочки матерей своих, сыны.

Так говорил Амати Страдивари:
– Какую тень оставлю на Земле?
Мои все скрипки подарю я людям,
Их голоса я буду слушать в вышине.

А мои скрипки – это мои дети,
Каких я обучил за много лет,
Видеть прекрасное вокруг и в невосводе,
Уметь на все вопросы им искать ответ.

Печаль

Ну почему мои стихи печальны?
В них боль звучит. Тоска души.
В судьбе заложена ошибка изначально.
И остаёмся в нашем мире мы одни.

Тот мир, в котором много лет живу,
Уже отцвёл. Опал он безвозвратно,
Была в нём ценным широта души,
И сердце щедрое! Как вас вернуть обратно?

Но мы бессильны! Время не остановить,
И в мире зла намного больше, чем добра,
Так сколько жизней нужно нам прожить,
Чтоб доброта бал правила! Одна!

Алла СТУПИНА

Родилась 5 августа 1950 года в с. Згурица Дрокиевского района Молдовы. Окончила филологический факультет Кишиневского педагогического института им. Иона Крянгэ. Работала в школе, затем – экскурсоводом в Кишинёвском бюро путешествий. Составляла тексты экскурсий по природоведению, истории, литературе, военной тематике. В настоящее время на пенсии.

Последний звонок

Только вчера, казалось,
Спешили на первый урок.
Время стрелою умчалось,
И вот – последний звонок.

Многое здесь сумели
Выслушать и понять.
Школьные дни пролетели,
Лето встречаем опять.

Пусть на бумагу лягут
Искренние слова.
Столько успели за год
Виновники торжества!

Месячники, декады –
Сотни любимых дел.
И наконец награда –
Знают о вас везде!

Путь через тернии к звёздам
Преодолеть смогли.
Сколько детей и взрослых
Вахту труда несли!

Уверенность в своих силах,
Здоровье и оптимизм,
Множество дней счастливых
Принёс вам спорт и туризм.

Лучшим баскетболистам
Мы пожелаем удач,
Чтобы и впредь лицеистам
Видеть победный матч.

Трудности не пугали,
Рядом песня и смех.
Жарче всех танцевали
И заслужили успех.

Славные рукодельницы,
Лучшие повара,
Опытом с нами поделится
Щедрая детвора.

Море забав и открытий
Мир приготовил для вас.
Если не очень спешите,
То загляните в класс.

Ждут здесь послушных и умных,
Смогут советы дать.
Пусть в кабинете шумно,
Каждый спешит сюда.
Мыслей так много об этом,
Трудно их вместе собрать,
Встретимся в Интернете,
Будем читать и писать.

Здесь даже самый ленивый
Сможет талантливым стать,
Умным и очень красивым
И научиться летать.

Память о днях ушедших
В ярких красках живёт.
Как марафон сумасшедший,
Мчался учебный год.

Школа придумана, чтобы
Жизнь полюбить и понять.
После нелегкой учёбы
Лето зовёт отдыхать.

Если увенчаны славой,
Так принимайте парад!
Ветер и шторм в восемь баллов
Выдержал ваш корабль!

Весёлая пора

Праздник в первый день лета –
 Это ведь радость вдвойне.
 Сколько тепла и света
 В детской волшебной стране!

Можете прыгать, резвиться,
 Целыми днями гулять.
 Больше не нужно учиться –
 Время пришло отдыхать.

Добрим, весёлым и сильным
 Каждому хочется быть.
 Мир познавать красивый
 И о невзгодах забыть.

Дарит свободу лето
 Милым озорникам.
 Целый список запретов
 Больше не нужен нам:

Вовремя спать ложиться,
 Утром пораньше вставать,
 Сколько раз нужно мыться,
 Платок носовой не терять.

Не гладить собаку и кошку
 И «газировку» не пить.
 Конфеты есть понемножку,
 С мальчишками не дружить.

Домой приходить поскорее,
 Больше читать и писать...
 Взрослые, будьте добрее
 И постарайтесь понять:

Солнце и яркие краски
 Любит всегда детвора.
 Пусть окончанием сказки

Станет победа добра!

Дорога к лицу

Ушло беззаботное лето.
 Сентябрь у порога стоит.
 Часы пробегут незаметно,
 И первый звонок прозвенит.

Я снова волнуюсь, как прежде.
 Полвека минуло с тех пор,
 Как утром навстречу надежде
 Мы вышли на школьный двор.

Здесь детство мое обитало,
 Училась читать и писать
 И новую жизнь познавала,
 Чтоб все повторилось опять.

Потом провожала я сына
 И внука с букетом цветов,
 Поэтому годы бессильны,
 И жизнь продолжается вновь.

Сегодня встречают лица
 Родителей и детей.
 Мы станем немного мудрее,
 А младшие станут взрослей.

Давайте же чаще встречаться,
 Учиться, работать, дружить,
 В походы ходить и смеяться,
 Чтоб детство свое не забыть.

Ведь вместе мы столько сумеем
 Достигнуть в учебном году!
 Я снова к родному лицу
 Знакомой дорогой иду.

Наталья СИНЯВСКАЯ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Наталья Синявская, 40 лет. Родилась и выросла в г.Кемерово, Россия. Закончила Кишиневский государственный университет, факультет журналистики. С 1990 г. работает в прессе и на ТВ.

В Амстердаме даже дома танцуют

В Амстердам я влюбилась сразу, не так, как в Лондон – такой осознанной, глубокой любовью, а с легкостью курортного романа. Романтично, весело, сумасшедше, беззаботно... И воздух пьянящий, – в общем, все, как на каком-нибудь морском побережье. Правда, насчет пьянящего воздуха меня долго терзали сомнения: наверное, это все-таки не «пьянящий» воздух города свободных отношений и где-то даже вседозволенности, а, скорее, дурманящий – от дыма «травки», которую здесь не курить неприлично.

* * *

В Амстердаме нельзя находиться долго: это, как выдохшийся коктейль, пропадет изюминка, вкус станет пресным и очарование городом перейдет в разряд «надоело». Ведь праздник не может быть вечным.

В моей памяти Амстердам остался сумасшедшим праздником. Танцующим. Как дома голландской столицы. Это поразительное зрелище: пройдя от железнодорожного вокзала, который напоминает огромный дворец по своему архитектурному облику, буквально метров сто по направлению к центру, я на другой стороне неширокого канала увидела те самые дома. Затем «танцующие» дома встречались на каждом шагу. То есть такие узкие, в три – четыре этажа дома с красочными фасадами, прилепленные друг к другу, располагались не прямо перпендикулярно к земле, будто деревья в наших кишиневских парках, а с заметными отклонениями. Иногда на самом верху такие отклонения «на глазок» достигали чуть ли не полуметра.

Как выяснилось, на территории Голландии когда-то были лишь болота. Но упорные люди решили эту землю сделать пригодной для жилья и сельского хозяйства. Они строили отводные каналы (вот почему так живописна страна сегодня, благодаря каналам), сооружали мельницы, которые служили и механизмами для откачки воды (вот почему Голландию называют «страной мельниц»). Но почва все равно оставалась мягкой и влажной, а потому дома строили на огромных деревянных сваях, которые через какое-то время начинали «гулять», а дома – «танцевать».

«Танцуют» в Амстердаме и другие дома – на воде. Прямо в центре, на каналах, у берега пришвартованы эти платформы или лодки, на которых построены целые квартиры, небольшие, но оборудованные всеми необходимыми благами цивилизации. Власти такое разрешают.

* * *

Был май. Интернет пестрел сообщениями, что в каком-то голландском городке грядет фестиваль тюльпанов. И я наивно думала, что в Амстердаме попаду в цветочный «рай». Но за все время знакомства с городом я лишь дважды видела тюльпаны – один из туристических офисов украшали вазоны с этими цветами и у кого-то в руках букетик. Клумб в центральной части города просто нет: только дома, дороги, тротуары, велосипедные дорожки, каналы... редкие деревья вдоль улиц.

Амстердам чествует не тюльпаны, а «канабис», то есть коноплю (которая и «дает» марихуану). В городе открыта масса магазинов, на окнах которых изображен характерной формы листок: здесь продают семена с подробными инструкциями по выращиванию. В других лавках, похожих на наши маленькие «алиментары», продаются напитки, чупа-чупс, печенье и прочая ерунда с канабисом, а также какие-то «бодряще-веселящие» грибы. И, конечно, сувениры на тему «травки». Я купила, конечно, чупа-чупс и печенье и по своей наивности переживала на таможне: вдруг натасканные на наркотики собаки учуют амстердамскую выпечку. Я заранее упаковала эти «сувениры» с весьма пахучим сыром «Камамбер»... типа хитрая я и умная. И только потом сообразила, что «канабис» в печенье, что любая другая трава, будь то укроп или руккола – никакого «наркотического» аромата и, тем более, воздействия.

Курят разрешенную «травку» в Амстердаме в специальных «кофешопах», в общем-то, по внешнему виду – обычных барах, а стоит «дымное» удовольствие примерно 25 евро. Лучше потратить четвертак на что-то более осязаемое – товары на блошином рынке или селедку-девственницу и пиво.

* * *

Да, селедка тут знатная. Еще до поездки в Амстердам знакомый рассказывал мне, что был в гостях у одной голландской семьи. Так чуть ли не с порога ему подали... селедку, целую тушку, правда, без костей. При этом – ни напитков, ни хлеба. Фишка у них такая – селедка на все времена жизни.

Называют ее «девственной сельдью», так как вылавливают в определенный день, пока рыба не успела обзавестись потомством. И маринуют особым способом. За два-три евро такую сельдь-девственницу можно купить на любом углу. Она действительно необычайно вкусна.

* * *

Кажется, Амстердамом правит какое-то велосипедное тайное общество. Если у нас, в Кишиневе, всегда прав водитель, в европейских городах – пешеход, то в Амстердаме – велосипедист. Весь город оплетен специальными дорожками, и пешеходу приходится изворачиваться, чтобы перебежать через такую дорожку без риска для жизни. Есть, конечно, и автомобили, и водный транспорт, и бурлящий поток пешеходов, но все это – не главное. Забавно наблюдать, как в одном месте припаркованы сотни велосипедов.

* * *

Пьянящий воздух Амстердама выносит по узким, порой метра по 4-5 шириной, улочкам в квартал

Красных Фонарей. В любое время суток здесь можно найти себе «любовь». Жрицы той самой любви в откровенном «безодежье» восседают в высоких креслах, типа барных, за стеклянными витринами. Некоторые витрины закрыты шторами – значит, заняты девушки либо отдыхают. А те, что на работе, завлекают клиентов зазывными позами и телодвижениями. Для заинтересованных могут приоткрыть стеклянную дверь, чтобы обсудить подробности потенциальной «встречи».

Вплотную с «витринным рядом» – салоны «живых» шоу, где за 25-35 евро можно посмотреть на «любовь» во всех ее подробностях.

Да уж, девственно чистой в этом городе любовь быть не может, только – сельдь.

* * *

В Амстердаме – огромное количество музеев. Буквально на каждом шагу. Музей ма-рихуаны, музей секса, музей водки. Из серьезных – галереи, Мадам Тюссо, здание которого занимает целый квартал на центральной площади Дам. Музей Ван Гога с самой большой коллекцией в мире картин этого художника. Музей Рембрандта в доме, где он прожил 20 лет. Королевский музей с богатейшим собранием произведений искусства. Морской музей. Домик Петра I, где русский царь «шагнул через окно» в Европу. Дом Анны Франк – еврейской девушки, которая пряталась два года от фашистов и вела дневник, опубликованный позже ее отцом и ставший популярнейшим послевоенным изданием. Все эти музеи и за неделю не обойдешь. Плюс еще храмы, костелы...

Да и сам город – сплошной музей. Трогательный дом с надписью года строительства – 1602: здесь расположен сувенирный магазин. Надо же, выстоял на болотах. И таких домов здесь множество.

Еще один музей. Пожалуй, самый вкусный. Где-то на углу двух узких улочек неподалеку от центрального железнодорожного вокзала, – музей сыра. Всего на каких-то четыре небольших помещения – и магазин, и мини-заводик, и столики для дегустации. В одной из комнат музея – шоколад, во всех видах и вариациях. Настоящий рай для любителей сыра и шоколада. Причем практически все предлагаемые виды продукции здесь можно попробовать (и не раз), а основательно перекусив, выбрать понравившийся вариант. Например, красный сыр с паприкой или зеленый со шпинатом. Вкуснотища!

* * *

Покидая Амстердам, будто уходишь с понравившейся своей оригинальностью вечеринки, прошедшей в старинном, красивом замке. Слегка «подшафе», хотя выпила всего-то грамм 300 пива. Слегка оглохшая от постоянной музыки. Слегка уставшая от мелькания лиц, нарядов, событий, танцев... Только если после вечеринки хочется быстрее оказаться дома, из Амстердама уезжать не хочется. Ну хоть еще денек... другой... третий...

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46